В этом номере

ISSN № 0130-7045

НАУКА И РЕЛИГИЯ

3 • 1979

НАША ОБЛОЖКА

Материнство... Кажется, нет в искусстве другого образа такой же чудотворной силы — образа, к которому обращались художники всех времен и народов, самых разных верований и эстетических пристрастий. И какой поэт, вдохновленный этим вечным символом Жизни, не отдавал себя вольно или невольно торжественной и взволнованной лирике самого высокого одического стиля? Образ, способный растопить самое оналенелое сердце, сделать — хоть на минуту — стыдливо-растроганным романтиком самого трезвого и сурового реалиста, — образ, в котором словно сливаются воедино лики всех прекрасных и печальных Мадонн, воспетых искусством, и тот единственный, до черточки знакомый и до боли дорогой тебе лик — лик той, что дала тебе твою единственную и неповторимую жизнь...

Материнство — вечная и святая тема искусства, потому что это вечное начало самого бытия. Но ведь и так называемые «вечные темы» имеют и свою историю, и свое жизненное пространство. Одни, хотя и «вечны», все-таки ведут свое не столь уж далекое начало от истоков нашей современной цивилизации и пользуются преимущественным вниманием к себе со стороны аналитиков и интеллектуалов, философов и мудрецов; другие же, зарождаясь у истоков самой жизни человечества, обращены к каждому. Они порой кажутся простыми и понятными, однако же их «неслыханная простота» таит в себе, может быть, такую духовную глубину, что проникновение в нее равносильно разгадке тайны самой жизни. Так и эта вечная тема — Мать и дитя... Сколько раз на дню, и где бы мы ни были, в потоке вечно бегущей жизни останавливает наш взгляд, будоражит нашу память, пронзает печалью, трогает радостью сердце и в который раз поражает нас высшей человеческой красотой этот привычный и каждый раз удивительный образ — Мать и маленький человек, будущий хозяин мира, продолжатель нас самих, наших дел и стремлений.

Этой теме мы посвящаем вторую страницу нашей обложки.

Фото Б. Покровского и Фотохроники ТАСС

Пензенская область выглядит пятнышком на карте всего Советского Союза. А тот уголок, которому посвятил свои заметки специальный корреспондент нашего журнала А. Шамаро, в свою очередь выглядит так же скромно на областной карте. Но когда начинаешь знакомиться с историей этого уголка Российского Черноземья, чувство изумления охватывает тебя. Эта, по масштабам нашей Родины, крохотная, в сущности, полоска земли стала истоком великих и славных явлений русской культуры, которые обозначены в памяти народной, в памяти всего культурного человечества легендарными именами — Белинский, Лермонтов, Чернышевский. И в этом можно убедиться, открыв даже официальный справочник административно-территориального деления. Белинский район, сельсоветы Лермонтовский и Чернышевский.

НАУКА И РЕЛИГИЯ 3·79

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ОРДЕНА ЛЕНИНА ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

Год издания двадцатый

Художественный редактор С. И. Мартемьянова.
Технический редактор С. В. Сегаль.
Корректор Р. Ю. Грошева.
Макет В. Ф. Ситниковой.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Первый очерк об удивительном уголке России читайте в номере.
Цветные снимки к этому очерку мы поместили на третьей странице обложки.

Дом-музей В. Г. Белинского в городе, названном его именем (бывший Чембар).

„Я говорю от имени горянок..."

Мне очень трудная досталась честь:
Я говорю от имени горянок...
Я тороплюсь за стол рабочий сесть,
Как хлебороб, вставая спозаранок.

Я у сестер моих всегда в долгу.
Они свои мне доверяют чувства.
Мне кажется порой, что не смогу
Сто судеб воплотить в одно искусство.

Но разве небо не одно у нас?
Но разве не одно нам светит солнце?
И плачет в горе каждая из нас,
И каждая в день радости смеется.

Мы любим все наш отчий горный край
И песню матери у колыбели...
А если ты взяла пондур — играй,
не жалуйся, что пальцы ослабели *.

Раиса АХМАТОВА стала первой в истории чеченцев поэтессой. Правда, сама она говорит, что их было много, чеченских поэтесс, только имен их никто не знает, а песни их сердец могли слышать лишь вековые чинары да горы. «Ах, дочка! Суждено тебе молчанье, тебе не позволяет петь Аллах!» — учила мать девочку с колыбели. Не было у горских поэтесс ни имени, ни славы, но их песни жили: старые пондуристы передавали поколениям их мечты, страдания, надежды, не зря ведь пондур — национальный чеченский инструмент делают из чинары. Раиса Ахматова — первая из чеченок смогла сказать свое поэтическое слово во всеуслышанье, потому что ей выпало родиться и жить в другое время, изменившее неузнаваемо и жизнь в горах Северного Кавказа, и судьбу горянки. Она рассказывает в стихах о себе искренне, без единой фальшивой ноты, ее духовный мир богат и многообразен, сердце чутко ко всему, чем живут люди, что их тревожит и радует. Зоркость души, трудный жизненный опыт, мировоззрение, выработанное нашим временем, активное отношение ко всему позволяют ей делать глубокие философские выводы, решать каждую проблему честно и до конца. Сколько писем получает она от горянок — они доверяют ей свои мысли, мечты, тревоги, сомнения, просят совета, помощи или просто рассказывают о радостном или печальном событии, о своей любви... Судьбы горянок, пройдя через ее сердце, становятся прекрасными поэтическими строками. Жизнь поэтессы — вдохновенный, нелегкий труд — труд души. Но именно в этом она видит ее смысл.

Раиса Ахматова рассказывает по просьбе нашего корреспондента о себе — значит, и о своих сестрах-горянках.

Меня попросили рассказать о себе и о горянках. Это и легко, и очень трудно. Легко потому, что я — горянка, выросла в чеченском ауле Катыр-Юрт, работала в колхозе, потом учила детей, жизнь горянок проходила на моих глазах, да она ничем от моей вначале и не отличалась, все, что происходило с моим поколением — родившихся на рубеже тридцатых годов, происходило и со мной. А что было в жизни горянки раньше, я знала от своей бабушки и от мамы, да многое и сама видела — не сразу ушло от нас все старое. Кое-что из того, что «было раньше», дожило и до сегодняшнего дня. Так что жизнь горянки я знаю, как мою собственную. Но о ней очень трудно рассказывать. Столько в ней и радости, и боли, и светлых и печальных событий, так сложно переплелись в ней прошлое и настоящее, так стремительна и сильна в ней тяга к добру, к осознанному, независимому существованию... Об этом и многом другом в жизни горянки я вот уже 20 лет говорю своей поэзией, но высказала лишь малую часть того, что в сердце, в мыслях...

Главное, что освещает особым светом все мои дела, мои дни, — это постоянное ощущение радости от того, что в моей руке — перо поэта, что мне дано **слово**, что могу выразить себя, свое отношение к миру. Это чувство так остро потому, что еще совсем недавно, чуть больше полувека назад, у нас в горах в голову никому бы не пришло выслушивать, что там думает женщина, о чем страдает, чему радуется. Да она и сама никогда не стала бы высказываться вслух. Это было запрещено религией — а жизнь в горах подчинялась законам ислама. Но если женщина все же решалась спеть свою песнь во весь голос, — она обрекала себя на верную гибель. За примерами не надо обращаться в глубь веков. Вот пример начала нашего столетия — судьба талантливой дагестанской женщины Анхил Марин, сочинявшей песни. По приказу наиба ей зашили жилами рот, чтобы она не пела, — такую пытку применяли на Востоке в средние века к бунтарям. А песни Анхил Марин были самым страшным бунтом — против шариата.

Радостно мне, что сегодня на Северном Кавказе есть поэтессы, признанные не только у себя на родине, в горах, но и во всей нашей большой стране. В этом убеждаешься в писательских поездках по стране, которые нередко совершаем вместе. Нас вни-

* Стихи Р. Ахматовой приводятся в переводе И. Озеровой.

мательно и отзывчиво слушают на Самотлоре и во Владивостоке, в Тюмени и Средней Азии, в новосибирском Академгородке и в рязанских селах, на Алтае и на Севере. Балкарка Танзиля Зумакулова, карачаевка Халимат Байрамукова, аварки Машидат Гаирбекова и Фазу Алиева, кабардинка Фоусат Балкарова и многие, многие другие — в полный голос говорят они о себе, о своей родине, о жизни горянки.

Но вернусь еще ненадолго в прошлое, без этого не оценить в полной мере того, что есть у нас сегодня. Как-то прочла я такую запись у писателя Эффенди Капиева, относящуюся к началу века: «Муж-горец возмущенно доказывал на суде, что жена должна работать больше ишака, потому что она кушает чистый хлеб, а ишак — солому». Так и было! Надо ли удивляться, что рождение девочки в семье горца вызывало у родителей не только понятную радость, но и горькие чувства, не понятные нам сегодня, но так легко объяснимые тогда. Мать, родившая дочку, безутешно плакала, она знала, что ждет ее дитя. Отцом ее детей станет наверняка нелюбимый, а то и ненавистный ей человек; выйдя замуж, лишится дочь имени — обычай запрещал называть по имени жену, сноху, будет молчать всю жизнь и бояться, что родит девочку.

Когда я родилась, живы еще были старые законы в горах, и мама не могла поверить до конца, что наступило другое время, совсем непохожее на то, в котором прошли ее молодые годы. Родив четырех девочек, она чувствовала себя очень несчастной, обойденной судьбой, она была уверена, что Аллах наказал ее. Как ждала она сына в четвертый раз, а родилась я. Не знала мама, что, хоть и нелегко сложится моя жизнь, даже трудности и беды в ней будут не те, что раньше всегда выпадали на долю горянки, что я стану человеком со всеми правами, с главным правом — на счастье, на любовь, на любимый труд. Не знала моя мама, что не придется ей продавать мою любовь и свободу за убогий калым...

Горянка получила свободу. Но надо было научиться ею пользоваться. Это была очень серьезная проблема. Советская власть сказала горянке: «Ты свободна, как птица! Лети!» Но, не научившись летать, можно было упасть камнем с небес. Нелегко давалась эта наука. И не только потому, что в огрубевших, натруженных руках горянки дрожал карандаш, когда она выводила первые в жизни буквы на курсах ликбеза, а иным ученицам было уже за пятьдесят. Не только потому, что бедны были ее представления о мире. На пути ее к знанию, к общественному труду, к личной свободе и независимости крепкой стеной стояли религиозные предрассудки, невежество, темнота и собственная психология, в которой главной чертой была покорность — своей доле, непосильному труду, любому несчастью. В ясли они несли детей со страхом, как в темный лес... К трактору подходили, дрожа, как к чуду или, скорее, к чудовищу. На русских девушек в футболках, с непокрытой головой боялись даже смотреть — были уверены, что Аллах покарает даже за это. Все это было. С трудом привыкала горянка к свободе, обретала себя, училась пользоваться своими правами. Весь образ жизни Советской страны, крепнущие связи горцев с другими народами, в первую очередь с русским народом, помогали свершиться революции в сознании и быту горянки. Раздвигались горы — перед нею открывался огромный неведомый мир. Он принимал ее, учил уму-разуму, добру, новым отношениям между людьми — и становился для нее родным. И не было в нем места для прежней покорности, он был неподвластен шариату.

Тут можно о многом говорить, но мне хочется прежде всего сказать о том, как возникало у горской женщины понятие Родины. Это я хорошо ощущаю на собственной жизни. Сначала Родиной для меня был только мой маленький аул, примостившийся на склоне горы, казалось, ближе к звездам, чем к плоской земле, наше ущелье и бурная река на его дне, куда страшно глянуть. Это были наши душистые травы и упоительный воздух, сакля нашей семьи. Все это осталось со мной навсегда. Без гор я не смогла бы жить. Но вот приехала я в город на реке Сунже — Грозный, и он перевернул мою душу, я поняла, что мой аул не был единственным в мире, и я полюбила этот город, он тоже стал моей Родиной. Я взрослела, узнавала новые края — близкие и дальние, где меня встречали добрые люди, учили и помогали, я узнала ширь сибирских просторов и широту души сибиряков, увидела, что в глубинах Иртыша отражаются такие же яркие звезды, как у нас в горах. Я увидела тихий свет белорусских пейзажей и завидную яркость красок Армении — приняла сердцем их красоту и полюбила навсегда. Наверное, еще и потому полюбила, что очень люблю свою родную Чечено-Ингушетию. У нас говорят: кто не ценит родного гнезда, не пожалеет и чужого...

Я поняла, что это все — моя страна, моя Родина, я ее дочь, которую она знает, о которой заботится и помнит. Конечно, я повторю то, что сказано было множество раз и до меня, если скажу, что значила для меня встреча с Москвой. Столица огромной страны, моей Родины, приняла, поняла поэзию моей чеченской речи. Что значило для меня, скромной горянки, принять участие в работе Всемирного конгресса защитников мира, который проходил в Кремлевском Дворце! Я ощутила единство со всеми честными людьми земли, я говорила на одном языке с теми, кому дорог мир, как мне, как всем женщинам и матерям. Мои слова были понятны и интересны и американской матери и бабушке Рут Гейдж Колби, и седому мудрецу из Дели Мулку Раджу Ананду...

А когда меня избрали делегатом на XXII съезд партии, я поняла, что люди подняли меня выше наших гор... Я хотела тогда сказать всему миру, что это не меня лично, Раису Ахматову, написавшую столько-то стихотворений и поэм, выучившую грамоте столько-то детишек, поднимает страна. Это она оказывает доверие горянке, получившей права на счастье, отдающей все силы Родине, партии... В этом моем пути от сакли к Кремлевскому Дворцу, где проходил съезд, — все «невероятное преображенье чеченской исстрадавшейся земли». На моем месте тогда могла бы быть и Герой Социалистического Труда доярка Лемка Бараховеа, и бригадир свекловодов, тоже с Золотой Звездой на гру-

ди, Тамара Муслиева, и лауреат премии Ленинского комсомола актриса Неля Хаджиева, и многие другие...

Горянка, впервые прочитавшая буквы 50 лет назад, сегодня учит детей, делает хирургические операции, управляет сельскохозяйственными машинами, читает лекции студентам, играет Шекспира и Толстого. Каждая такая судьба может стать книгой, поэмой. Нельзя только нам забывать, что не одной горянке стремление к новому, к свободе стоило жизни...

Я часто бываю в горных аулах — то меня зовут на читательскую конференцию, то требуют моего присутствия депутатские или общественные обязанности — я много лет возглавляю Союз писателей республики, то просто потянет неудержимо поближе к вершинам, к родному дому... Всякий раз у меня в аулах много встреч, разговоров, доверительных рассказов и бесед. Я женщинам — свои стихи, они мне — свои радости, беды, вопросы. Такой обмен мне по душе. Я с удовольствием смотрю на девушек-горянок в босоножках на модных деревянных каблуках, в красивых косынках и ярких платьях, коротковатых даже на мой, вполне доброжелательный взгляд, но, наверное, скоро и сюда придет «длинная» мода, к которой я уже успела привыкнуть, бывая в разных городах. Мне нравится, что все со мной здороваются на улице — не потому что читали мои книжки, а потому, что таков обычай. Люблю заходить в книжные магазины — правда, теперь даже мои поклонницы — молоденькие продавщицы редко порадуют хорошей книгой — всё, мол, моментально раскупают... Вот и хорошо, думаю.

Но из такой вот радостной в общем поездки нередко возвращаешься с тяжестью на душе. По разным причинам, вернее по разным поводам, причина одна. Иной раз пройдет мимо по улице тихой, несмелой походкой, со склоненной головой молодая женщина в одежде, длинной не оттого, что она следует моде. Голова укутана платком — нет, это не та кокетливая косынка, которую мои знакомые девушки носят, тоже отдавая дань обычаю, но так умело ее подбирают к платью и цвету волос. Знаю я эту походку, эту склоненную голову. Все знаю, будто иду за нею следом. Вижу, как, стараясь не попадаться на глаза свекру, проскользнет она в комнату, не смея спросить у свекрови, где ее сын; вижу, как проходит мимо нее, будто мимо дивана или шкафа, возвратившийся с работы муж — «джигит», которому не подобает вступать в разговор с женой — не дай Аллах кто-нибудь услышит, позор! На работу ее, наверное, не пускают, конечно, она и не мечтает об институте. Она боится, что если не угодит кому-то из родни, то муж ее бросит и всеми силами постарается не отдать ей сына. Придется бороться. Да может ли она бороться? Она так и не научилась «летать», она не пользуется своими правами. Кто виноват? Не она одна, конечно. Все. И я тоже.

Бывает, поведают мне какую-нибудь грустную историю о том, как обычай сломил судьбу женщины, лишил ее счастья. И чувство вины перед моими сестрами овладевает мной, и возмущение позорной живучестью старых обычаев, которым, кажется, в наших условиях и жить-то нечем! А вот поди ж! Пусть мало таких судеб, пусть они считанные. Но жизнь у каждого одна, другой не будет...

Хочется мне рассказать этим женщинам, например, о Камете Дударкаевой. Она — отличный механизатор, об этом говорит награда за труд — орден Ленина. Когда в засуху 1975 года надо было помочь другим областям страны, Камета первая в республике вызвалась поехать на помощь. Взяла трех сыновей, тоже механизаторов, и отправилась в Оренбургскую область. Славно они там поработали, и им честь, и всей нашей республике. Посмотрела бы я, как стали бы запугивать эту женщину карой Аллаха за участие в общественном труде, за то, что не сидит дома, не молчит в присутствии мужчин, не угождает и т. д. и т. п.

Встретившись с тяжелой судьбой какой-то женщины, я всегда думаю с болью и о том, что не узнала она счастья равноправной любви. Горянка и любовь — тема особенная, для меня полная огромного смысла. Шариат безжалостно рубил ростки свободного чувства. Любовь жила в сердце горянки и прежде, в далеких временах, но редко приносила ей счастье, скорее навлекала беду. Трудно было соединиться с любимым. Трудно было сохранить любовь. Сегодня горянка получила право любить. Она хочет любви честной, искренней, без унижений, покорности и страха. Нет тяжкой зависимости от мужчины, если она ее не хочет. Сколько я знаю сегодня в горных аулах счастливых семей, где мать — подруга отца своих детей, любящая и любимая! Счастливы дети в этих семьях. Они вырастут хорошими людьми. Узнав в детстве много добра и ласки, будут сами множить добро в своих детях, в своих делах. В таких семьях, как правило, нет места и религии, старым обычаям.

Но есть еще в наших аулах женщины, которые сами сохраняют старые обычаи, обедняющие их собственную жизнь, лишающие их счастья. Они и детям внушают понятие о боге, пугают малышей наказанием Аллаха, не надеясь на свое воспитание, хотят предотвратить дурные поступки детей, вызывают у них страх перед наказанием, приучают к исполнению религиозных обрядов. Их немного, конечно, таких матерей. Но все равно это тревожит меня. Перед детьми наша ответственность необычайно высока. Что вложим в их головы, в их сердца? От этого зависит и наше и их будущее.

Я всегда помню глаза моих первых учеников — первоклассников. Каждый из них был маленьким философом, открывающим белый свет. Они задавали столько вопросов, что не сразу и найдешься, как ответить. А надо отвечать. Отвечать точно и честно, без хитрых сказок и скидок на возраст. Сказки, добрые конечно, необходимы, но они не объясняют им всего на земле. Когда мы с детьми, — нива будущего перед нами. Что мы посеем на ней? В детстве, весенней порой человеческой жизни, зреет летний урожай. Надо о нем заботиться.

Нынешний год объявлен в мире Годом ребенка. Прекрасно! Человечество хочет понять, что надо сегодня сделать для детей — будущего планеты. В каждой стране свои проблемы. Где-то надо прежде всего детей накормить, где-то — спасти от массо-

вых смертельных болезней, где-то остро стоит вопрос о детской преступности или наркомании. Разные есть в разных концах планеты обязанности общества перед детьми. Но есть и общие проблемы. Надо научить детей добру, честно рассказать о мире, в котором мы живем и в котором им предстоит быть хозяевами. Надо не допустить войны.

И в горах моей Чечено-Ингушетии, и в степях Казахстана, и на Канарских островах, и в Америке, и в Новой Зеландии — везде матери хотят счастья своим детям. Я говорю от имени горянок, горянка, мать своего сына. Как хочу я, чтобы его сын, мой внук Руслан, был так же искренне убежден, как и его отец когда-то в детстве, что война придумана в кино... Будем трудиться во имя этого, каждый на своем поле, не зарывая в землю своих талантов и возможностей, стараясь сделать что-то для счастья рядом идущего, рядом живущего. «Все на земле от вас зависит, люди...» — сказано у одной из горских поэтесс.

Я заканчиваю свой рассказ, сознавая всю его неполноту, незавершенность. Многое из того, что не досказала, есть в моих стихах. Хочу привести свои стихотворные строки, чтобы лучше выразить то, что хотелось бы сказать в заключение:

Родной земли хозяйка и слуга я.
Одна из многих я, и тем горжусь.
Когда о прошлом я стихи слагаю,
На ниве будущего я тружусь.

Ручьи спешат с рекой широкой
слиться,
Слова соединяются в строке.
Передо мною чистая страница,
Тревожное перо в моей руке.

Откуда ты, хороший человек?
Откуда ты, прохожий человек?
Скажи мне имя все же, человек!
А может, это вовсе ни к чему:
Что имя даст поступку твоему?
Я безымянной доброту приму.
Я безымянной чистоту приму.
Ушел прохожий.
Знаю, носит он
Мильоны человеческих имен.

* * *

Сказали мне, что это год змеи...
Но я не верю в черную примету,
Не верю, что цветы рождает
лето
Не для меня — для гибельной
зимы.
Галдят вороны, мне беду суля,
Но им наперекор встречаю
счастье.
Предчувствие мне сердце рвет
на части,
Но жизнь идет, и вертится Земля.
Ах, почему так много злых
примет
Себе понавыдумывали люди?
И лишь «на счастье» бьющейся
посуде
Оставили надежды горький свет.
Пришла беда... А дай-ка погляжу,
Как выглядело небо перед этим,
И цвет заката обобщу в примете,
И правнуков приметой награжу...
Все предусмотрено: и мор, и смерть,
И недород... А может, так и надо?
Мы счастью и непрошеному рады,
А горе — хочется предусмотреть!

* * *

Я отвечаю за все,
Потому что у меня есть любимый.
Я отвечаю за все,
Потому что у меня есть ребенок,
Я отвечаю за все,
Потому что у меня есть Родина,
Я отвечаю за все,
Потому что отдаю Родине Любимых
и Сыновей.
Я — женщина!

Из поэмы

«ТРОПОЮ ПАМЯТИ»

Ах, сколько было женских
чувств погублено
Веками бессловесного неравенства!
И мне досталось все, что недолюблено,
И я хозяйка и беды и радости.

И не в Коране узнаю законы я,
Не в шариате черпаю терпение —
В счастливой встрече чувствую
знакомое,
Единственное, чудное мгновение.

И я благословляю боль и горести,
Для восхождения необходимые,
И все пути, с ошибками и гордостью,
Которые так трудно находила я.

И в ясный день моей богатой осени
Благодарю мою судьбу недаром я,
Ведь в памяти растут березы
с соснами
В одном ряду с чеченскими чинарами.

Благодарю судьбу я за открытие
В самой себе неугасимой истины,
Что жизнь сама учила так любить
меня,
Как не было дано горянкам исстари.

Благодарю за счастье и трагедию,
Благодарю за черное и белое...
Как прожила бы без любви на свете я,
И как бы без любви о мире пела я?!

Дни прошлого! Листвой сентябрьской
падайте,
Звените оживленные пондурами.
Для будущего я храню вас в памяти,
Для всех подруг, чьи дни бывают
хмурыми.

И бабье лето открывает небо мне —
И синее, и позднее, и сложное...
В чеченском языке такого не было —
В душе чеченки с давних пор
заложено.

Библиотекарь М. Удалова (в центре) со своими читательницами.

Фото В. Гаврилова

Т. БАННИКОВА

НА ОГОНЕК

ДОВЕЛОСЬ МНЕ как-то побывать в Мурмино. Там я заглянула в местную библиотеку. Помещение она занимает небольшое, но уютно в нем необыкновенно. И ничего, казалось бы, особенного нет: цветок на окне, половичок у порога, таблички над книгами разноцветной тушью выведены. Но все сверкает чистотой, все сделано с превеликой любовью. Под стать приветливому дому и библиотекарь — гостеприимная Мария Сергеевна Удалова.

Осматривали мы книжное хозяйство и вели разговор — о библиотечной работе, о поселке, о самой Удаловой.

— В Мурмино мы приехали сразу после войны,— рассказывает Мария Сергеевна.— Редкий дом она не затронула. У меня самой муж с фронта инвалидом вернулся. Но мало кому приходило в голову искать утешение в молитвах, хотя церковь рядом была,— другие заботы одолевали. Надо было жизнь заново налаживать.

Муж Марии Сергеевны работал в Мурминской МТС главным бухгалтером. Некоторое время она была, что называется, при нем: сидела в конторе, переписывала бумаги. А потом в МТС решили создать библиотеку. Удалову послали учиться на курсы библиотекарей.

В новой библиотеке Мария Сергеевна насчитала ... 100 книг. Она выдала их в первый же день работы. Что делать дальше? Отправилась за помощью в Рязань. В передвижной библиотеке областного управления сельского хозяйства ей дали еще несколько сотен экземпляров. Так и повелось. Перечитают на селе (тогда Мурмино еще селом было) все, что она привезет,— едет за новыми.

Зона у МТС была большая — и за день пешком не обойдешь. Мария Сергеевна, бывало, с утра у конторы ждет, не подвернется ли какая попутка. Чаще всего приходилось ездить на «летучке», развозившей запасные части к тракторам. Над ней шутили: «Ай да Удалова! Не зря фамилия у нее такая». Механизаторы ждали библиотекаршу и литературу брали охотно.

Те первые читатели и по сей день заглядывают к Удаловой в библиотеку — фонд ее составляет теперь 11 тысяч экземпляров и непрерывно пополняется. Но случается, походит-походит человек возле стеллажей и спрашивает: «А помнишь, Мария Сергеевна, у тебя вот такая-то книга была?» — «Так это еще из «передвижки». Вздохнет человек: «Вот где книжечки-то интересные были». Видно, уж так устроены люди: то, что связано с годами молодости, вспоминается с лучшей стороны.

Вот и сама она с улыбкой вспоминает и свои полевые маршруты, и то, как в первое время для ее библиотеки и места постоянного не было. Приходилось книги держать и в конторе и дома.

Кстати, жили тогда Удаловы с тремя ребятишками в доме, который был на улице с наглухо заколоченными ставнями, пожалуй, единственным «живым». В деревне после войны жили голодно. Люди покидали насиженные места, тянулись к городам, оставляя запущенные сады, покосившиеся беспризорные избы.

Странно думать об этом теперь, когда едешь на автобусе по ладной, тесно застроенной улице поселка. Бревенчатые добротные

строения перемежаются с кирпичными. И все подряд — с телевизионными антеннами над крышами, по-хозяйски обстроены террасками, сарайчиками, палисадами — видно, что к земле жители привязаны прочно. Если раньше единственным на всю округу «высотным» зданием была церковь, то сейчас едва ли не выше ее — выстроенные на окраине поселка, со стороны Рязани, многоэтажные жилые дома Мурминской суконной фабрики. На другом конце в благоустроенных, со всеми удобствами квартирах живут рабочие совхоза «Мурмино».

Количество читателей библиотеки растет. Удалову это, конечно, радует: «Тогда библиотекарю слава, когда у него читателей много».

Мне она рассказала такой случай. Записались в библиотеку и дети местного священника. Вначале они дичились Удаловой, но Мария Сергеевна сумела найти с ними общий язык, вовлекла в свой актив: поручила разносить книги в дома пенсионеров.

Сейчас они уже взрослые, обзавелись семьями. Кто работает, кто образование продолжает. В общем, как все.

Честно говоря, факт этот вначале натолкнул меня на мысль, что, может быть, не так уж и важно вести в наши дни атеистическую работу, ведь сама жизнь — мощный пропагандист атеизма. Уж, казалось бы, кто-кто, а дети священнослужителя могли бы последовать примеру отца. Они и в условиях-то подходящих для этого воспитывались. Однако ничего подобного ни с кем из них не случилось...

Удалова покачала головой:

— Если бы все было так просто. Вот другой пример.

Жила в поселке молодая женщина. Ничем особенно не отличалась, разве что часто наведывалась в церковь. Хорошо еще, если бы только одна. А то, глядишь, ведет за собой и маленькую дочку Таню. Пытались говорить с ней — напрасно, никого к себе в душу не допускала.

А когда умерла мать, Таня, только что закончившая восьмилетку, уехала из поселка, и больше ее там не видели. Говорили, что она стала жить у каких-то дальних родственников... И вот не так давно пришла о ней весть. Одна из наших старушек посетила в большой праздник церковь в городе и увидела там Таню. Не девочку уже, а взрослую женщину.

— Когда я узнала об этом,— говорит Удалова,— веришь ли, спать не могла. Вот, думала, как повернулось. Само собой ничто не образуется.

Помолчав, Мария Сергеевна спрашивает:

— Думаешь, я только тебе все это рассказываю? Эти примеры я использую в своих беседах. Они людей задумываться заставляют, а это, пожалуй, самое главное.

В районе Марию Сергеевну знают как опытного пропагандиста. На семинарах, конференциях общества «Знание» неизменно говорят, что, хотя в поселке и есть действующая церковь, число верующих незначительно, из года в год сокращается религиозная обрядность. Немалая заслуга в этом и библиотекаря. Удалову часто просят поделиться опытом. И ей действительно есть о чем рассказать.

Лет 10 назад организовала Мария Сергеевна клуб читателей журнала «Наука и религия». Учредили прежде всего совет, в который вошли учителя, старшие школьники, рабочие совхоза, пенсионеры. Собирались, решали, какие материалы выносить для всеобщего обсуждения, устраивали атеистические вечера, диспуты.

Раньше редкий атеистический вечер проходил без демонстрации физических и химических опытов, разоблачавших «божественные чудеса». Со временем формы работы несколько изменились. Отпала, например, необходимость в разоблачении этих «чудес» — теперь каждый школьник знает, что это такое. Зато начали больше проводить читательских конференций, диспутов по тем произведениям литературы, где затрагиваются моральные проблемы.

Все это вполне закономерно. Атеистическая работа — процесс, постоянно обновляющийся. Но одно никогда не устареет — живая беседа с людьми. Только как сделать, чтобы слова твои доходили до людских сердец?

У Марии Сергеевны это получается. Во-первых, потому, что она хорошо знает людей. 18 лет Мария Сергеевна депутат местного Совета. А что значит — депутат на селе? К нему идут с любыми просьбами: оказать содействие в починке крыши, наладить отношения в семье.

И еще есть один «секрет» у Удаловой. Если книга, статья ее не взволновали, не станет с ней работать. А возьмет за душу — тогда другое дело. Тогда и слова подходящие найдутся, да и люди почувствуют ее искренность.

Прочитала однажды в журнале, как в северной деревне в одной многодетной семье случилось горе, умерли родители. Неизвестно, как сложилась бы судьба ребятишек, если бы не пришли на помощь односельчане. Среди этих людей не было верующих. Каждый из них проявил не христианскую любовь к ближнему, а изначально свойственные человеческой природе доброту, бескорыстие, самоотверженность — качества, ставшие ныне нормой нашей морали.

Мария Сергеевна сразу загорелась, решила идти со статьей к дояркам на ферму. Взволновала она ее, заставила почему-то и свое детство вспомнить. 13 детей было в их семье. Отец с матерью не очень грамотой владели, но икон в доме не держали. В город поедут, так первый «гостинец» ребятишкам — книга. Вот, говорили, кто добру учит.

Кто больше всего бывает у нее днем в библиотеке, так это школьники. Любят они к ней заходить после уроков, иногда просто так, в книжках покопаться. А из «книгонош» — самые активные Оля Юдина и Таня Щелкачева. Заглядывают сюда и учителя. Все они — агитаторы, пропагандисты совхоза, им обязательно надо подобрать литературу для работы. После окончания трудового дня идет главный читатель — рабочие совхоза, фабрики...

Незадолго до этого времени собиралась я распрощаться с Марией Сергеевной. И тут в библиотеке погас свет. За окном было еще не очень темно, но Удалова забеспокоилась, принесла керосиновую лампу.

— Это на всякий случай. Если быстро не поправят, зажгу. Надо, чтобы у меня в окошке всегда огонек горел, чтобы люди знали — я здесь...

Рязанская область

Мугалима, дочь Аман-шайтана

Реджеп УХУЛОВА,
директор серахской средней школы № 6 Марыйской области, Герой Социалистического Труда, член ЦК Компартии Туркмении, заслуженный учитель школы Туркменской ССР

МНЕ УЖЕ 60 лет. Всю жизнь я прожила здесь, в поселке Серахс, только учиться уезжала. Здесь и родилась в большой бедняцкой семье.

Ох, и тяжела была тогдашняя жизнь! Крохотный земельный надел и малая доля воды — вот и все, что приходилось на семью туркмена-дехканина. Выделялось все это только на мужчину. Поэтому рождение дочерей в семьях бедняков не было праздником: разве что калым получишь за дочь, когда подрастет. Но какого калыма можно ждать, ведь не бай же возьмет дочь в жены.

Но я росла счастливым ребенком. Мне повезло, потому что я родилась в советское время, в 1918 году, когда возникла Туркестанская автономная республика. Повезло мне и с родителями. Отец — жизнерадостный, очень энергичный человек. Его даже прозвали Аман-шайтан — черт, значит. Одни звали его так с уважением и удивлением: откуда такая прыть у бедного дехканина; другие — правда, их было меньше — с черной завистью. В общем, не было слез в нашей семье в связи с рождением дочерей.

В 1929 году у нас был организован колхоз, отец первым вступил в него. Вскоре открыли школу. Помню первых учителей — Язмухаммедова и Джамаклычева. Они ходили по домам и звали детей в школу. Зашли и к нам: «Надо учить девочек грамоте».

Я росла гражданкой Советской страны и сейчас понимаю, что неизбежно должна была стать убежденной атеисткой. Ведь та новая, счастливая жизнь, которую я строила своими руками, противоречила религии и установлениям Корана, нормам адатов и шариата, прежде регламентировавшим всю жизнь нашего народа. Нельзя быть счастливой и свободной, если висит над тобой безысходный гнет религии. От ненависти к муллам, в большинстве своем мешавшим людям строить свою жизнь и судьбу, я пришла к отрицанию религии, а затем и к активной борьбе с ней.

«Проклятая!» Каждый день неслось это слово в спину мне и моим подругам, которые хотели учиться. По утрам я училась сама, а вечером учила других, переходя из дома в дом. Занималась и с девочками, своими сверстницами, и со взрослыми женщинами. С ними было особенно трудно. Они боялись мужа, свекра, отца, боялись Аллаха.

Много раз баи и муллы угрожали мне, а однажды чуть не забили до смерти.

Потом, позднее, уже взрослой, я прочла слова Владимира Ильича Ленина: «Не может быть социалистического переворота, если громадная часть трудящихся женщин не примет в нем значительного участия» — и только тогда по-настоящему поняла смысл того, в чем принимала активное участие: помогала женщинам-туркменкам обрести общественное лицо и сама приобщалась к общественному труду.

Сегодня женщины Туркменистана — полноправные строительницы коммунизма. Вот лишь несколько цифр: среди рабочих и служащих в Туркменистане сейчас 45 процентов женщин, в системе образования их — 50 процентов, здравоохранения — 75, в науке — более полутора тысяч, причем свыше 300 имеют ученые степени. Около 8 тысяч туркменок избраны в органы Советской власти. Имена многих известны всей стране. Чтобы достичь этого, нужно было не формальное освобождение, нужно было изменить психологию целого народа.

Когда в нашем поселке организовали ликбез для взрослых, женщины не ходили на занятия в школу, так как там были мужчины. Пришлось женщин собирать отдельно, и я стала их учительницей. Это был мой первый в жизни класс.

Учить приходилось не только азбуке и грамматике. Приходилось учить свободе и равноправию, разоблачать мулл и баев. Хотя мне было тогда всего 12 лет, люди называли уважительно: «мугалима» — учительница. С тех пор вот уже почти полвека ко мне обращается так и стар и млад — ведь практически все жители нашего поселка учились у меня. Потом я привыкла к этому обращению, но вначале и смущалась и гордилась, когда меня так называли.

Со временем начальная школа в поселке была преобразована в семилетнюю. Постепенно люди убеждались, что грамота приносит пользу, и уже сами отдавали в школу своих детей, в том числе и дочерей.

Я вышла замуж, когда окончила семилетку. В то время в Серахсе открылись курсы по подготовке учителей начальных классов. Ими руководили мои первые преподаватели. Я решила продолжать учебу. Муж не возражал. Правда, родители его были против. Однако моей матери удалось их уговорить.

Потом началась война. Муж ушел на фронт и не вернулся.

Мы были далеко от фронта и, конечно, не испытывали тех ужасов, которые выпали на долю советских людей, живших в тех краях, где прошел фронт, куда пришли захватчики. Но мы изо всех сил старались помочь стране победить: собирали среди женщин золотые и серебряные украшения на строительство танков, самолетов, шили одежду, вязали теплые вещи.

Завершить учебу мне удалось уже после войны — окончила Ашхабадский государственный университет.

Я — преподаватель родного языка, люблю свой предмет. Учу детей любви к нашей многонациональной Родине. Мы читаем переводы произведений русских, украинских, белорусских, казахских и других писателей и поэтов. На примере их произведений и жизни я учу детей понимать культуру каждого народа, ее интернациональное значение. У каждого, даже самого маленького народа есть свои прекрасные поэты и писатели, и они вносят свой вклад в сокровищницу мировой культуры. В этом предмете, мне кажется, заложены огромные возможности для воспитания патриотов, интернационалистов, атеистов (мы не забываем в своей работе и эту тему).

Огромные экономические и социальные изменения произошли в Туркмении за годы Советской власти. Изменилась жизнь, изменились люди. Но, к сожалению, у некоторых еще сохранились старые традиции и взгляды.

Недалеко от нашего поселка находится мавзолей Сарагт-баба, построенный в XI веке. Этот исторический памятник в то же время и место активного паломничества верующих. Вместе с педагогами и старшеклассниками школы № 2 нашего района мы организуем экскурсии к этому мавзолею, рассказываем правду о «святых местах». И работа приносит результат — число паломников уменьшается.

Бывают случаи, когда приходится убеждать земляков обращаться к врачу, а не к табибу-знахарю, верить больше науке, а не молитве у «святой могилы». Случаются и факты неуважительного отношения мужчины к женщине. Я иду в такие семьи, разговариваю с людьми. Делаю это не только потому, что избрана в районный женсовет, а в Верховном Совете республики и в ЦК Компартии Туркмении я член комиссии по работе с молодежью, но и потому, что убеждена в необходимости равноправного положения женщины в обществе, строящем коммунизм.

Без равноправия невозможно и счастье женщины, которое мы, советские люди, должны не только оберегать, но и, как замечательно сказал в своей книге «Целина» Л. И. Брежнев, планировать человеческое счастье.

Мне 60 лет. У меня растут трое славных ребят, я ими очень довольна. Меня окружают еще сотни и сотни людей, которых я тоже считаю своими детьми. Свыше 400 моих учеников получили высшее образование. Я горжусь ими и рада за них, все они — прекрасные люди, строители коммунистического общества.

Я — счастливая женщина...

Записал **В. Зыбковец**

Поэтесса Зоя Ненлюмкина.

ная вторично». Новорожденная была похожа на свою двоюродную бабушку, которую звали Акая и которая очень рано ушла «к верхним людям».

Теперь следовало защитить ребенка от злых духов-тунгак, и старая Кымлина приложила к тельцу девочки тонкое лезвие бритвы, словно хотела передать Акае разящую силу стали.

Спустя много лет Акая, которой дали второе, русское имя Зоя, начнет один из своих очерков словами: «Есть в эскимосском языке емкое и выразительное слово — «нунака». Для эскимоса в этом слове все: и необъятный земной простор, и любовь к затерявшемуся в безбрежности крохотному местечку, родному селению». Это ее Наукан. Точка, откуда начинается горло Берингова пролива. Только редкий северо-восточный ветер дает здесь передышку штормам, бьющим в обрывистый берег. Вплотную к полукруглому гребню скал, будто ища защиты, поставили в древности эскимосы свои каменные мантэрак — жилища, похожие на бастионы. Но и скалы были коварны. Их корона из льда и снега, не выдержав царственной тяжести, иногда обрушивалась на жилища, покрытые моржовыми шкурами. Люди терпеливо ждали избавления от зимних бед и встречали весну как праздник.

Когда горные реки начинали проклевывать ледяной панцирь, словно птенцы кайры скорлупу яйца, старая Альпын доставала себе и внучке новые кам-

Алина ЧАДАЕВА

ДУША СЧАСТЬЯ

ЕЩЕ БУДУЧИ СТУДЕНТКОЙ Анадырского педучилища, Зоя Ненлюмкина давала урок в школе селения Ново-Чаплино.

— Сейчас я прочту вам, — сказала она, — стихотворение русского поэта Лермонтова на эскимосском языке.

Ей казалось, что мятежная душа лермонтовских строк будет близка детям, рожденным у Берингова моря. Ведь стихи, словно драгоценный сосуд, хранят национальный характер народа, особенности, обычаи. Увидеть мир глазами русской поэзии и поделиться поэтическим зрением эскимосов, вызвать уважение к нему — в этом видела Ненлюмкина свое призвание.

...Однажды она вместе с писателем Юрием Рытхэу слушала запись симфоний Бетховена.

— Какие мысли рождает в тебе эта музыка? — спросил он Зою.

— Я вижу наш Наукан, слышу, как бьет прибой о скалы.

Когда у Альпын и Тынетегина из селения Наукан появилась внучка, ей дали имя Акая. Все знали, что это значит «пришедшая с того света» или «рожден-

Чукотский танец.
Резьба по кости работы чукотских мастеров.

лейки (так назывался вид верхней одежды) и вела Акаю к реке слушать голос весны. Вода с грохотом раскалывала лед, ухала и стреляла камнями.

— Мать рек сбрасывает свой керкер, — шепотом говорила Альпын и смотрела вверх, туда, где скалы впивались в небо. — Она живет там, за горами, красавица-великанша. Сейчас она станет кормить своих сыновей молоком, и они наберут силу.

Это время люди называли «пинагв'ин» — «мать рек», июнь.

Прилетали журавли. Кричали «корын! корын!». В их голосах людям слышались радость и пожелание здоровья. Матери и бабушки смачивали палец слюной, гладили макушки ребятишек и приговаривали: «Корын... Корын... Тетык... Тетык...» Так велел старинный обычай.

«Древние обычаи старались удержать душу счастья», — скажет потом Зоя-Акая, вспоминая детство в Наукане.

...Оно восходило из-за острова Имаклек, масак-солнце. Круглое, как икринка, налитое розовым теплом будущей жизни. Слепая Вуквуна, прабабушка Акаи, подставляла солнцу руки, говорила: «Радостно, когда наступает начало Длинных Дней». Полярники зажигали маяк, установленный на памятнике Дежневу, и по вечерам он перемигивался с солнцем. Ледокол, торопя весну, прокладывал первую дорогу.

Однажды, когда память Зои об этих днях стала нестерпимой, точно ожог, слова, источавшие радость, сложились в стихи.

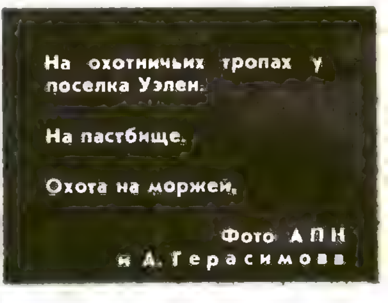
Жизнь, смотри, — хороша!
Солнце весны
Пятнистыми шкурами оленей
Покрыло сопки...
Вечереет.
Небо как будто устало за день,
Растратило свою синеву,
Теперь лишь нежно-голубое.
Отдыхает, тоже спать захотело...

Это — подстрочник. Стихи свои Зоя Ненлюмкина пишет на родном языке. Она считает, что эскимосская речь по образности и ритмическому строю близка к песне. В то же время народные песни эскимосов инкрустированы звуками самой природы. Величальная песня чайке начинается и заканчивается подражанием ее голосу: «Кеун-кеун-кеун!» «Игурге-гур-ге-е-е», клекот баклана стал музыкальным мотивом другого фольклорного произведения.

До сих пор бытует у северного народа полубыль, полулегенда: «Растет в тундре нак'аехак — высокая трава с пышными сухими метелками. В торбаса ее постилают — ноге становится мягко. Положат на полог жилища — в нем тепло и душисто. Как всегда, пошли женщины в тундру собирать нак'аехак. Дул сильный ветер, трава качалась

На охотничьих тропах у поселка Уэлен.

На пастбище.

Охота на моржей.

Фото АПН
и А. Герасимова

Схватка оленей.

В руках девочки — мяч-талисман из нерпичьей кожи.

и пела. Женщины запомнили ее голос, принесли его домой».

В творчестве молодой эскимосской поэтессы живут запахи и голоса тундры, моря, слышатся старинные сказания и ощущается ритм современной жизни.

...Как-то я пришла к Зое в гости в ее новую, еще не обжитую квартиру в Анадыре. Попросила почитать стихи. Она согласилась.

Журавли, говорит преданье,
тоже люди.
Когда весна отогреет Север
в своих теплых ладонях,
они стремятся достичь той земли,
где впервые увидели жизнь...

Стихи сначала звучали по-эскимосски. Старая Альпын сидела рядом. Ее непроницаемое тонкое лицо казалось безразличным. А журавли все летели в маленькой комнате с прочными стенами, криком пророчили людям удачу.

Когда растворились в тишине последние строчки, Альпын сказала: «Ты забыла. Маленькие журавли устают, начинают падать, и тогда взрослые птицы подлетают под них, сажают себе на шею, плечи и так летят с ними дальше». Суровые тени на лице Альпын на мгновение смыло доброй детской улыбкой.

То, что я приняла за холодную непроницаемость, оказалось сдержанностью. Эскимосы, как поняла позже, вообще считают молчаливую сдержанность чувств проявлением достоинства человека. Такая деталь: Зоя в своем очерке о санитарке провиденской больницы Ататугьи рассказала о том, как состязались в силе два эскимоса. Ататугьи, тогда еще маленькая девочка, принялась вслух хвалить победителя. Старый Ияйын, ее отец, остановил дочку: «Громко хвалить победившего нельзя. Зазнается человек, и на следующую победу у него не хватит сил».

Даже язык любви у людей, воспитанных суровым Севером, скуп на слова. Скорее, это знаки внимания. Если понравилась девушка молодому эскимосу, он тайно от всех привезет и сложит у ее дома наколотые куски пресного льда, чтобы ей легче было добыть воду. Ответит взаимностью девушка, значит, будут у парня перчатки из ровдуги, вышитые ее руками.

Целомудренно чувство, не захватанное словами. В этом главная мысль одного из лирических стихотворений Зои Ненлюмкиной. Его героиня просыпается с ощущением, будто не было никогда раньше такого необыкновенного утра.

Меня разбудило солнце.
Лучи ко мне прислало
гонцами,
много щедрых лучей.
Подожди, солнце,
сейчас я выйду,
вот только оденусь.
Умываться не буду даже.
Ты умоешь меня своими лучами.
Вот так солнце сегодня!
Даже каменные тропинки
горячие, словно угли.
«Ну, и жарко!
Никогда так не было раньше!» —
Только об этом и толкуют
люди в нашем селенье.

Разве может обычное «люблю тебя» вместить чувство, от которого и северное солнце пылает? — так или примерно так отвечает юная героиня русскому парню, озадачившему ее вопросом: «Как сказать «люблю» по-эскимосски?»

Достоинство человека у эскимосов выражается в бережном внимании к миру, «к дому природы», как говорит Зоя. Речь идет не только о ритуалах почитания убитых животных, строго соблюдавшихся охотниками, — там это имело оттенок утилитарности,— но и о мире, не приносящем, казалось бы, человеку сиюминутной, видимой пользы.

— Когда дети собирались идти за ягодами и листьями в тундру, — вспоминает Зоя, — бабушка Альпын предупреждала: «Не рвите сети пауков. Столько они работали, чтобы сделать. Это их дом». Но, бывает, карабкаешься по камням, не заметишь, порвешь паутину. На этот случай мы брали кусочки оленьего сала и мелко крошили лепешку-айхит, бросали на то место, где порвали сеть. Думали: ведь пауку нужно много есть, чтобы он восстановил свои силы и сделал разрушенную человеком работу.

Своей маленькой дочке, зеленоглазой Любаше, Зоя рассказывает, как однажды в их дом залетел жук. Старая Альпын увидела его, заволновалась: «Бедный жук, заблудился». Поймала, выпустила за дверь: «Лети к себе».

И когда мы все вместе идем в тундру,— а она начинается сразу за новостройками Анадыря, — я вижу, как Любаша гладит нежные пряди пушицы и

кричит нам удивленно: «Смотрите, смотрите, эта трава, как лохматые собачки!»

— Вот ведь странно, — смеется Зоя, — она и не знает, что пушица — по-эскимосски «кикмигаяк» — в переводе значит «собачки».

Вернувшись, мы садимся пить чай. Любаша бежит на кухню, приносит Альпын щипцы для сахара: «Я тебе утык — зубы принесла».

Ребенком вместе со своими земляками Зоя покинула Наукан, чтобы из древних тесных мантэрак переселиться в новые удобные дома. Работала воспитательницей в провиденской школе, теперь живет в Анадыре, ведет радиопередачи на эскимосском языке. Совсем горожанкой стала. Но ее творческий компас притягивают все те же магниты: неисчерпаемый мир природы и люди, связанные с ним узами родства.

Один из таких людей — Нутетейн. Его помнят и чтят как непревзойденного эскимосского танцовщика, основателя ансамбля «Эргырон». Детство Зои прошло рядом с этим человеком. «Сижу, караулю нерпу, — рассказывал он ей, — ветер гудит, а мне кажется — это поет кто-то. Я и песню слышу». Бывало, бросал и нерпу на дороге, останавливался, начинал петь и танцевал только что сочиненный танец.

Его танцы казались Зое не повторением увиденного в природе, но сопереживанием трагического единоборства живого со стихией. В своем знаменитом «Полете чайки против ветра» Нутетейн сам был отважной и отчаянной птицей, застигнутой штормом.

Зое хотелось увидеть чайку глазами Нутетейна, в слове слить танец и родившие его мотивы. И она пишет свою «Чайку».

Разве это саяков рокот!
Не выдержит, лопнет от
ударов кожа.
Разве это танцующих
крики!
Не выдержит горло,
порвется.
Только волны Берингова
пролива
Могут так реветь во всю
глотку,
Ударяясь разъяренными
лбами
В упрямый берег Наукана.
...Белым парусом смятым
Бьется одинокая чайка
Между ветром свирепым
И свирепым морем.
Жаль ей расстаться с жизнью,
Голову закинет, смотрит:
«Разве может обмануть небо,
Научившее ее полету!»
Взглянет вдаль — видит землю,
Научившую на ногах держаться.
У земли и у неба
Просит она силы.
Бьются белые крылья чайки
С синими крылами ветра.
Удивилось, притихло море...
Стал ровнее рокот саяков...
Тише голоса танцоров...

Не только искусством своим учил жизнелюбию старый эскимос будущую поэтессу. Работая над очерком о Нутетейне, Зоя вспоминала, что перед смертью завещал он не плакать — петь и танцевать на его поминках. Умер Нутетейн в июле, в Уэлене. Его провожали все односельчане. Когда вернулись с похорон, внезапно пошел снег. Но люди вышли на улицу, сквозь слезы пели и танцевали. Стали петь еще громче, когда, рассеяв снежные тучи, выглянуло солнце.

Многие из односельчан оставили в наследство Зое частицы своей души. Прабабушка Вуквуна рассказывала девочке древние народные сказки. Старый косторез Усокуна превращал клык моржа в ажурные трехмачтовые шхуны и вельботы с фигурками охотников. Нутетейн учил ее перевоплощать природу в искусство. Мастерица шить и вышивать Имаклек делилась с ней пониманием гармонии цвета и символики узоров.

Однажды, собирая Зою в дорогу, Имаклек принялась шить для нее мяч из нерпичьей кожи. Мяч как мяч. Да только зачем-то сделала Имаклек коробочку из оленьей мандарки (выделанной кожи), набила ее камешками и велела, чтобы сама Зоя вложила коробочку внутрь мяча. В тот момент девушка не осмелилась спросить Имаклек, в чем смысл неизвестного ей ритуала. Только позже Альпын объяснила, что мяч стал теперь талисманом, который старые женщины, собираясь «к верхним людям», дарят своим близким, чтобы защитить от невзгод.

Альпын — вторая память Зои, передающая своеобразие эскимосской культуры. Дочь косторезa, она еще застала красочные церемонии на Празднике кита, время, когда юноша, впервые убивший лахтака, должен был выполнить сложный обряд посвящения в охотники. Альпын знает, как вылечить раны или ожоги с помощью пувелик — гриба, который у нас в просторечии зовется «дедушкин табак». Знает, какие травы целебны, а какие съедобны.

Ей был всего год, когда приехали русские и установили рядом с Науканом деревянный крест в память о своем земляке Семене Дежневе. Один из тех, кто воздвигал этот первый памятник славному землепроходцу, увидев Альпын на руках у ее матери Ухоны, подарил девочке медный пятак. Науканцы решили, что русский подарил ребенку амулет, проделали в нем дырку, чтобы повесить девочке на шею. Альпын до сих пор хранит полустершийся от времени подарок, добром вспоминая жест доброты.

Чувство уважения к другому народу старая эскимоска старалась передать внучке.

— Когда ты стала себя помнить, — говорит Альпын Зое, — мы с Тынетегином собрали семейный совет. Пора показать нашу землю ребенку. Так решили, когда тебе было четыре года.

Альпын сшила девочке праздничную одежду, Тынетегин посадил их обеих в байдарку, оттолкнулся веслом. Они плыли на запад, в Уэлен... Зоя помнит черные стены скал, белые изваяния птиц на крошечных выступах, медлительные игры китов. Но главное — и это останется на всю жизнь — было там, в Уэлене, когда чукчи встречали ее деда как самого почетного гостя, хотя он был такой же простой охотник, как и они сами.

Чтобы понять душу другого народа, надо знать его обычаи. Зое Ненлюмкиной хочется раскрыть для других глубины эскимосской культуры. Она не устает собирать ее драгоценные крупицы: полузабытые подробности старинных праздников, названия «страниц» уникального солнечного календаря, по которому вели сезонные работы ее науканские предки, народные песни, национальные детские игры. Собирает и пишет о них, рассказывает в радиопередачах, очерках, рассказах, стихах.

Ты спросишь: «Какая она,
Земля, которую ты любишь!
Как мне увидеть ее
Твоими глазами!»
А я тебе просто скажу:
«Ты голову к небу поднимешь —
Увидишь, как падает снег.
Опустишь — все тот же серебряный снег
Ковром у тебя под ногами.
Вот это и есть та земля...

г. Анадырь — г. Хабаровск

А дети живут иначе...

Н. МАЛЫШЕВ,
заместитель заведующего Домом
политического просвещения
Томского обкома КПСС

Километрах в 130 от районного центра Парабель есть небольшой, домов на 40 таежный поселок Чановка. Его жители промышляют сбором ягод, кедровых орехов, грибов, охотой, работают в небольшом цехе по переработке древесины. Поселок интересен тем, что все жители, кроме учительницы, или старообрядцы, или выходцы из старообрядческих семей.

Мы приехали сюда, чтобы посмотреть, как живут люди, какие у них заботы, интересы, как наша жизнь меняет многовековой уклад. Поселок раскинулся на берегу небольшой речки. Рядом с добротными домами, построенными в последние годы кооперативом и индивидуально, стоят старые — с двумя, а то и с одним заиндевевшим от мороза оконцем.

А в последний день, перед отъездом, всех жителей поселка мы пригласили на встречу. Чистый, уютный зал небольшого клуба был заполнен до отказа. Мы рассказывали чановцам о политике партии, о трудовых успехах трудящихся области, называли имена местных передовиков производства. А потом показали фрагменты киножурнала «Сибирь на экране» (в свое время здесь побывала группа из Новосибирской киностудии). Сегодня жители поселка видят их впервые, узнают себя, своих соседей. В зале — необычное для степенных чановцев оживление: это очень интересно — увидеть себя в кино.

Встречи с людьми показали, что за годы Советской власти произошли глубокие изменения в сознании и поведении старообрядцев, особенно тех, кому сейчас от 25 до 40 лет.

Большинство имеют семилетнее образование, почти все выписывают газеты и журналы, берут книги в библиотеке, отпускают своих детей в кино, сами бывают в клубе. Мужчины фактически постов не соблюдают. «Мирское» идет к ним вместе с вертолетами, на которых охотников доставляют в дальние угодья, аэросанями и моторными лодками, тракторами и бензопилами, кинофильмами, книгами, газетами. Нет, не хочет нынешний старообрядец, чтоб его дети жили, как деды и как начинали жить отцы.

Мы побывали в доме одного молодого охотника. Современная мебель, холодильник, стиральная машина. Приятно были удивлены большому количеству выписываемых журналов и газет, полкам с книгами.

Дети — главный барометр, указывающий на «ясно» в психологии чановских старообрядцев. Учатся абсолютно все. Большинство — пионеры и комсомольцы. И что интересно — родители ничуть не против, когда дети избирают сугубо мирские профессии, более того, гордятся ими. Послушали бы вы, с какой любовью говорит Мария Григорьевна Чуклина о своем сыне Викторе, который работает механиком речного трамвая, — он «в большом почете у людей». А Марфа Саввишна Локотаева, строгая на миру верующая женщина, становится проще и добрее, когда речь заходит о ее сыне Петре — лучшем трактористе Тарского лесопункта, чье имя не раз заносилось на районную Доску почета.

Есть, правда, в поселке молодые люди, которые не провели в свои дома радио. Вот, к примеру, супруги Наташа и Панфил Габовы. Ей — 24 года, ему —32. Оба считают себя верующими, однако ходят в клуб, выписывают журналы и газеты, покупают книги или берут их в библиотеке. Говорят: «Радио не провели, чтобы не обижать родителей. Но у нас есть транзисторный приемник. Замечательная штука». Наташа заметила, что ее брат и сестра — комсомольцы...

...Вечером мы сидели в доме у пожилого «кержака». Домик небольшой, ладный, выстроенный, видимо, в 30-х годах. Обстановка аскетическая: самодельный стол, табуретки, лавки, деревянная кровать. Керосиновая лампа тускло освещает гладко оструганные, потемневшие от времени стены избы. Электричество в доме — грех. А вот на скотном дворе — добротном и большом — электричество есть.

Люди старше 50 лет здесь более религиозны. Старики — стражи старообрядческих запретов, обычаев и традиций, возникших в давние времена вследствие отрешенности от мирской жизни. Они и сегодня пытаются регулировать поведение жителей поселка, не допускать никакой самостоятельности в мыслях и делах, отклонений от старообрядческого устава.

И все же обычаи дедов не так уж неприкосновенны. Глубину изменений в сознании верующих, пожалуй, можно проследить на примере Гудковых. Главе семьи — Ананию Никифоровичу 68 лет.

— Еще в начале века, — рассказывает он, — бежал отец в Сибирь из Пермской области от малоземелья. Выбрали хорошее место на берегу Парабели и жили хутором в четыре семьи. Охотничали, рыбачили, ягоду, грибы брали. А в 30-х годах съехались сюда, в Чановку.

Ананий Никифорович — человек крепкой веры, у старообрядцев в почете ходит. Воевал на Калининском фронте, ранен. Образование — два класса, выписывает «Правду», охотничий журнал.

Интересно его отношение к образованию: детям, родившимся до войны, дальше четвертого класса учиться не разрешал. А ребята, которые пошли после 1947 года, оканчивали уже по семь классов.

Я побывал в семье сына Анания Никифоровича —50-летнего Сергея Ананьевича. Он окончил четыре класса, а его старший сын — десятилетку. Сейчас он заканчивает службу в армии, намерен поступать в инженерно-строительный институт. Комсомолец, как и его сестра Таня, тоже выпускница этой школы. А младшая дочь Лина — пионерка.

Конечно, еще сильно влияние, а иной раз и давление на молодежь со стороны стариков. Еще тверды их обычаи и запреты. Но, тем не менее, у молодых возникают новые потребности и интересы. Каждый год провожают сельчане своих детей — правнуков тех, кто в далеком прошлом в религиозном экстазе сжигал себя на кострах, — в вузы, техникумы, училища. Так строится новая жизнь...

пос. Чановка
Парабельский район
Томской области

ЭТО ДАВНО ВОЛНУЕТ

ДО ВЫХОДА на пенсию, будучи завучем средней школы, я не раз убеждал своих коллег обращать больше внимания на атеистическое воспитание учащихся. Трудно понять, почему учителя часто уклоняются от атеистической работы. Я не раз слышал, что она, дескать, и не нужна, поскольку школьные программы пронизаны атеизмом. Но это совсем не значит, что учитель не должен делать атеистические выводы и обобщения.

Да, учащиеся знакомятся с научным объяснением природы, но ведь этого мало. А где формирование атеистических убеждений? Ведь не секрет, что некоторые ребята, особенно сельские, порой приходят в школу с религиозными представлениями. У меня создается впечатление, что эта работа не ведется потому, что многие учителя как следует не знакомы с научным атеизмом. Нет, к сожалению, в нашем районе курсов, где давались бы учителям определенные атеистические сведения. Мало приглашает руководство района из области и опытных лекторов-атеистов. На мой взгляд, нужно серьезнее взяться за атеистическое обучение учителей, снабдить их пособиями, завезти в районный книжный магазин атеистическую литературу.

Нельзя сказать, что мы живем в «медвежьем углу». Нет, Пятигоры — это большое село — бывший райцентр, здесь богатый колхоз. Есть средняя школа и школа-интернат, участковая больница, почтовое отделение, автостанция, магазины, аптека. И... большая красивая церковь, куда в дни религиозных праздников стекается много верующих, причем не только местных, но и из соседних сел. А атеистическая пропаганда как следует не ведется. Думаю, в этом одна из причин, сдерживающая процесс отмирания религиозных представлений.

Л. КОШАРОВСКИЙ

село Пятигоры
Тетиевского района
Киевской области

КОНСТИТУЦИЯ СССР — О СВОБОДЕ СОВЕСТИ

ЭТОЙ ТЕМЕ был посвящен республиканский семинар лекторов-атеистов, проходивший 6—8 декабря 1978 года в Новгороде. Его организаторами были Правление общества «Знание» РСФСР, Новгородский обком КПСС и Правление Новгородской областной организации общества «Знание».

Вступительным словом семинар открыла заместитель председателя Правления общества «Знание» Российской Федерации М. С. Хромова. Она сообщила, что решением Президиума Правления для лекторов по научному атеизму создан постоянно действующий республиканский семинар, который призван вооружать лекторов знаниями по актуальным проблемам теории и практики атеизма. По возвращении на места его участники должны помогать организациям общества «Знание» проводить краевые, областные и районные семинары с тем, чтобы полученные знания были доведены до каждого пропагандиста научного атеизма.

М. С. Хромова сообщила также, что на республиканском семинаре в Новгороде участвуют 145 человек из всех краев, областей и автономных республик Российской Федерации. Среди участников — 27 партийных работников, 29 председателей научно-методических советов по пропаганде научного атеизма и 75 заместителей или членов НМС. Двое имеют степень доктора, а 40 — степень кандидата наук. В семинаре приняли участие также лекторы по атеизму из Прибалтийских республик.

По основным проблемам свободы совести на семинаре было прочитано семь лекций: «Конституция СССР о свободе совести» — председатель НМС по пропаганде научного атеизма при Правлении общества «Знание» РСФСР доктор философских наук профессор С. И. Никишов, «Роль Конституции СССР в воспитании нового человека» — кандидат юридических наук доцент Д. Д. Рябов, «Свобода совести в СССР: конституционно-правовой аспект» — кандидат юридических наук доцент Ф. М. Рудинский, «Гуманистическая сущность научного атеизма» — кандидат философских наук доцент А. Г. Маслова, «Некоторые вопросы советского законодательства о религиозных культах» — заместитель председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР В. Г. Фуров, «Критика интерпретации свободы совести в современной буржуазной идеологии и христианской теологии» — доктор философских наук профессор В. И. Гараджа, «Буржуазная и теологическая фальсификация осуществления свободы совести в социалистических странах» — доктор философских наук профессор М. П. Новиков. С информацией об освещении вопросов свободы совести на страницах журнала «Наука и религия» выступил его главный редактор А. С. Иванов.

На семинаре был организован обмен опытом работы. В нем приняли участие председатель НМС по пропаганде научного атеизма при Правлении Новгородской областной организации общества «Знание» кандидат философских наук Н. Е. Виснап, заместитель председателя НМС по пропаганде научного атеизма при Правлении Татарской республиканской организации Н. А. Гадельшина, члены НМС — Л. А. Сердобольская (Ленинградская областная организация общества «Знание»), Г. Т. Бахтин (Воронежская областная организация), А. С. Попов (Липецкая областная организация), старший консультант Московского Дома научного атеизма Г. М. Муравьева, аспиранты Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС Г. М. Калягина и М. Е. Бабий, член республиканского НМС по пропаганде научного атеизма при Правлении Литовской организации общества «Знание» профессор И. М. Заксас, председатель республиканского НМС по пропаганде научного атеизма при Правлении общества «Знание» Эстонской ССР кандидат философских наук доцент К. А. Виммсааре.

На семинаре выступили секретарь Новгородского обкома КПСС В. А. Цалпан и инструктор Отдела пропаганды ЦК КПСС доктор философских наук Э. И. Лисавцев.

По инициативе областной организации общества «Знание» прибывшие на семинар лекторы выступили на промышленных предприятиях, стройках, в колхозах и совхозах Новгородчины. Областная библиотека провела читательскую конференцию по журналу «Наука и религия».

Участники семинара познакомились с достопримечательностями древнего города, его историческими, архитектурными памятниками.

Нравственность в зеркале социологии

Н. АЛЕКСЕЕВ, Л. ПОПОВ, кандидаты философских наук

НЕ СЕКРЕТ, что существуют заметные расхождения между повседневной моральной жизнью верующих и требованиями религиозной этики. Более того, нравственные ценности, которые утверждаются в религиозных проповедях, далеко не всегда популярны среди прихожан. Это подтверждают и пермские исследователи М. Г. Писманик и С. С. Жуланов: «...Представляется неоправданным встречающееся в атеистической литературе утверждение о повышенном внимании верующих к вопросам морали. Думается, что эти вопросы одинаково актуальны как для верующих, так и для неверующих и в то же время не заслоняют у тех и у других насущные практические проблемы».

К сожалению, пропагандисты атеизма порой отталкиваются в своей деятельности не от реальной жизни, а от богословских сочинений, где явно преувеличено влияние религии на нравственный мир верующих, что, в частности, говорит об актуальности изучения этой проблемы.

Необходимость изучения обыденного морального сознания верующих диктуется прежде всего жизнью. А она говорит, что поведение большинства из них немногим отличается от поведения неверующих. Мы опросили председателей и бригадиров некоторых колхозов области, а также жителей села Муравль. Абсолютное большинство из них не смогли указать на отличия в поведении верующих от неверующих. Впрочем, еще П. Гольбах отмечал, что даже глубоко верующие люди «то и дело ведут себя так, словно они решительно ни во что не верят».

Объясняется это довольно просто: реальное поведение человека обусловлено в первую очередь повседневными, насущными потребностями и на их фоне влияние религиозных (поскольку они «вторичны») оказывается в целом довольно слабым. Исключение составляют лишь религиозные фанатики. Но таких немного. Нравственная же ориентация большинства верующих складывается, главным образом, под влиянием материальных условий жизни, общественного мнения и в гораздо меньшей степени под воздействием религиозных представлений. Недаром даже в условиях засилья церкви широко ходили в народе пословицы: «На бога надейся, а сам не плошай», «И молебен пет, а пользы нет», «Богу молись, а добра ума держись» и т. п. Вот этот-то «здравый» стихийно-материалистический подход ко всем явлениям жизни в подавляющем большинстве случаев и определяет поведение верующего.

Разумеется, мы далеки от мысли, что влияние религии на его повседневное поведение вообще сошло на нет. Оно, безусловно, еще дает себя знать, особенно в ситуациях критических, нестандартных, когда проверяется моральная надежность личности. Однако социалистическая действительность все больше вытесняет религиозную идею на периферию нравственного сознания. Это видно хотя бы из того, что многие верующие являются не только хорошими производственниками, но и принимают участие в общественно-политической жизни трудовых коллективов, в движении за коммунистическое отношение к труду, разделяют основные положения Морального кодекса строителей коммунизма, одобряют внутреннюю и внешнюю политику КПСС и Советского правительства, что, кстати, является одним из проявлений морально-политического единства советских людей.

Рядовой верующий, по сути дела, стоит на позициях своеобразного «морального деизма»: религия для него — лишь инерция мышления. Впрочем, предоставим слово самим верующим:

«Нравственность зависит не от веры, — говорила П., жительница села Муравль, — а от человека, его ума. Иные верующие и богу молятся, и выругаются тут же».

Верующая Ф. из того же села: «От веры ничего не зависит: плохие люди встречаются и среди верующих, и среди неверующих. Моя свекровь была очень набожной, а житья окружающим не давала». А неверующая М. заявила, что вообще не знает, как по поведению отличить верующего от неверующего. В этом смысле, по ее мнению, верующих в селе вообще нет.

Были и иные высказывания: «Верующие люди лучше неверующих, спокойнее, уважительнее», «Верующие честнее неверующих: бога боятся и стараются не грешить». Но заявлений такого рода было мало.

Мы изучали представления верующих и о природе морали. Только четверть из них указали на сверхъестественный источник морального зла — Сатану, реже бога. Большинство верующих и колеблющихся говорили о земном происхождении зла. Остальные затруднялись дать однозначный ответ. Иными словами, сама жизнь убеждает людей в том, что истоки добрых дел, равно как и отклонения от моральных норм, лежат в земной, сугубо человеческой деятельности.

В ходе исследования мы просили людей назвать самые авторитетные для них нравственные качества личности. И обратили внимание на то, что человек, независимо от его отношения к религии, выше всего ценит трудолюбие. И здесь нет ничего удивительного. Для нас прежде всего характерно уважительное отношение к созидательной деятельности — источнику общественного богатства и личного благополучия. В условиях социализма, особенно в наши дни, когда в новой Конституции СССР записано не только право советских людей на труд, но и право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, образованием, — трудолюбие становится главным критерием нравственного идеала.

Конечно, не все верующие понимают в должной мере социально-нравственную значимость труда. Так, анализируя шкалу престижности моральных качеств, мы обратили внимание на то, что, хотя обе мировоззренческие группы и выдвигают трудолюбие на первое место, неверующие все же чаще (50 процентов против 41,4) указывают на него. И это легко объяснимо: свое отношение к обществу атеист доказывает прежде всего трудом на общее благо, в то время как верующий может продемонстрировать свою преданность богу не только трудом, но и молитвой, посещением храма, исполнением различных обетов и т. д.

Ограниченное понимание некоторыми верующими общественной значимости труда дает себя знать и при оценке ими других нравственных качеств, так или иначе связанных с трудолюбием. В большей мере у неверующих поднят престиж таких качеств, как товарищеская взаимопомощь, общительность. Объясняется это, по нашему мнению, тем, что, с одной стороны, религиозная идеология на первый план выдвигает иллюзорные отношения между богом и человеком, а с другой — и руководители ряда религиозных общин, стремясь замкнуть интересы верующих на общинах, в значительной мере обесценивают межчеловеческие отношения.

Неверующие села Муравль, например, заметно чаще верующих отвечали, что в трудную минуту они надеются на помощь соседей, товарищей по работе, руководителей колхоза, а также на собственные силы. В то же время четвертая часть верующих заявили, что единственная надежда в случае невзгоды — бог. Это типичный пример подрыва религией веры человека в силу коллектива и в собственные силы. Такое отношение особенно характерно для людей пожилых, оторванных от трудового коллектива.

Задавали мы и вопрос: «Что вам не нравится в поведении членов трудового коллектива?» Оказалось, что каких-либо существенных различий в ответах у верующих и неверующих нет. Все осуждают пьянство, грубость, склочность, недоброжелательность и т. п. Религиозные проповедники часто говорят об особой нравственной чистоте верующих. Однако результаты исследования показывают, что и верующие и неверующие в одинаковой степени выступают против аморального поведения.

Оценивая конкретного человека, сельские жители исходят из того вклада, который он вносит своим трудом в коллективное хозяйство. Недаром большинство верующих поручили бы ответственное дело человеку, обладаю-

щему необходимыми деловыми качествами и производственной квалификацией, независимо от его отношения к религии. Это свидетельствует прежде всего о том, что нравственный мир верующих в настоящее время находится под сильным воздействием атеистического общественного мнения.

О необратимых изменениях в нравственных оценках верующих, свидетельствуют и другие факты.

Как известно, религиозное сознание отличается от безрелигиозного не только своим содержанием, но и стимулами, регулирующими поведение человека. Теологи издавна среди мотивов нравственных поступков ведущее место отводили любви к богу, страху перед ним, опасению стать жертвой сатанинских козней. «Отсутствие страха божия является причиной бесконечных падений в жизни верующих», — писал баптистский журнал «Братский вестник».

Исследования к тому же показывают что большинство верующих сомневаются или вообще не верят в существование загробной жизни. Даже служители культа не являются моральными образцами в глазах верующих. (Может быть, поэтому в последнее время в богословских изданиях все чаще пишется о внутреннем облике пастыря.) Иными словами, моральная жизнь большей части верующих не детерминирована религиозной идеологией.

О падении авторитета религии говорит и то, что только менее трети верующих утверждают, что религия способна удержать человека от неблаговидных поступков.

Сказанное, разумеется, не дает еще основания говорить, что религиозная мораль не оказывает влияния на сознание и поведение верующих. Ведь все-таки третья часть опрошенных полагают, что религия помогает им в жизни, около 15 процентов говорят об утешительной роли религии, а шесть — твердо убеждены, что вера в бога обеспечивает спасение души.

Во всех этих «функциях», как не трудно заметить, присутствует и нравственный аспект. Но в целом результаты исследований показывают, что влияние религиозной морали на сознание и поведение верующих невелико и постепенно сходит на нет. А одновременно исследование дает полное основание заявить о благотворном воздействии материалистических представлений на духовный мир сельского труженика, его мировоззренческую и нравственную позиции.

г. Орел

На единой основе

Ф. БЕСЧАСТНАЯ

Решение национального вопроса в СССР, расцвет социальной и духовной жизни братских республик, сближение наций, образование единой интернациональной общности — советского народа — все это один из важнейших результатов 60-летнего пути развития нашей страны. Все более разнообразным становится национальный состав каждой советской республики. В Казахстане, например, единой братской семьей живут и трудятся представители более 100 национальностей и народностей нашей страны. «Социализм давно доказал: чем интенсивнее рост каждой из национальных республик, тем явственнее проявляется процесс интернационализации, — писал Л. И. Брежнев в своей книге «Целина». — Казахстан тому, быть может, самый яркий пример. Целина сделала его без всякого преувеличения «планетой ста языков». И казахская культура развивалась, вбирая в себя лучшее из других национальных культур».

Интернационализация общественной жизни активно способствует преодолению старых, архаичных взглядов, традиций, суеверий и утверждению научно-материалистического, атеистического мировоззрения. Особую роль в этом играют многонациональные производственные коллективы.

Интернациональная солидарность в среде рабочего класса зарождается еще при капитализме на основе общей борьбы против эксплуатации. В условиях победившего социализма традиции подлинной солидарности, дружбы, сотрудничества трудящихся разных национальностей получают глубокое и всестороннее развитие, превращаются в огромной значимости фактор социально-экономического, идейно-политического, духовно-нравственного преобразования общества и личности.

Развитию интернационального коллективизма наша партия уделяла огромное внимание на всех этапах строительства социализма и коммунизма. В. И. Ленин, имея в виду строительство нового общества, писал: «Мы будем работать, чтобы вытравить проклятое правило: «каждый за себя, один бог за всех»... Мы будем работать, чтобы внедрить в сознание, в привычку, в повседневный обиход масс правило: «все за одного и один за всех...»[1].

Вся история советского общества — летопись борьбы за утверждение ленинских принципов коллективизма и интернационализма, новых человеческих отношений, фундамент которых — социалистическая собственность на средства производства, ленинская национальная политика КПСС.

Вопросы развития и укрепления трудовых коллективов как общественно-производственной силы и важнейшей сферы воспитания трудящихся, а также вопросы развертывания их инициативы, повышения их роли в коммунистическом строительстве, в формировании коммунистических общественных отношений нашли глубокое отражение в материалах XXIV и XXV съездов партии, а также в ряде постановлений ЦК КПСС. Возросшее значение этих первичных ячеек ныне законодательно закреплено в новой Конституции СССР, где сказано: «Трудовые коллективы участвуют в обсуждении и решении государственных и общественных дел, в планировании производства и социального развития, в подготовке и расстановке кадров, в обсуждении и решении вопросов управления предприятиями и учреждениями, улучшения условий труда и быта, использования средств, предназначенных для развития производства, а также на социально-культурные мероприятия и материальное поощрение.

Трудовые коллективы развивают социалистическое соревнование способствуют распространению передовых методов работы, укреплению трудовой дисциплины, воспитывают своих членов в духе коммунистической нравственности, заботятся о повышении их политической сознательности, культуры и профессиональной квалификации».

В свете этих больших задач, которые поставлены партией и государством перед всеми трудовыми коллективами страны, бесспорный интерес вызывают вопросы, связанные с воспитательной работой в интернациональных коллективах. В настоящее время в СССР насчитывается свыше двух миллионов трудовых коллективов; подавляющее большинство из них многонациональны по своему составу. Такие коллективы стали сегодня в нашей стране массовым явлением, особенно в местах интенсивного освоения природных богатств, строительства крупных промышленных объектов — на нефтепромыслах Тюмени, на строительстве БАМа, на объектах Нечерноземья, в Казахстане и других районах страны.

Образующиеся здесь новые интернациональные трудовые коллективы наряду с общими чертами отличаются и некоторым своеобразием. Это своеобразие выражается прежде всего в том, что их формирует преимущественно молодежь — категория людей, которая отличается высоким уровнем образования, квалификации, культуры,

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 108.

гражданской активности и идейно-политической убежденности. Вот почему для этих коллективов характерны большая зрелость внутриколлективных отношений, господство коммунистической идеологии и социалистических норм нравственности.

Недаром, как показывают данные социологических исследований, те, кто трудится в многонациональном коллективе, удовлетворены этим. Наибольшее число ответов, содержащих положительную оценку идейно-нравственной атмосферы, складывающейся в многонациональных коллективах, дали рабочие промышленных предприятий. И это вполне закономерно. «Именно рабочий класс, самый интернационалистский класс по своей сущности, играет решающую роль в процессе сближения всех наций и народностей нашей страны», — подчеркивал Л. И. Брежнев в докладе «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик».

Факторов, определяющих настроение в коллективе, много, но, безусловно, решающий — это совместный созидательный труд. Именно в коллективном труде прежде всего формируются чувство общественного долга, взаимопомощи, сотрудничества.

Атмосфера в коллективе—не абстрактное понятие. Отношения между людьми, обстановка, в которой они работают и живут, весьма ощутимо сказываются на результатах труда. Недаром XXV съезд партии указал, что первичные парторганизации должны постоянно заботиться о создании в каждом коллективе атмосферы дружной работы и творческого поиска. Именно такую здоровую обстановку и создает, например, партийная организация карагандинской шахты имени 60-летия Великого Октября, где работают представители 60 национальностей — казахи, русские, украинцы, белорусы, немцы, поляки, татары и другие. В ходе социологического исследования, проведенного здесь в 1975—1976 годах, из 206 опрошенных шахтеров 130 заявили, что, по их мнению, коллектив помогает повышать трудовую дисциплину и производительность труда, 65 — изживать недостатки, критически относиться к своей работе, 71 — улучшать отношения с людьми, 64 — формировать научное мировоззрение и повышать ответственность за свою работу, 72 — вырабатывать чувство ответственности за общее дело.

В интернациональном коллективе происходит сближение людей разных национальностей. Здесь возникают новые традиции, привычки, типы и формы межличностных отношений. В таких коллективах национально-этническое сближение проявляется наиболее глубоко и выражается многосторонне: в частности, изживаются национальная замкнутость и ограниченность, вырабатывается единая интернационалистская идеология — идеология тесного единства советских людей в их общей борьбе за коммунизм, которая подрывает устои религиозного мировоззрения и способствует выработке научных взглядов на природу и общество.

Социологические исследования показывают также, что отношения между членами передовых, сплоченных коллективов проникают в сферу быта, семьи, досуга. Это весьма важная сторона влияния коллектива. Результаты такого общения разнообразны и многоплановы. В частности, в интернациональных коллективах часты межнациональные браки, являющиеся в свою очередь важными социальными ячейками развития передовых традиций различных народов. Например, в Карагандинской области, где существуют сотни интернациональных коллективов, число смешанных браков за два года (с 1975 по 1977) увеличилось почти на пять процентов.

В условиях Казахстана это явление уже стало обычным. Так, в совхозе имени Джамбула Алексеевского района Целиноградской области проживает семья казаха Сагидуллы Кайназарова. Жена Сагидуллы, Елена Ивановна, — русская, старший сын Маденист женат на белоруске Елене Водопьяновой, средний, Салим, соединил свою судьбу с украинкой Зоей Коваль. Дочь Кайназарова Мария вышла замуж за немца Антона Цеффера. Или еще один пример. В совхозе «Кенбидаикский» Кургальджинского района Целиноградской области живет семья Жексембая Балатаева. У него 30 внуков, 6 правнуков, а всего в семье 44 человека. В ней есть русские, украинцы, белорусы, татары, корейцы, ингуши, киргизы и туркмены.

Такие факты наглядно подтверждают, что интернациональное общение людей, их совместный труд, стремление строить свое личное счастье, основанное на взаимной симпатии, оказываются сильнее религиозно-национальных перегородок.

Однако те же исследования в интернациональных трудовых коллективах показывают, что научно-материалистическое мировоззрение еще не стало достоянием всех. Это наблюдается чаще всего в некоторых коллективах сферы обслуживания или мелких производственных подразделениях. Дело, разумеется, не в численности коллектива как таковой. Во-первых, для небольших предприятий характерен ручной, малоквалифицированный труд. Во-вторых, здесь наблюдается большая текучесть кадров, что отрицательно влияет на формирование крепко спаянного коллектива. В-третьих, морально-психологическая атмосфера в таких коллективах часто недостаточно благополучна (больше прогулов, нарушений трудовой дисциплины и т. п.), что, как известно, не способствует установлению подлинно коллективистских отношений. На таких предприятиях порой хуже поставлена воспитательная работа: здесь редки хорошие пропагандисты, политинформаторы, да и кадры инженерно-технических работников не всегда хорошо подготовлены для идейно-воспитательной работы. К тому же на мелких производствах (ремонтно-строительных, обрабатывающих, обувных, пошивочных и т. д.), как правило, больше работает верующих. Это объясняется тем, что на мелких предприятиях от работника часто не требуется высокого профессионального и культурного уровня. Хорошо известны примеры того, как верующие, особенно из числа сектантов, выбирают себе такие профессии, которые не слишком прочно связывают их с коллективом, позволяют быть в известных пределах независимыми от него: скажем, идут в сторожа, дворники, шоферы, электромонтеры и т. п.

Эта ограниченность, слабость социальных связей верующих с трудовыми коллективами неизбежно повышают роль и значение в их жизни религиозной общины. Для них она предстает местом, где есть возможность для активной деятельности. К тому же, здесь, внутри религиозной общины, верующий восполняет недостаточность своих социальных связей и потребностей в реальном общении.

В Караганде был, в частности, проведен опрос членов меннонитской общины об их отношении к трудовому коллективу. Абсолютное большинство, почти 70 процентов, общаются с товарищами по коллективу лишь во время работы. Пятая часть принимает участие в социалистическом соревновании. На рабочих собраниях по вопросам выполнения производственных заданий выступают 5,6 процента, с осуждением нарушителей трудовой дисциплины — 7,4 процента. Свою пассивность некоторые меннониты объясняют тем, что «обсуждаемые вопросы их не касаются» (14,8 процента), а 68,5 процента — что значительную часть свободного времени они уделяют удовлетворению религиозных потребностей.

Приведенные данные показывают, что религиозность неизбежно ведет к сужению социальных связей человека с трудовым коллективом. В свою очередь слабость социальных связей делает некоторых верующих людей равнодушными к «миру», к обществу, сужает их жизненный горизонт, что, безусловно, питает их религиозность.

Следовательно, для того чтобы успешно решать проблему атеистического воспитания в трудовом коллективе, необходимо наряду с углублением содержания атеистической пропаганды, органичным увязыванием ее со всем комплексом идеологической работы укреплять в нем межличностные связи, налаживать содержательную духовную жизнь. Об этом, в частности, убедительно говорит опыт партийных организаций Карагандинской области.

Особенности возникновения, развития и функционирования интернационального трудового коллектива оказывают весьма существенное влияние на процесс формирования научно-материалистического мировоззрения трудящихся. Очевидно, что такой коллектив в состоянии успешно выполнять свою функцию воспитателя, оказывать эффективное воздействие на формирование мировоззрения, атеистических взглядов своих членов. Создание здоровой нравственно-психологической обстановки в коллективе людей разных национальностей способствует преодолению остатков индивидуализма и отчужденности, являющихся питательной почвой религиозности, формирует у них чувство социального оптимизма, уверенности в себе.

Ничто так не возвышает личность, как активная жизненная позиция, отмечал на XXV съезде партии Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. Но в то же время известно, что активная жизненная позиция формируется не сразу, не в один миг, а годами, в процессе продуманной воспитательной работы с людьми. Следовательно, повышение уровня руководства идеологической работой в интернациональном трудовом коллективе, особенно на этапе его становления, позволяет повысить эффективность, действенность атеистического воспитания.

Александр ШАМАРО,
специальный корреспондент
журнала «Наука и религия»

РОДНИКИ

Дом Белынских. Вид со двора.

В. Г. Белинский — гимназист.
Скульптор Г. Малов.

У КАЖДОГО СЛОВА есть своя биография, измеряемая веками, а то и тысячелетиями. Припомните синонимы слову, вынесенному в заголовок этих заметок. Родник — ключ. Почему же ключ? Ключ, как сообщает словарь Даля, — «снаряд для запирки и отпирки замка...». Все верно: родники издревле воспринимались народным сознанием как одно из таинственных явлений природы: словно отомкнул кто-то чудесным ключом недра земные, наполненные животворной водой.

Если родник-ключ становится началом реки, он обретает еще одно название — исток. Во второй главе леоновского «Русского леса» есть поэтичные строки, посвященные такому роднику. Юные герои Иван и Демидка забрели в какой-то овражек.

«...Вдруг необъяснимым холодом дохнуло в лицо, и волнение искателя подсказало ребятам, что перед ними находится самое важное в округе сокровище, может быть и на всей земле... Голос падающей воды позвал мальчиков вниз. Они спустились и стояли со склоненными головами, как и подобает паломникам у великой святыни.

Это был всего лишь родничок...

То была колыбель Склани, первого притока Енги, а та, в свою очередь, приходилась старшей дочкой великой русской реке... Полстраны было окроплено живой водой из этого овражка. Без нее не родятся ни дети, ни хлеб, ни песня, и одного глотка ее хватало дедам на подвиги тысячелетней славы».

Вспоминаем ли мы о таких родничках, завороженно оглядывая разливы рек, подобные морям? Думаем ли о родниках, об истоках великих жизней и судеб, великих начинаний и дел? А надо помнить, думать о них.

В такой уголок России — уголок родников — и отправимся мы с вами сейчас...

Пензенская область... В числе 27 ее районов — Белинский район. Центр его — город Белинский (бывший Чембар). В списке 16 сельских Советов видим сельсоветы — Лермонтовский и Чернышевский. И этот город, и оба эти села — Лермонтово (бывшие Тарханы) и Чернышево, расположенные друг от друга на расстоянии каких-нибудь 35 километров, имеют непосредственное отношение к Виссариону Григорьевичу Белинскому, Михаилу Юрьевичу Лермонтову и Николаю Гавриловичу Чернышевскому.

Чембар был переименован в 1948 году в ознаменование столетней годовщины со дня смерти Белинского. Девять лет — пору детства и отрочества — прожил он здесь и всю жизнь считал родиной своей этот уездный городок, а не балтийскую военно-морскую крепость Свеаборг, где за пять лет до приезда в Чембар суждено было ему появиться на свет. И новое название Чембара не пришло откуда-то издалека: исток его — в 30 километрах к северу. В границах соседнего, Па-

челмского района все той же Пензенской области находится старинное село Белынь. Вот из этого-то села и вышел род Неистового Виссариона — род сельских священников.

Дед Виссариона Григорьевича — Никифор Трифонов, подобно односельчанам своим, фамилии не имел. И только сын его Григорий при поступлении в Тамбовскую духовную семинарию занесен был в списки учеников под фамилией Белынский. А уже много позже старший сын Григория Виссарион, поступив в Московский университет, немного изменил фамилию — стал Белинским.

Служба в сельском храме была уготована Григорию Никифоровичу по традиции, но он нашел в себе силы круто свернуть на иную дорогу, избрать профессию, которая соответствовала бы его убеждениям и была бы, по его понятиям, наиболее полезной людям. Оставив духовную семинарию, он поступил в Петербургскую медико-хирургическую академию.

Военным лекарем служил Г. Н. Белынский на кораблях российского флота, принимал участие в боях. А в 1816 году, выйдя в отставку, возвратился в родные места вместе с женой и детьми. Построил одноэтажный домик на базарной площади Чембара и стал служить лекарем — единственным врачом на весь обширный уезд.

Это покажется невероятным, но в уезде, занимавшем территорию чуть ли не трех современных районов, не было тогда ни одной больницы. Разумеется, в этом смысле Чембарский уезд не отличался от всех остальных уездов Российской империи. И штаб-лекарь Белынский вынужден был приспособить под больницу баню на своем дворе. Бедняков он лечил бесплатно, а многим и помогал из собственных весьма скудных средств.

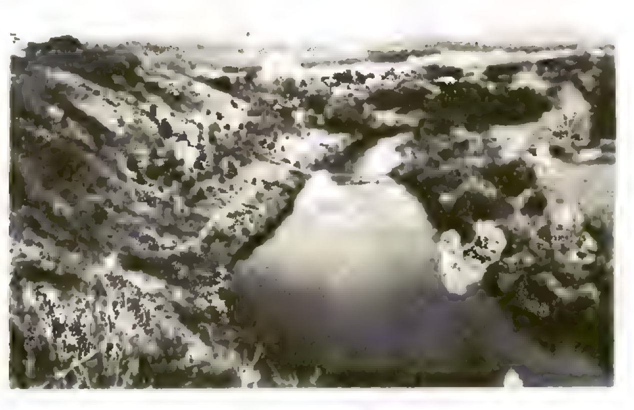
Отец великого критика был человеком незаурядным. Умом и образованностью, чувством собственного достоинства он резко выделялся на

Письменный стол отца В. Г. Белинского — Г. Н. Белынского.

Фото Ф. Гуртовника

Река Малый Чембар.

сером, унылом фоне тогдашнего уездного «общества», так хорошо знакомого всем нам по гоголевскому «Ревизору».

«Природный ум и доступное по времени образование, — вспоминал о нем один из его родственников, — естественно ставили его выше малограмотного провинциального общества. Совершенно чуждый его предрассудков, притом склонный к остротам и насмешке, он открыто высказывал всем и каждому в глаза свои мнения о людях и о предметах, о которых им и подумать было страшно... Все грамотное население города и уезда обвиняло Григория Никифоровича в неверии в Христа, нехождении в церковь...»

Да, Григорий Белынский порвал не только с семейной профессией, но и с религией. По словам одного из близко знавших его людей, он вынес из стен медико-хирургической академии идеи Великой французской революции. Повергая чембарских обывателей в состояние смятения, страха и гнева, он не появлялся в соборе даже в дни наиболее чтимых православных праздников. Портрет Вольтера украшал его кабинет. Повести французского пи-

сателя и философа-просветителя лежали на его письменном столе. Старший сын Виссарион прочитал их еще в детстве.

Мальчик обучался грамоте дома, затем в Чембарском уездном училище. Но была еще одна и, пожалуй, главная школа — школа жизни, школа любви и сострадания к родному народу и ненависти к его притеснителям и угнетателям. Исток изумительного человеческого феномена, обозначенного позднее словами Неистовый Виссарион, восходит к этому одноэтажному домику в уездном городке.

Дом был обращен окнами на базарную площадь, и поэтому, даже не выходя из него, можно было наблюдать десятки и сотни крестьянских типов. Особенно—в ярмарочные дни, приуроченные, как и повсюду, к престольным праздникам возвышавшегося тут же собора: на покров и на Казанскую божью матерь (1 и 22 октября по ст. ст.). В эти дни Виссарион любил подолгу бродить в шумной и пестрой толпе по обширному пыльному пустырю, пытливо ко всему присматриваясь. Мимо окон его дома прогоняли под конвоем на каторгу или в ссылку закованных в кандалы «смутьянов» и «бунтовщиков». Здесь он видел картину страшную и отвратительную — торговлю «крещеной собственностью» — крепостными. Благочестивые христиане-помещики со спокойной совестью продавали и покупали других христиан, как табун скота, как воз с зерном. И все это благословлялось православной церковью, один из бесчисленных храмов которой — чембарский собор — громоздился в двух шагах от этого торга, осеняя его и в иносказательном и в буквальном смысле слова.

Врач, тем более такой отзывчивый и бескорыстный, каким был лекарь Белынский, по природе своей профессии непосредственно соприкасался со всеми бедами и скорбями крестьян, населявших обширный уезд.

Прямо с базара мужики и бабы приходили к лекарю в его приемную — комнатку, пристроенную к дому и отделенную от него широкими теплыми сенями. Всякие больные появлялись у лекаря, и он должен был побеспокоиться о здоровье детей, жены, домочадцев. Приемная была не просторнее обыкновенной кладовки, с небольшим письменным столом, с немудреными рисунками и плакатиками на стенах.

По долгу службы Григорию Никифоровичу приходилось нередко выезжать в села и деревни для освидетельствования крестьян, засеченных, избитых, изуродованных по приказу помещиков и помещиц. Результаты осмотра (бывало — уже и покойников) со скрупулезной точностью отражал он в актах, скрепленных его подписью, а по вечерам рассказы его слушал Виссарион.

Несколько этих документов хранятся в Государственном музее-усадьбе В. Г. Белинского.

«1823 года ноября 24 дня чембарский штаб-лекарь Белынский по сообщению чембарского городничего Лозового свидетельствовал обще с оным и уездным стряпчим Васильевым скоропостижно умершего крестьянина господина Богданова Абрама Алексеева («господин Богданов» — помещик, Абрам Алексеев — его «крещеная собственность». — **А. Ш.**), на теле которого по осмотру наружных знаков к отнятию жизни не оказалось, кроме изнурения оного».

«Кроме изнурения оного»... Умер, возможно, прямо на базарной площади, как вконец загнанная и истощенная голодом лошадь.

«1827 года сентября 10 дня по силе, учиненной в Чембарском уездном суде резолюции на представленном при прошении от прапорщицы Тугучевой, зятя ее отыскивающим от гг. Дубасовых вольности дворовом человеке Максиме Петрове в присутствии суда оного мною боевые знаки осматриваны и свежих знаков на нем не имеется, а оказались только на голове правой стороны опухоли, найденное на груди небольшое желтоватое пятно, в том штаб-лекарь удостоверяю, что действительно оные последовали чем-либо от ударов. Дворовый же человек Петров при сем свидетельстве изъявил, что шишки и знаки последовали от побои г. (т. е. господина.— **А. Ш.**) его, который дабы оные зажили держал его в оковах и стенной цепе слишком две недели и потом уже за столь долго прошедшим временем и свежести их быть не может».

Стиль казенных бумаг того давнего времени (да еще уездного захолустья) требует разъяснений. Максим Петров, грамотный крепостной помещика Дубасова, женат был на дворянке — дочери той самой «прапорщицы Тугучевой», которая это дело в уездном суде и возбудила. Столь необычный брак пришелся, видимо, не по душе господину Дубасову, который и решил выбить из холопа своего «искания вольности». Пять раз Петрова били нещадно батогами, а потом посадили на цепь, дабы он — пока не подсохнут раны и не рассосутся кровоподтеки — не смог сбежать и пожаловаться. Рассказ отца об этом происшествии глубоко запал в память Виссариона. Несчастный Петров стал позднее одним из прототипов Дмитрия Калинина — героя драмы, написанной юным Белинским.

Григорию Никифоровичу пришлось однажды осматривать труп крепостной крестьянки — «дворовой женки Емельяновой», которая, по утверждению помещицы княгини Кугушевой, сама на себя руки наложила. Но возникло обоснованное подозрение, что чембарская Салтычиха, до смерти забив прислугу в наказание за пролитую ею крынку молока, решила замести следы злодеяния и приказала повесить покойницу. Судить помещицу не стали, хотя оставили «под подозрением».

Виссарион... Имя редкое, не правда ли?

«Имя Виссариона (Никейского), данное Белинскому, носил крупнейший исторический деятель XV в., происходивший от простых родителей, автор многих трудов... Память Виссариона Никейского отмечалась 6 июня, т. е. на седьмой день после рождения ребенка», — пишет В. С. Нечаева в одном из самых фундаментальных исследований жизненного пути и литературной деятельности Белинского.

Но в списке православных святых нет Виссариона Никейского. Против даты 6 июня (по ст. ст.) в святцах значится «преподобный Виссарион, чудотворец Египетский», живший, по уверению церковных писателей, в IV—V веках. Это — единственный Виссарион в святцах.

Ясно, что имя первенцу в семье флотского лекаря Белынского было выбрано в согласии со стародавней традицией по православным святцам, в соответствии с датой рождения. Его нарекли в честь преподобного Виссариона Египетского. И это было естественно, если вспомнить, что Мария Ивановна Белынская, жена Григория Никифоровича и мать Виссариона, была женщина глубоко религиозная.

Так, по воле случая, будущий убежденный атеист, обличитель религиозного мракобесия и клерикальной реакции, человек пламенного сердца и са-

В. Г. Белинский. Скульптор Г. Малов.

мозабвенного действия («я в мире боец») вместе с редкостным именем получил в качестве небесного покровителя (ангела) фанатичного христианского праведника.

Характер и темперамент, жизненный путь Виссариона Белинского известны всем. Наложите мысленно на этот характер, на этот темперамент, на это мировоззрение и эту жизнь рисуемый церковной легендой облик преподобного Виссариона Египетского... Со страниц церковных изданий перед нами встает образ изнуряющего плоть аскета. Приняв монашество еще в юные годы, отрешившись от всего земного, удалился он в пустыню. Дни и ночи проводил в молитве. В продолжение 40 лет не ложился, спал сидя или стоя. Случалось, что по неделе, а то и по 40 дней пребывал без пищи...

А как возникла версия о Виссарионе Никейском? Что это — всего лишь допущенная биографами Белинского фактическая неточность? Видимо, не так. «Образ такого «святого», — прочтем мы в том же исследовании жизненного пути Белинского, — мог особенно импонировать бедняку-лекарю, скептически относившемуся к религии...» Видимо, отец, вынужденный смириться с набожностью жены и тещи, утешил себя тем, что связал в своем сознании с именем первенца память об одном из выдающихся гуманистов эпохи Возрождения.

В оценке этого политического и церковного деятеля сходятся издания и церковные, и светские, и дореволюционные ученые, и советские византологи. Виссарион Никейский — энциклопедически образованный человек, переводчик трудов Аристотеля и Платона, прекрасный знаток греческой литературы. Мировая культура обязана ему обретением литературных творений античной культуры. Среди них — «О природе вещей» Тита Лукреция Кара. Собранная Виссарионом Никейским богатейшая библиотека античных манускриптов была открыта для каждого, кто хотел пользоваться этими сокровищами в научной или литературной работе. Виссарион завещал свою библиотеку Венецианской республике с условием, что она станет общественным достоянием.

Судьба Виссариона Никейского — весьма примечательна. Просвещенность, глубокое знание культуры закономерно вели к остужению религиозного пыла. Задачи и цели политического характера — объединение европейских государств перед лицом грозной опасности со стороны мощной и агрессивной султанской Турции, союз с далекой Москвой (благодаря его содействию был заключен брак великого князя Ивана III с племянницей последнего византийского императора Софьей Палеолог), — все это Виссарион ставил выше бесконечных и бесплодных богословских споров об «истинности» православия или католицизма.

Такой Виссарион, по мнению Григория Никифоровича, был достоин стать жизненным примером для сына.

2

«Единственное историческое воспоминание, связанное с г. Чембаром, заключается в шестинедельном пребывании в нем в 1836 году имп. Николая I». Примечательная фраза эта встретилась мне на страницах весьма серьезного научного издания — «Полного географического описания нашего отечества», которое отдельными томами выходило в Петербурге в первые годы нынешнего века.

Вот так: «единственное историческое...» Словно и не было в России великого русского критика и публициста, выросшего в этом городке и считавшего его своей родиной.

А в чем, кстати, заключается это «единственное историческое»? Какими судьбами занесло в это захолустье «его императорское величество»?.. О таком «историческом событии» стоит сказать несколько слов, ибо оно непосредственно связано с нашей памятью о Белинском.

Совершая очередную инспекционную поездку по местам расквартирования армейских корпусов, император свалился вместе с коляской в овраг верстах в десяти от Чембара и сломал ключицу. Трепещущие от страха уездные и губернские власти поместили августейшую жертву «дорожно-транспортного происшествия» в лучшем здании тогдашнего Чембара — доме уездного училища. Того самого училища, где немногим более 10 лет назад обучался сын уездного штаб-лекаря Белынского Виссарион.

Подлечив плечо, царь отбыл из Чембара 8 сентября 1836 года, в день одного из двунадесятых церковных праздников — рождества богородицы. И пензенское дворянство в пылу верноподданнических восторгов решило превратить мирской дом в «Царскую церковь».

С легким сердцем было закрыто единственное в Чембаре и с таким трудом в свое время учреж-

денное учебное заведение. Над портиком замаячил крест, а у северной стены выросла колоколенка.

...Сказать о том, что царская Россия была совсем равнодушна к каким бы то ни было музеям,— значит погрешить против исторической правды. Да, в дореволюционной России приходили в запустение, искажались безответственными перестройками и переделками и даже исчезали с лица земли дома, квартиры, усадьбы, связанные с жизнью и творчеством писателей, поэтов, ученых, составляющих славу и гордость нашего Отечества. Я уже и не говорю о тех, кого предали анафеме — и политической, и церковной — как «бунтовщиков», «государственных преступников», «вероотступников»: вождей и героев крестьянских войн, декабристов, Радищева, Чернышевского, Белинского и многих других. Николай I запретил упоминание самого имени Белинского. Его труды, разумеется, никто не осмеливался издавать. Вдова и дочь прозябали в бедности. Один из столпов реакции и казенного мракобесия — граф Д. А. Толстой, вершивший делами и ведомства народного просвещения, и ведомства православного вероисповедания (полтора десятилетия он был обер-прокурором синода), ищейкой рыскал в школьных, училищных и семинарских библиотеках, собственными руками рвал старые журналы со статьями Белинского, которые иногда в этих библиотеках попадались. Преподавателей гимназий, училищ, духовных семинарий, осмелившихся добрым словом помянуть Белинского, с треском выставляли за дверь.

Но когда дело касалось так называемых «исконных начал» — православия и самодержавия, — здесь рубля не жалели. Благо рубль-то легко доставался... Мне уже доводилось писать* о том, что в дореволюционной России по меньшей мере 120 православных иноческих обителей представляли собой церковные и церковно-монархические музеи. Например, Богородичный монастырь под Тулой, основанный «в память избавления Александра II от угрожающей опасности 4 апреля 1866 г.» (имеется в виду неудачное покушение Каракозова), или Спасов скит неподалеку от Харькова, основанный «на месте крушения императорского поезда 17 октября 1888 года в память избавления царской семьи от опасности».

Чембарская «Царская церковь» — в их числе, с той лишь разницей, что обслуживало этот уездный монархический музей «белое» духовенство, а не монашество. Музей — в точном смысле этого слова: была сохранена в неприкосновенном виде комната, где жил император. Позже его сын и наследник даровал новоявленной чембарской церкви икону Николая чудотворца — «ангела» своего «в бозе почившего» папаши.

Такие музеи в царской России можно было встретить чуть ли не в каждой губернии. Иное дело — истинное духовное достояние русского народа, истинная слава его и гордость.

В октябрьской книжке журнала «Исторический вестник» за 1881 год напечатаны были короткие заметки некоего Николая Рыбкина: «Материалы к биографии Белинского и Лермонтова». Автор делился воспоминаниями о том, что увидел и услышал он в Чембаре и Тарханах лет 20 назад. Поскольку все попытки его разузнать что-либо и о критике и о поэте наталкивались на беспросветное неведение, он решил обратиться к местному «эрудиту», который не только читал газеты, но даже аккуратно их переплетал.

Между ними состоялся такой разговор:

— Есть ли какие достопримечательности в вашем городке?

— Ни малейших-с.

— Да у вас Белинский родился (как видим, автор воспоминаний был небезупречно осведомлен о биографии В. Г. Белинского. — **А. Ш.**) и учился и дом его должен быть здесь...

— Это, теперича, кто же такой он, например, Белинский был?

— Известный писатель и критик.

* См.: «Наука и религия», 1972, № 6, стр. 80.

Бывшее уездное училище. Теперь одно из зданий Музея В. Г. Белинского.

— Навряд. Такой фамилии у нас никогда и не было и посейчас нет. Слышу-с впервой.

— А далеко ли Тарханы, где Лермонтов воспитывался?

— А кто ж это такой, теперича, Лермонтов, к примеру?

— Известнейший поэт и, может быть, даже здешний, бывший помещик.

— Не слыхал-с. Хлеб тарханские мужики сюда на базар возят. А чтобы писатель там какой жил или воспитывался, я, теперича, вот сколько годов живу здесь — не слыхивал и в ведомостях даже не читывал...

«Там нет ни комнаты, ни места на чердаке, — с теплотой сердечной вспоминал Белинский о домике на базарной площади в Чембаре, — где бы я не читал, или не мечтал, или позднее не сочинял...» И вот этот-то дом, комнатки которого на веки вечные освещены рассветом гениального ума и благороднейшей души, на три последних дореволюционных десятилетия был отдан под трактир самого низкого пошиба! Содержателем питейного заведения был чембарский купец Антюшин, купивший домик Белинских в середине восьмидесятых годов. Просторный двухэтажный кирпичный дом его самого возвышался по соседству.

Итак, училище стало церковью, а дом, где жил Белинский, — трактиром. Два непременных атрибута любого уездного городка; третья «ипостась» в этой «троице» — острог...

Первая попытка спасти дом Белинских от осквернения, разрушения и гибели была предпринята еще на исходе прошлого столетия. В канун полувековой годовщины со дня смерти В. Г. Белинского местное учительство хотело выкупить домик, но безуспешно. Спустя девять лет попытку повторили. Чембарская интеллигенция взывала к разуму, совести и патриотическим чувствам трактирщика, умоляла его уступить дом для городской общественной библиотеки имени их знаменитого земляка. Антюшин был непроницаемо глух ко всем этим доводам и уговорам и, чтобы отделаться от настойчивых просителей, решил схитрить: согласился продать, но... за 10 тысяч рублей. Цена, разумеется, была совершенно бессовестной. Учителя могли собрать всего 300 рублей.

Лишь очистительная буря Октябрьской революции сорвала с дома позорную вывеску, расчистила путь к созданию музея.

Исток музея восходит к осени первого советского года, и у этого истока мы видим Анатолия Васильевича Луначарского — народного комиссара просвещения.

В те дни уездную большевистскую организацию возглавлял Ермил Иванович Барышев, балтийский моряк, член партии с 1907 года, направленный в Чембар по распоряжению В. И. Ленина. В сентябре 1918 года Барышев был вызван в Москву, где его принял нарком просвещения. Беседа коснулась и дома на базарной площади.

«Луначарский стремился узнать во всех подробностях о доме Белинского, — прочтем мы в статье П. Максяшева, бывшего директора музея, — в каком состоянии здание, какие сооружения находятся рядом. Узнав, что домом Белинских владеет купец Антюшин, нарком посоветовал внимательно разобраться в этом вопросе. Нельзя, говорил он, чтобы дом, в котором прошли детские годы Белинского, безжалостно разрушался и погиб для потомства. Надо его немедленно национализировать, привести в порядок и установить на нем на первых порах хотя бы простую мемориальную доску».

Уездный исполком так и поступил: национализированы были и дом Белынских, и «Царская церковь», и имение Тарханы, о котором тоже шел разговор в тот день в кабинете наркома просвещения. Но о Тарханах — позже.

Примета старого Чембара — Народный дом.

На первых порах в доме штаб-лекаря Белынского разместилась школа крестьянской молодежи, а в помещении бывшего уездного училища — Дом санитарного просвещения. Музей Белинского открыт был летом 1938 года, к 90-летию со дня его смерти. Позже ему было передано и здание уездного училища, которое, таким образом, за свои полтора века стало музеем вторично. И навсегда.

Да, символическая судьба! Можно сказать, что, в конечном счете, Николай I, одна из самых омерзительных фигур российского «царствующего дома», был главным, ненавистнейшим врагом Виссариона Белинского. Несколько десятилетий зловещий призрак Николая I витал в доме, где когда-то сын уездного лекаря сделал первые шаги на пути стремительного восхождения к вершинам философской, общественно-политической и литературной мысли, к славе одного из самых образованных литераторов своего времени. Революция вымела из этого здания монархические реликвии вместе с богослужебными принадлежностями и посвятила его священной памяти Виссариона Белинского. История свершила свой справедливый суд!

Она свершила его, кстати, и над чембарским купцом Антюшиным. Тот самый двухэтажный кирпичный дом, из окон которого он, надо полагать, частенько и с приятностью в сердце поглядывал на свое доходное заведение, где он, наверное, кочевряжился над обескураженными учителями, заламывая несусветную цену, — передан музею В. Г. Белинского.

Уездное учительство мечтало когда-то, чтобы в доме, где рос Виссарион Белинский, открыть скромную общественную библиотеку. Но и эта мечта оказалась тогда несбыточной. Теперь музей В. Г. Белинского — целый квартал в городе, целый комплекс музейных и служебных зданий с тенистым парком. Музей давно обрел всесоюзную известность.

Окончание следует

Религия ли буддизм?

А. КОЧЕТОВ,
доктор философских наук

Фото Ю. Устинова

Наверное, вынесенный в заголовок статьи вопрос многим читателям покажется абсурдным. Ну, конечно, религия, скажут они. Ведь известно, что существуют три мировые религии, одна из них — буддизм.

Однако, если мы обратимся к литературе о буддизме, то увидим, что поставленный вопрос требует обоснованного ответа. Литература эта весьма обширна. Хотя первые сведения о буддизме появились на страницах европейских изданий лишь в самом конце XVIII века, а систематическое его изучение началось немногим более 100 лет назад, за этот сравнительно короткий срок буддизм подвергся всестороннему и во многих отношениях плодотворному исследованию. Достаточно сказать, что вышедший в начале текущего века справочник Хелда содержал 2544 названия посвященных буддизму книг, очерков, статей и брошюр только на немецком языке. Одна из наиболее полных библиографий (где указаны книги, вышедшие до 1952 г.) приводит в своих 23 томах много тысяч названий. После второй мировой войны в Индии, в странах Индокитая, в Китае, в Японии вышло множество работ о буддизме.

Вся эта необъятная литература отличается такой противоречивостью в определениях и оценках как самой сущности буддизма, так и разных сторон его идеологии, культа, этики, искусства и т. д., что нередко может показаться, будто речь идет о совершенно различных явлениях.

Один из наиболее глубоко проникших в сущность буддистской идеологии ученых России — О. О. Розенберг писал в 1918 году в книге «Проблемы буддийской философии»: «Несмотря... на существование обширнейшей литературы по буддизму, нужно признать, что значение буддизма как системы миросозерцания, философского и религиозного, до сих пор является невыясненным». Спустя девять лет крупнейший знаток индийской религиозно-философской мысли — академик Ф. И. Щербатской начал свою посвященную анализу учения о нирване книгу такими словами: «Хотя с того времени, когда было начато научное изучение буддизма в Европе, прошло сто лет, мы до сих пор, несмотря на это, блуждаем в потемках относительно важнейших положений этой религии». Прошло еще три десятилетия, и один из наиболее авторитетных современных индийских авторов Т. Р. В. Мурти, приведя это высказывание Щербатского, заявил, что оно «остается не менее верным и сегодня».

Следует добавить, что протекшие после выхода книги Мурти два десятилетия не только не внесли ясности, но даже, пожалуй, еще более усугубили положение, чему способствовало проведенное в 1956 году в ряде стран Востока празднование 2500-летия буддизма, вызвавшее новый бурный поток посвященной ему литературы.

Одной из тенденций новейшей литературы по буддизму является стремление сблизить его с современной наукой, отождествить с моралью, выставить как панацею от всех зол современности. «Буддизм предлагает современному человеку религию без сверхъестественного», — пишет С. П. Кэнэль в статье «Буддизм — религия мирян». Он определяет буддизм как «религию ученого», как «светскую религию», призывает «отбросить сверхъестественное в религии и сделать этическую жизнь и активное сострадание высшей религией».

Многие исследователи, в том числе и советские, сближают буддизм с позитивизмом, с экзистенциализмом и другими новейшими направлениями европейской философии, то есть с различными выражениями современной идеалистической мысли.

Такая точка зрения понятна и имеет свои основания. Ведь между любой религией и философским идеализмом существует несомненное сходство: они одинаково решают основной вопрос философии, утверждая первичность сознания и вторичность материи. И если взять то главное и

Вторая статья цикла. Первую см. в № 1 нашего журнала за этот год.

определяющее, что характерно для **всех** самых различных в своих деталях форм реально существующего буддизма, то нетрудно установить, что первичность духа столь же характерна для буддизма, как и для других религий.

Однако этим дело не ограничивается. Есть авторы, которые усматривают наличие в буддизме прямо противоположной идеализму философской позиции. Так, говоря о хинаяне — одном из двух главных направлений буддизма, прогрессивный индийский историк философии М. Рой находит в ней «диалектико-материалистические взгляды», близкие тем, «к которым пришли Маркс и Энгельс в середине XIX века». Московское издательство иностранной литературы в своей аннотации к книге М. Роя «История индийской философии», вышедшей в 1958 году, утверждает, что автор «убедительно доказал» материалистический характер раннего буддизма.

У советских авторов, обращавшихся в последнее время к проблемам буддизма, мы находим не меньший разнобой в определении его сущности. В. Н. Топоров в обстоятельном предисловии к книге «Дхаммапада» (М., 1960) утверждает, что учение Будды «строго говоря... не было ни религиозным, ни философским... Цель его учения была сугубо практическая — помочь избавиться от страдания». В. П. Лучина (статья «Буддизм», БСЭ, изд. 3-е), хотя и признает буддизм религией, также утверждает, что важнейшей чертой «является его практическая направленность». Эта «практическая направленность», по мнению Лучиной, состоит в «доктрине «спасения» или «освобождения» от страданий. Страдание буддизм связывает с неустойчивостью объектов человеческих желаний и динамизмом человеческой психики. Таким образом, заключает автор статьи, страдания в буддизме — это состояние постоянной неудовлетворенности, напряженности и тревожности. Из вышесказанного видно, что В. П. Лучина считает буддизм учением, где «преодоление страдания» сводится к соответствующей перестройке психики, обеспечивающей снятие неудовлетворенности, напряженности и тревожности. Важнейший тезис буддизма — отождествление страдания и бытия, абсолютизация страдания, требующая спасения в переходе в «небытие» (нирвану), — здесь затушевывается. Нирвана трактуется автором статьи как некое состояние сознания, достигаемое человеком при жизни. Близок к В. П. Лучиной и И. Бештау, объясняющий в статье «Буддизм и современность» («Азия и Африка сегодня», 1966, № 12) привлекательность буддизма тем, что он призывает «видеть друг в друге прежде всего людей, взятых вне всяких социальных ограничений и рамок». Бештау считает буддизм мировоззрением, «которое, будучи взращено на восточной почве около двух с половиной тысяч лет тому назад, помогает азиатским странам отстаивать свою самобытность. Усвоенное западной культурой, оно помогает ее отдельным представителям обрести себя как личность в мире социального неравенства».

Если добавить, что есть и такие определения буддизма, как, например, данное В. И. Корневым (статья «Буддизм» в «Вопросах истории», 1970, № 12), который считает, что «в зависимости от конкретных задач и местных условий современный буддизм можно рассматривать и как религию, и как философию, и как идеологию, и как культурный комплекс, и как образ жизни», то становится ясным, что четкий и однозначный ответ на поставленный в заголовке статьи вопрос сугубо необходим.

О. О. Розенберг, подводя итоги обозрению существовавшей к началу нашего века литературы о буддизме, писал в процитированной выше книге: «Поражает та разнородность оценки, которую можно найти по отношению к буддизму; буддизм является силою, к которой одни относятся с крайним отвращением, другие с чрезвычайной симпатией; на буддизм указывают то как на пример бессмысленного идолопоклонства, не заслуживающего вовсе названия религии, то опять как на пример религии, равной христианству, даже как на религию, примиримую с современной наукой, как на религию будущего». Причину этого разнобоя О. О. Розенберг не без основания усматривал в **тенденциозности** подхода к буддизму, которая мешала авторам объективно осветить и верно оценить его сущность.

Большинство исследователей, сделавших первые шаги для раскрытия дотоле неизвестного европейцам мира восточной мысли, с увлечением, а то и с восторгом поднимали на щит все то, что им наиболее импонировало, фактически конструируя некий «новый», искусственно созданный буддизм, лишенный многих черт, реальному буддизму свойственных. Это «конструирование» нередко шло по такому пути: вырывалась та или иная часть, сторона, частность, элемент сложного религиозного комплекса и выдавалась за целое, основное, определяющее. При этом такое выхватывание нередко побочного и случайного производилось и сторонниками, приверженцами буддизма, с одной стороны, и его критиками — с другой. Особенно искажалась реальная картина адептами христианства, стремившимися ниспровергнуть буддизм во что бы то ни стало. При этом, скажем, приписываемое буддизму «отсутствие метафизических представлений» (то есть веры в сверхъестественное) и возведение его в ранг «атеистической религии» использовалось и для его апологии («тождество с наукой»!), и для критики (какая же это религия, если в ней отсутствует вера в бога — творца всего сущего?!).

Конечно, главной причиной разнобоя было и остается отсутствие научных и четких социальных критериев, непоследовательность в подходе к рассмотрению буддизма, отсутствие, в частности, у многих исследователей понимания религии как одной из форм общественного сознания, непонимание того, что вера в сверхъестественное может принимать самые различные формы, что вера в «личностного» бога-творца и управителя мира не является обязательным признаком всякой религии, что, наконец, представление о душе может выступать в самых разных вариантах.

Именно отсутствие последовательно научного подхода к рассмотрению религии (а такой подход может быть обеспечен только марксизмом-ленинизмом) приводило и приводит к тому, что многие авторы отказывались

и отказываются видеть в буддизме религию, выставляли и выставляют его как особую философию, как «этическую систему», а то и выдают его за «атеистическую», «светскую» религию или даже за «форму научного мышления».

Наглядным примером такого методологически ложного (а потому и неспособного верно схватить самую сущность явления) подхода к буддизму может служить характеристика его, данная в 1919 году одним из крупнейших индологов, ученым, особенно глубоко проникшим в проблемы буддистской теологии, Ф. И. Щербатским. В книге «Философское учение буддизма» он писал: «Три главных идеи являются достоянием всякой религии: бытие бога, бессмертие души и свобода воли; без них не может быть построено учение о нравственности... И вот, однако, существует религия, — продолжает академик Ф. И. Щербатской, — которая ...не знает ни бога, ни бессмертия души, ни свободы воли» и которая тем не менее «ярким пламенем живой веры горит в сердцах миллионов своих последователей, которая воплощает в себе высочайшие идеалы добра, любви к ближнему, духовной свободы и нравственного совершенства... Эта религия — буддизм».

В своей работе «О так называемых религиозных исканиях в России» Г. В. Плеханов писал, что «в буддизме представление об отношении людей к богам приняло в высшей степени своеобразный вид», но это обстоятельство вовсе не лишает, подчеркивал Плеханов, буддизм тех специфических черт, которые характеризуют **всякую** религию, в первую очередь — наличия веры в сверхъестественное.

Большое разнообразие форм, которые принимал буддизм в течение двух с половиной тысяч лет своего существования у различных исповедовавших его народов, часто мешает видеть то **главное,** что свойственно **всем** формам буддизма, на **всех** этапах его развития. Об этом главном совершенно определенно говорит крупный индийский историк философии С. Радхакришнан в своем предисловии к изданному в Дели в 1956 году сборнику «2500 лет буддизма»: «Однако **все формы** буддизма согласны с тем, что Будда был основатель, что он стремился к трансцендентальной мудрости и, сидя под деревом бодхи, достиг ее, что он указал **путь из мира страданий в загробную жизнь, в бессмертие,** и что те, кто следует путем освобождения, могут также достичь высшей мудрости. В этом — корень вопроса, **сущность,** лежащая в основе единства множества различий в точках зрения и высказываниях, которые характеризуют буддизм, когда он распространился из Индии в другие части света» (подчеркнуто мной.— **А. К.**).

Вспомним, что, давая общую характеристику причин возникновения и существования той формы **духовного гнета,** какой является **всякая религия,** В. И. Ленин указывал на существенное различие религиозных представлений, порождаемых условиями классового и доклассового общества: «Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.» [1].

Буддизм, несомненно, имеет общую для всех религий развитого классового общества черту—резкое противопоставление «сансары», то есть чувственного, эмпирического мира, мира вещей и явлений, мира непрерывных изменений, становлений и разрушений, другими словами, того «бытия», которое буддизм отождествляет со страданием, некоему **принципиально противоположному** ему миру — миру «истинного», «высшего» бытия, миру абсолютного и нерушимого покоя — «нирване». Сущность «спасения» в буддизме состоит в выходе из «сансары» и переходе в «нирвану».

Если рассматривать вопрос по существу, то в этом противопоставлении бытия «небытию» не содержится ничего принципиально отличного от всех других религий развитого классового общества, от того, что В. И. Ленин назвал «верой в лучшую загробную жизнь». Именно такая форма этой веры: высшая цель спасения («нирвана», «небытие»), не исключая и веры в рай как некий благоприятный этап на пути к «окончательному спасению», основана в буддизме на совершенно непримиримом отношении к любым формам бытия, на абсолютизации страдания, выдаваемого за сущность этого бытия.

Среди религий развитого классового общества буддизм наиболее последователен в критике земной жизни, в глубоко пессимистической ее оценке. Так же как и в других религиях, сложившихся в условиях гнета эксплуататоров над трудящимися массами, идея абсолютной неизбежности страдания на земле является в буддизме мистифицированным отражением этого реального гнета. В данном случае он трактуется как некое «космическое» безначальное страдание, победу над которым можно одержать, лишь уйдя в полное небытие. И те, кто утверждает, что в буддизме нет веры в сверхъестественное, забывают или закрывают глаза на то, что само понятие «нирвана», как бы оно ни было туманно и неопределенно, — форма веры в существование особого, сверхъестественного, внеэмпирического мира, куда якобы возможен переход страдающего в эмпирическом мире индивида. А ведь это точка зрения последовательно **религиозная.**

Многие исследователи, ссылаясь на приводимые в канонической литературе отказы Шакьямуни отвечать на вопросы, касающиеся конкретной характеристики этого внеэмпирического мира[2], делают ошибочный вывод об отрицании буддизмом какого-либо другого мира, кроме земного мира страданий, или, как они обычно выражаются, об отсутствии в буддизме «метафизики», интереса к «онтологии» и т. д. Еще О. О. Розенберг показал, что все выходящее в буддизме за пределы этики (скажем, все связанное с ходом «перерождений» живого существа) просто **устранялось,** то есть отбрасывалось авторами, выдающими буддизм за чисто этическое учение. Он подчеркивал, что буддизм вовсе не отрицал существования души как некой духовной сущности человека, а лишь имел в виду, что она «не существует в том смысле, как полагают обыкновенные люди».

Действительно, разве можно утверждать, что у буддистов нет веры в душу, лишь на основании того, что эта вера по форме отличается от представлений о душе в некоторых других религиях? Как правило, рядовые верующие, а также ряд религиозных направлений понимают под душой особую духовную, нематериальную сущность (часто — частицу бога, вложенную в человека в момент творения) — силу, лежащую в основе всех жизненных функций человека, принципиально противоположную бренному, обреченному на гибель телу. Этой духовной сущности после ее временного пребывания в телесной оболочке предстоит вечная жизнь в каком-то другом мире, где она получит награду за кротко перенесенные на земле страдания или наказание за несоблюдение религиозных предписаний. Некоторые из этих атрибутов души буддизм отрицает. Но он никогда не отрицал и не отрицает того, что главным у каждого индивида является сознание, что это сознание после смерти человека не исчезает, а лишь претерпевает изменение в соотношении частиц, из которых оно состоит; изменение, вызванное соотношением злых и добрых дел, совершенных человеком в данном и прежнем перерождениях. Это соотношение составляет особую силу («карму»), которая и формирует новое сознание нового, неизбежно следующего за данным перерождения. Такая постановка вопроса лишь усиливает значение личного поведения человека для формирования особенностей следующего за данным бытия. Воля божества на судьбу человека не действует: если тебе в этой жизни плохо, тебя угнетают, ты бесправен, голоден, никто в этом, кроме самого тебя, не виноват: ты сам своим поведением в прежних перерождениях создал себе такую судьбу.

Некоторые направления буддистской теологии утверждают, что видимого, наблюдаемого, ощущаемого нами мира вовсе не существует, что нет и нашей материальной оболочки — тела. Есть лишь одно сознание, которое в своем заблуждении создает «иллюзию» и чув-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 142.

[2] Так называемое великое молчание Будды — в ответ на такие вопросы, вечен или невечен мир? Конечен он или бесконечен? В каком виде будет существовать Будда после смерти? и т. д.

ственного мира, и этой телесной оболочки. «Я есть простой поток идей», душа — «непрерывность вечно меняющейся индивидуальности», — писал Д. Неру, излагая в своей книге «Открытие Индии» основные положения буддистской схоластики.

Представления о душе-потоке, так же как и отсутствие веры в душу, связанную лишь с данным конкретным человеком, — идеи, свойственные не только буддизму. В своей интерпретации души он, по существу, недалеко ушел от представлений, характерных для многих первобытных форм религии, согласно которым души умерших, постранствовав, возвращаются на землю, вселяясь обычно в тело родственника или потомка умершего. Подобные древнеиндийские представления, пройдя через брахманское учение о переселении душ, получили своеобразное преломление в буддистской теории перерождений. В более поздних формах буддизма, распространившегося далеко за пределы Индии, представление о душе полностью утратило своеобразие раннебуддистской трактовки и в основных своих чертах перестало отличаться от веры в душу в исламе или христианстве.

Те исследователи, которые пытаются отрицать наличие в буддизме веры в душу, попадают в крайне затруднительное положение. Они вынуждены или всячески оговаривать «отрицание души», сводя его этими оговорками на нет, или подменять понятие души чем-то равнозначащим, давая ей другое название. Так, известный английский буддолог Т. В. Рис-Дэвидс пишет в книге «Буддизм. Очерк жизни и учений Гаутамы Будды»: отказавшись от веры в душу, буддизм вынужден был искать «соединительное звено, мост между двумя жизнями, в другом месте» — в учении о карме. «По этому учению, — утверждает Рис-Дэвидс, — как только одаренное чувствами существо (человек, животное или ангел) умирает, возникает новое существо в более или менее тягостном или материальном состоянии бытия, смотря по «карме», вине или заслуге умершего существа». Нетрудно видеть, что термином «карма» тут просто подменяется понятие «душа».

Не менее ошибочно и постоянно встречающееся в литературе утверждение, будто буддизм отвергал представление о боге. На этом основывают обычно «атеистичность» буддизма, причем само понятие «атеизм» употребляется, как правило, не в смысле отрицания существования сверхъестественного и обоснования несостоятельности **всякого** религиозного учения как несовместимого с научной картиной мира, а лишь как отрицание бога-творца или бога—правителя мира.

Приведенное в соответствие с основными буддистскими догматами (бытие—страдание, отсутствие чего-либо прочного и постоянного в полном мучений эмпирическом мире, неизбежность перерождений, несущих новые формы проклятого непереносимо жестокого бытия) представление о спасительной силе божества выступает в буддизме с особой рельефностью и убедительностью.

Буддистская религиозная литература вкладывает в уста «основателя буддизма» Шакьямуни следующие слова: «Подобно тому как воды океана имеют лишь один вкус — вкус соленый, так и учение мое имеет лишь один вкус — вкус спасения». Все ранние источники говорят о том, что Будда проповедовал возможность достижения бессмертия в форме вечного покоя в потустороннем небытии, противопоставляя его непостоянству, обреченности, смертности всего того, что относится к миру реальному, осязаемому.

В раннем буддизме сочеталось и наследование элементов предшествовавшей буддизму древнеиндийской религии — брахманизма — и глубокая переработка и отрицание ряда его принципиальных положений. По учению брахманизма, мир есть создание и многообразное проявление высшего абсолютного духа Брахмана, которому приписывались все атрибуты божества, в том числе и всеблагость. Беспощадная критика земной жизни — мира страданий, характерная для ряда религиозно-философских течений Индии середины первого тысячелетия до нашей эры, которые легли в основу буддизма, была несовместима с представлением о всеблагом божестве, создавшем столь несовершенный мир. Буддизм придал идее отрицания всесовершенного бога-творца законченное выражение. Благость бога, по буддизму, состоит не в создании этого мира страданий, а в **уничтожении** его. И высшие божества буддизма — будды — выступают именно в форме таких «разрушителей реального мира». В этом их высшая божественная спасительная функция.

Таким образом, буддизм создал специфическое, свойственное именно ему представление о боге-спасителе, разрушающем мир. Эта центральная фигура буддистского пантеона всегда была окружена рядом второстепенных богов, образы которых черпались из пантеона народов, принимавших буддизм. Сюда вошли также все основные боги древней Индии, которые, по легенде, приняли буддизм и стали ревностными его распространителями.

Будде Шакьямуни даже наиболее ранние тексты приписывают способность совершать чудеса и передавать ее своим ученикам. Будда, согласно канону, могущественнее всех богов Вселенной. Если в раннем буддизме его основателю приписывались черты, несколько отличавшие его от традиционного представления о богах, как правило обитающих на небе и с людьми не общающихся, то при дальнейшей эволюции буддизма Будда стал вполне традиционным теистическим божеством. Некоторые направления буддизма приписывают ему и акт творения мира (например, тантрийское учение Калачакра). Сложились и такие формы верований, как учение о воплощении богов в земные существа — в живых богов вроде далай-ламы и панчэн-ламы в Тибете.

Нередко встречаются попытки «обосновать» близость буддизма науке наличием в его идеологии элементов диалектики. При этом ссылаются на известное высказывание Ф. Энгельса, который писал в «Диалектике природы»: «...Диалектическое мышление — именно потому, что оно имеет своей предпосылкой исследование природы самих понятий, — возможно только для человека, да и для последнего лишь на сравнительно высокой ступени развития (буддисты и греки), и достигает своего полного развития только значительно позже, в новейшей философии...» [3] Энгельс отдает должное древним индийцам, которые независимо от греков сумели отразить объективную диалектику природы в диалектике субъективной.

Но при встрече с попытками считать на этом основании идеологию буддизма предвосхищением современного научного мышления нельзя забывать, что диалектика в рассуждениях буддистских авторов выступает еще в самой общей, стихийной, наивной форме. Эти рассуждения не выходят, как правило, за пределы примеров, иллюстрирующих непостоянство бытия: пламя светильника, изменчивость форм облаков и т. д. Далее, элементы диалектики служат здесь лишь для обоснования необходимости спасения в небытии, для доказательства отсутствия ценности для человека всего сущего. Поэтому суть диалектических взглядов буддизма противонаучна. Наконец, религиозная сущность буддизма крайне ограничивает возможности использования в нем диалектики. Отрицая объективность мира, буддисты признают движение, смену одного явления другим лишь в сфере сознания, где оно, по их мнению, и является причиной страданий. Буддистская идея спасения кладет четкий предел самому принципу движения, ибо спасение отождествляется с достижением абсолютного покоя, связывается с полным **прекращением** движения.

Итак, вернемся к вопросу, вынесенному в заголовок статьи. Чем же иным, кроме религии, может быть буддизм, если в основе его лежит противопоставление «видимого», «ощутимого» бытия неведомому небытию, нирване, достижение которой — единственно возможная форма избавления от страданий.

Если сами страдания в «данной» жизни рассматриваются как наказание за «грехи», совершенные в «прежних перерождениях».

Если эти представления породили пышный культ, сложные обряды, совершаемые огромной армией духовенства.

Если на службу этому культу и для пропаганды основных догматов были призваны все виды искусства, осуществляющие эмоциональное воздействие учения о «спасении» на массы верующих.

Если, как и всякая религия развитого классового общества, буддизм всегда играл и продолжает в ряде стран играть и сейчас огромную социальную роль.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 537—538.

«Колесо перерождений». Бурятия.

Маски и музыкальные инструменты мистерии цам. Бурятия. XIX в.

ШАКЬЯМУНИ И ДРУГИЕ....

В. ДОЛГОВА,
специальный корреспондент
журнала «Наука и религия»

...Злобно выпученные глаза, раздутые ноздри, оскаленные клыки. На голове — корона из языков пламени и человеческих черепов. Свирепое чудовище-мангус в хищной пасти и когтях держит «колесо перерождений». По учению буддизма, всякое бытие — страдание. И даже смерть не избавляет от него: каждое живое существо рождается вновь и вновь и в других перерождениях снова страдает. Кроваво-красный мангус в одном из ответвлений буддизма — ламаизме — символизирует страсть, интерес к жизни, ведущий к новым перерождениям-страданиям.

Многочисленные сцены возмездия за проступки, изображения жестоких наказаний, которым подвергаются все живые существа, расположены в шести секторах «сансариин хурдэ» («колеса перерождений»). Они должны были устрашать верующих, внушать мысль о путях «спасения».

Она и устрашала, эта безысходная картина страданий, которая висела в каждом ламаистском монастыре — дацане. Она служила ламам «наглядным пособием» для разъяснения основных принципов буддистского вероучения.

Одна такая картина висит в Государственном Музее истории религии и атеизма в Ленинграде.

Фонды музея насчитывают более 10 тысяч единиц хранения предметов буддистского культа и связанных с ним произведений искусства.

Начало экспозиции положили экспонаты из Бурятии. Кое-что поступило из частных коллекций.

В зале, где размещена экспозиция, представлены замечательные художественные творения — литые, кованые, чеканенные: из серебра, бронзы, золоченой листовой меди. Есть из глины и папье-маше, есть из мрамора и песчаника. Статуэтки Индии, Японии, Китая, Бирмы, Тибета. Китайский фарфор. Монгольские, бурятские иконы на бумаге, на коже, на полотне. Вышивки, акварели. Но прежде всего взгляд останавливается на макете буддистского рая.

Веками проповедники сулили верующим за отказ от жизненных благ, за отход от мирской суеты достижение нирваны — прекращение страданий. А так как достигнуть нирваны трудно (для этого надо порвать все мирские связи, уйти в монастырь, жить аскетом), то этот путь спасения не мог снискать популярность широких народных масс. Туманное понятие нирваны в обыденном религиозном сознании вытеснилось более конкретным представлением о рае. Рай трактовался как последняя ступень перед выходом в небытие — нирвану.

Стою перед стеклом, отделяющим объемное изображение рая от зала. Боковая подсветка создает таинственный полумрак. Крупные белые цветы священного лотоса. В некоторых — фигурка человека. Это праведники, возродившиеся в раю за свои добродетели. В воздухе летают маги и волшебники. Небесные гении играют на музыкальных инструментах, вознося хвалу хозяину рая — будде Амитабе. Ему служат многочисленные помощники.

В зале множество изображений буддистских божеств. Их позы, поворот головы, жесты, складки одежды — все строго регламентировано. Но и в рамках религиозного канона художники придавали образу некоторые индивидуальные черты. В раз-

Переход Будды в нирвану. Япония. XIX в.

Грядущий будда Маитрейя. Бронза. XIX в.

ных странах в изображении Шакьямуни проступают национальные особенности. Вот изящный, утонченный, с характерным разрезом глаз Будда из Японии.

Единого мнения о количестве будд нет. Разные направления буддизма ведут разный счет. Встречаются изображения семи будд, тридцати пяти.

В шкафу я вижу огромное количество бронзовых с позолотой будд. Они заняли несколько полок. Начинаю их считать, но сбиваюсь.

— Не трудитесь, — смеется научный сотрудник музея Т. А. Стецкевич, — их здесь более 400, а по ламаистскому учению, их должно быть еще больше: тысяча.

Конечно, эти бронзовые фигурки не обладают большими художественными достоинствами. В начале нашего века их массовая штамповка была налажена на заводах Круппа в Германии.

В разных странах буддизм имеет свои особенности. В Китае, например, большим почитанием пользуется богиня Гуань-инь, охраняющая детей, покровительница семьи. Ее часто изображают с младенцем на руках. Гуань-инь, выполненная в бронзе (XIX в.), занимает свое место в экспозиции.

Со временем все расширялся и расширялся богатый буддистский пантеон. В ламаистском пантеоне восемь рангов божеств. Почетное место в нем занимают бодхисатвы, якобы непосредственно помогающие людям идти по пути спасения. Вот бронзовые статуэтки бодхисатв в виде прекрасных юношей. Вот бодхисатва Авалокитешвара с одиннадцатью головами и множеством рук.

В буддизме — богатая иконография. В экспозиции есть отличная по выразительности икона XX века, запечатлевшая легенду о том, как Шакьямуни лег на землю и отдал свое тело на съедение голодным тиграм. Икона в образной форме проповедует характерные для буддистского вероучения смирение, непротивление злу, покорность своей участи.

В экспозиции музея представлены многочисленные амулеты, молитвенные мельницы с вложенными в них полосками бумаги с молитвами, предметы культа. Изящен домашний алтарь из Японии — шкафчик черного лака с инкрустацией и позолотой.

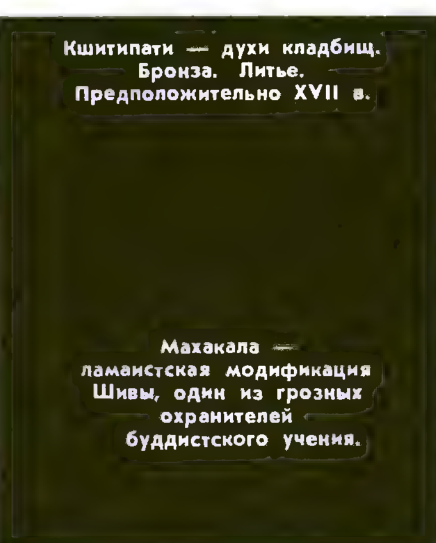
Покидая зал, останавливаюсь перед стеклом, за которым — мастерски изготовленные маски мистерии цам.

...Звон колокольчиков и маленьких медных тарелочек. Глухие удары барабана, звуки гонга. Перекличка труб, сделанных из человеческих бедренных костей. Рев пятиметровых медных труб... Так начинается тантрийская мистерия цам, цель которой — очищение местности от враждебных религии сил.

Вот на стенде персонажи мистерии цам: Чойджил — гневное божество, Цаган убугун («Белый старец») — покровитель скота, хранитель семейного счастья — божество, широко распространенное еще в добуддистских культах Северо-Восточной Азии.

Богата экспозиция предметов буддистского культа. Но в зале лишь незначительная часть. Основное хранится в фондах. Зал неудобен для экспозиции, недоступен для широкого обозрения. Сотрудники музея прикидывают, как они разместят экспозицию в филиале музея, который предполагается создать в Ленинграде в давно не действующем буддистском храме.

Кшитипати — духи кладбищ. Бронза. Литье. Предположительно XVII в.

Махакала — ламаистская модификация Шивы, один из грозных охранителей буддистского учения.

„Я ищу лица"

А. ВЕКСЛЕР,
заведующий археологическим отделом
Музея истории и реконструкции Москвы

Михаил Михайлович Герасимов

Хочу вернуться к одной давней публикации в вашем журнале. В № 8 за 1969 год я с большим интересом прочла статью А. Векслера «Пришедшие из веков» — о принципах работы скульптора-антрополога М. М. Герасимова, об истории создания портретов деятелей Древней Руси, а также адмирала Ушакова, Хаджи-Мурата, П. П. Мельникова.

Очевидно, этим не исчерпывается объем сделанного М. М. Герасимовым. Хотелось бы знать о других его работах, в которых удалось силой знания, с помощью конкретных наук восстановить достоверный облик людей различных эпох и этим опровергнуть или подтвердить легендарные предания, установить новые интересные факты.

К. КАЗАНЦЕВА
г. Свердловск

БЕССПОРЕН СЕГОДНЯ для науки факт: обширную информацию о внешности человека, об его индивидуальном облике несут кости черепа. Оригинальный метод прочтения этой информации, достаточный для воссоздания физиономически точного портрета, нашел советский антрополог М. М. Герасимов (1907—1970 гг.). Ученый оказался талантливым скульптором — выполненные им реконструкции лица по черепу, начиная от безымянных ископаемых предков до людей, знаменитых в истории, получили широкую известность. Большим успехом пользовались выставки скульптора-антрополога в Музее истории и реконструкции Москвы, Биологическом музее имени К. А. Тимирязева в Москве, Музее Человека в Париже.

70-летию со дня рождения ученого была посвящена последняя выставка его работ в Музее истории и реконструкции Москвы, с которым М. М. Герасимова многие годы связывала совместная работа.

ПОРТРЕТЫ ПЕРВЫХ МОСКВИЧЕЙ

У современных исследователей археологии столицы не возникает разногласий по вопросу о том, кто населял первоначальный Москов (летописную Москву). Конечно же, вятичи — древнерусское племя, на земле которого возник городок тех времен, отраженный в первых летописях. Вы видите на рисунке жанровую миниатюру, взятую из Радзивилловской летописи и изображающую игрища вятичей: пляшут девушка и юноша, музыканты бьют в барабан, играют на дудках.

Вплоть до монголо-татарского нашествия сохранялся у вятичей языческий обычай захоронения в курганах. По черепам из раскопанных курганов и восстановил Герасимов из небытия лица славян, столь контрастирующие с обобщенными, очень условными изображениями на миниатюре. Подлинные же портреты наших далеких предков создают непосредственное ощущение той эпохи.

Из дали веков дошло до нас лицо юной девушки с тонкими правильными чертами. На ней подвенечный наряд, голову украшает повязка с прикрепленными на висках и вплетенными в волосы ажурными кольцами. Такие кольца традиционно носили вятичи, населявшие московскую землю. Несколько их образцов найдено при раскопках в Московском Кремле — граде вятичей. Гривна (витой проволочный обруч), яркая художественная вышивка живописно дополняли наряд «красной девицы».

Характерен для антропологического типа северо-восточных славян того времени и облик мужчины — московского смерда (крестьянина) XII века. Это мужественный красивый человек, у него прямо посаженная голова, тонко очерченный нос, энергичный подбородок. Широкий покатый лоб прорезают морщины. По летописям и эпосу, археологическим и этнографическим данным представляем мы суровую жизнь смерда. С топором и сохой трудился он на небольшом участке, и не раз ему, ополченцу («вою»), с тем же топором в руках приходилось оборонять от врагов московскую землю. Если судить по костным останкам, болезнь свалила этого могучего и рослого (выше 190 сантиметров) человека. А было ему 40 лет.

Портрет молодой крестьянки.

Древний москвич изображен в крестьянской рубахе без воротника (застежку-бубенчик от нее нашли при раскопках кургана). Прическа — волосы «под горшок», усы, небольшая раздвоенная бородка восстановлены по миниатюрам древнерусских летописей. Таков портрет современника Юрия Долгорукого, конкретного человека, видевшего, а возможно, и строившего первый летописный, еще деревянный Московский Кремль.

ТИМУРИДЫ ИЗ ГРОБНИЦ ГУР-ЭМИРА

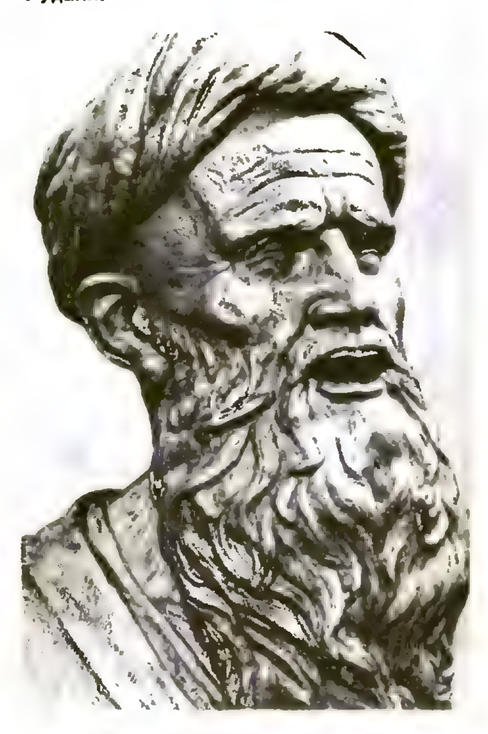
«...Он не боялся смерти, был крепок в мысли и крепок в теле, мужествен и бесстрашен, как твердая скала. Он не был мрачен в несчастье и не был весел в случае успеха», — таков в описании современника Тимур, сын Тарагая из знаменитого монгольского рода барласов, ставший правителем Мавераннахра — междуречья Амударьи и Сырдарьи. Перед именем завоевателя, «бича мира», трепетали и Китай, и Индия. Покорив всю Азию, Тимур (по русским летописям Тамерлан) шел в 1395 году на Москву, но... оказался здесь только спустя шесть столетий, возрожденный мастерством скульптора-антрополога.

В июне 1941 года при участии М. М. Герасимова были вскрыты гробницы усыпальницы династии Тимуридов. Ученые решили с помощью археологических методов исследовать достоверность исторических фактов жизни Тимура и его потомков, особенно внука завоевателя Улугбека. О них рассказывали не только средневековые хроники, но и разноречивые предания, столь излюбленные на Востоке.

В склепе величественного мавзолея в Самарканде, под залом, где стояли мраморные и нефритовые надгробья, было вскрыто пять захоронений: Тимура, его сыновей Шахруха и Мироншаха, его внуков Улугбека и Мухаммед-султана. По свидетельству современника Тимура, посла испанского двора де-Клавихо, завоеватель отличался высоким ростом, был хром на правую ногу, сухорук. Под плитой с посвятительной надписью археологи нашли скелет человека относительно высокого для монгола роста — около 170 сантиметров. Правая коленная чашечка его срослась с бедренной костью в таком положении, что нога не могла выпрямляться (хромота); согнутые кости правой руки срослись в локтевом суставе. У всех тимуридов М. М. Герасимов обнаружил своеобразную анатомическую особенность: пять скелетов имели одно и то же отклонение в строении свода черепа, одинаковую асимметрию, вызванную так называемой левосторонней плагиоцефалией, то есть неравномерным сращением венечного шва. Антрополог объяснил эту аномалию наследственностью. Родство погребенных не вызывало никаких сомнений.

Улугбек был погребен в ногах Тимура, под традиционной плитой с посвятительной надписью. Его череп оказался перевернутым: по-видимому, отрубленная голова, приложенная к телу, откатилась. А то, что ее отрубили, не вызывало сомнений: острое лезвие оставило характерный четкий след на поверхности срезанного позвонка, на углах нижней челюсти. Ученые получили фактологическое подтверждение преданий о трагическом конце великого астронома средневековья.

Мухаммед Тарагай (прозвище Улугбек — «Великий бек» — прочно закрепилось за ним в истории) в 1409 году стал правителем Самарканда. Близ города, у подножья Чупан-Ата он создал крупнейшую обсерваторию того времени. Впрочем, как считают специалисты, значение книги звездных таблиц «Зиджи-Гургани», составленных под руководством Улугбека, не утрачено и после изобретения точнейших оптических инструментов. Этот необыкновенный в истории феодальных государств коронованный ученый высказывал пренебрежение к религии. («Религии рассеиваются, как туман, — сказал он. — Царства разрушаются, но труды ученых остаются на вечные времена».) И фанатичное мусульманское духовенство отплатило ему. Шейхи подготовили убийство, восстановив против Улугбека его

Рудаки.

Миниатюра XII в. из Радзивилловской летописи (XV в.).

сына Абдал-Лятифа. Низложенного правителя обезглавили ударом сабли. Фанатики ислама разрушили и обсерваторию «нечестивца», сравняли ее с землей настолько, что вплоть до археологических исследований XX века место выдающегося астрономического центра оставалось загадкой.

И вот они стоят рядом. Лицо жестокое, волевое, с выступающими скулами, Тимур, гроза Востока и Запада. И с несомненными чертами внешнего сходства, но исполненный спокойного величия, значительности и благородства — его внук, мудрый звездочет Улугбек.

ОТКРЫТИЕ РУДАКИ

Серьезный вклад в историю культуры Востока — восстановленный Герасимовым портрет великого Рудаки, основоположника поэзии на языке фарси. Если верить преданиям, миллион триста тысяч строк написал этот поэт, живший на рубеже IX и X веков. Время сохранило около тысячи его двустиший, но и сегодня «захватывает дух, и даже робость появляется при мысли, что эти творения могучего мастера пережили такие столетия, когда не раз менялось лицо мира, а они жили таинственной жизнью, они шли сквозь грохот падающих и исчезающих государств, сквозь судьбы народов и дошли до нас и звучат в наше время — в век социализма, в век атома, искусственных спутников Земли и кибернетики, и их лучистая энергия доходит до сердца, как и тогда, когда был жив написавший их поэт». Это слова Николая Тихонова.

Биография Рудаки полна загадок. Блистательный поэт при дворе Саманидов в Бухаре, богат, окружен восторженным поклонением, — и вдруг опала, жестокое наказание, изгнание...

Так создан мир, таков его круговорот, —
То в бездну сбросит нас, то в небо вознесет.

В какую же «бездну» забросила судьба поэта в конце его жизни? Где жил он после Бухары? Где похоронен? Спор об этом велся столетия. В его разрешении, в поисках останков «Адама поэтов» со свойственной ему страстью участвовал Герасимов. Антрополог обратился к поэзии Рудаки, перечитывал, анализировал стихотворные образы — искал в его произведениях реальные биографические черты. Ученый пришел к убеждению: Рудаки насильно ослепили, он одновременно утратил все зубы, значит, его скелет должен нести следы

прижизненных изменений, особенно связанных со слепотой.

Место поисков предложил писатель Садриддин Айни. В 1956 году у горного кишлака Панджруд (в переводе с таджикского «пять рек») экспедиция раскопала небольшую площадку, напоминавшую остатки мазара — небольшого сооружения из сырцового саманного кирпича. Место это почиталось много веков, людская молва связывала его с погребением Рудаки. Действительно, на площадке оказалось древнее захоронение. Исследование скелета погребенного здесь человека показало, что дожил он до 73—75 лет, но гораздо раньше потерял, причем одновременно, все зубы. Человек перенес жестокие побои — ему сломали три ребра, поясничный позвонок. Антрополог уверенно доказал факт ослепления (глаза прижгли раскаленным стержнем железа), последующие компенсаторные изменения, прослеженные на скелете и черепе. Совокупность признаков свидетельствовала в пользу того, что здесь погребен великий Рудаки.

Историкам неизвестно, что вызвало такую жестокую кару. Нужно принять во внимание философское вольнодумство поэта, воспеваемый им культ разума, утверждение гуманизма, пронизывающего все творческое наследие Рудаки. Вряд ли они пришлись по сердцу духовным владыкам Бухары. Как предположили исследователи, немалую роль в падении и наказании Рудаки сыграло его сочувствие еретическому, так называемому карматскому движению, проповедовавшему имущественное равенство. Ослепленный, обезображенный, поэт вернулся в родной кишлак, наступило для него время «посоха и сумы».

Известен ли облик поэта? Увы, время не сохранило никаких его изображений. На помощь пришло искусство Герасимова, который с научной достоверностью воспроизвел черты лица великого поэта X века.

«Лицо эллипсоидное, — описывал ученый его антропологические признаки, — широкое, хорошо профилированное. Пышный, красивый рот. Лицо, шея и торс с четко обрисованными мускулами, свидетельствующими о большой физической силе и тренированности организма. Этот человек не был высок, но столь пропорционально сложен, что производил впечатление человека высокого. Особую подвижность кисти следует рассматривать как профессиональное изменение руки музыканта».

Вдохновенный «устод» — народный поэт, певец, музыкант — таким запоминается Абуабдулло Джафар Мухаммад, или Рудаки, таким знают его во всем мире.

ПОДЛИННЫЙ ШИЛЛЕР

Фридрих Шиллер. Мятежный бунтарь и восторженный романтик, гениальный драматург и великий гуманист, он дорог всему человечеству. Конвент революционной Франции присвоил ему, «другу свободы», звание «почетного гражданина Французской республики». «Благородным адвокатом человечества» назвал его В. Г. Белинский. Жизнь поэта оборвалась в 1805 году, в расцвете творческих сил, когда было ему 46 лет.

Судьба останков Шиллера оказалась печальной. Его похоронили в общем склепе на кладбище Веймара. И когда через 21 год попробовали отыскать погребение, оказалось, что захоронения в склепе разрушены. Тем не менее среди семи десятков черепов по ряду признаков был опознан череп Шиллера. Прошло полвека. И вдруг в 1883 году известный анатом Велькер после тщательных исследований заявил, что произошла ошибка.

Ученые вновь провели раскопки на месте уже совершенно разрушенного склепа и нашли там еще один череп, по размерам близкий к посмертной терракотовой маске Шиллера. Острейшую дискуссию вели несколько поколений анатомов, а вопрос все оставался спорным. Академия наук ГДР предложила Герасимову заняться «загадкой Шиллера».

«Поздним сентябрьским вечером 1961 года вместе с группой немецких ученых я пришел на старое кладбище, — рассказывал Михаил Михайлович. — Войдя в сравнительно большое каменное здание, мы спустились по винтовой лестнице в подземелье. Сводчатый потолок подпирали четыре колонны. При свете канделябра на саркофагах красного дерева сверкнули два великих имени: Шиллер и Гёте». Герасимов тщательно обследовал оба черепа, приписываемых Шиллеру. Первые графические реконструкции он сделал тут же, на глазах у авторитетной комиссии. Одно из восстановленных лиц — короткий нос, резко выступающий пухлый (женский) рот — явно не имело отношения к Шиллеру. Зато вторая реконструкция взволновала шиллероведов: они увидели тонкий, вдохновенный, столь знакомый облик. Это действительно он! Так разрешился долгий спор.

ВЕНЕРА ДОЛЬНИХ ВЕСТОНИЦ

Миловидное женское лицо, вполне современная прическа — ни намека на традиционную в нашем представлении первобытную дикость. Между тем эта женщина, по точным данным радиокарбонного анализа, пришла к нам из 27-го тысячелетия до нашей эры. На выставке — портрет «кроманьонки», представительницы современного типа человека со всеми антропологическими признаками Homo sapiens: у нее высокий свод черепа, отсутствует надглазничный валик, четко выражен подбородок.

Погребение, послужившее основой для реконструкции, обнаружил чехословацкий археолог Болеслав Клима при раскопках стоянки верхнего палеолита в Дольних Вестоницах, в Моравии. Обряд захоронения наглядно характеризовал первобытные верования, связанные с погребальным культом, представлениями о переходящей в иной мир душе умершего. Скелет был скорчен: возвращения мертвых боялись, потому труп связывали, придавая ему такую позу. Покойного густо обсыпали охрой — красный цвет символизировал жизнь, магическую замену крови. Тело женщины оказалось покрытым двумя лопатками крупного мамонта — чтобы ей не «подняться».

На стоянке изучены жилища охотников на мамонтов. Именно охота на них составляла основу жизни людей. Гигантских животных подгоняли к обрыву, откуда они падали, расшибались и становились добычей племени. Огромное количество костей мамонтов встречено в слое поселения.

При раскопках стоянки Дольние Вестоницы наряду с многочисленными каменными орудиями найдена древнейшая в мире керамика (терракота — глина, подвергшаяся специальному обжигу) — фигурки животных и людей. Выразительны женские скульптуры, вырезанные из мергеля и мамонтовых клыков, так называемые палеолитические Венеры. Первобытное человеческое стадо сменила материнская родовая община, и изображение женщины стало олицетворением земли. Статуэтка символизировала хранительницу рода — мать-прародительницу. Интересно, что основанием для фасона прически женщины из Дольних Вестониц, воссозданной Герасимовым, послужила одна из найденных здесь керамических женских головок: скульптор разглядел у нее завязанные характерным узлом волосы.

Антропологический интерес реконструированного портрета значителен. Герасимов, разделявший распространенную в науке точку зрения о несхожести рас верхнего палеолита и современных людей, все же считал возможным рассматривать женщину из Дольних Вестониц, жившую в отдаленнейшие времена у глетчеров приледниковой Европы, уже как представительницу европеоидного расового ствола.

Портрет палеолитической женщины стал последней работой ученого...

Венера Дольних Вестониц.

«Я ищу лица», — говорил о деле своей жизни Герасимов. И он искал, находил, воссоздал в скульптуре свыше 200 лиц — целую галерею человеческой истории. В творческом наследии ученого — фундаментальные монографии, статьи, документальные кинофильмы. В них — программа для его учеников и последователей, работающих в созданной им лаборатории пластической реконструкции при Институте этнографии АН СССР, в научных учреждениях Ленинграда, Еревана, Алма-Аты, Вильнюса. Метод Герасимова вошел в арсенал современной науки, воспринят за рубежом — в ГДР, Польше, Румынии и других странах.

Работы М. М. Герасимова, сплав науки и искусства, по-прежнему вызывают большой интерес во всем мире.

«Божественные растения»: правда и вымысел

ПЕЙОТА

М. КАСПЕРАВИЧЮС

В сочинениях испанских и португальских монахов сохранились многочисленные описания индейских племен, живших в средние века на территории современной Мексики. Христианские миссионеры не смогли пройти мимо одного весьма для них загадочного обычая — почитания небольшого кактуса-лофофоры, который местные жители называли пейотой. Это растение, по мнению индейцев, было воплощением доброго и могущественного божества. Они ему поклонялись, преподносили подарки, в его честь справляли красочные праздники.

Наркотические свойства пейоты отметил испанский монах Бернардино де Сагун. В 1560 году он писал: «Те, которые его едят или пьют, имеют страшные и смешные видения; опьянение продолжается два или три дня, потом проходит». Действительно, химический анализ позволил установить, что в пейоте содержится 14 алкалоидов *, одни из которых действуют возбуждающе, другие — успокаивающе.

Пейота — небольшой, похожий на репу кактус. Выступающая над землей его часть окрашена в нежно-голубой цвет. Цветок белый с розовым оттенком, плод розовато-красный. Вместо привычных колючек у пейоты клочки шерстистых, похожих на бородавки образований.

Это растение обожествляли многие индейские племена, проживавшие на территории Мексики. Именно оттуда его культ получил распространение у жителей Центральной и Северной Америки.

Корни культа уходят в глубокую древность. Еще в доиспанской Мексике на площадках для ритуальной игры в мяч разбрасывали куски пейоты. Участники культовых состязаний в беге пытались заручиться защитой божества и благополучно достигнуть финиша, имея при себе волшебную пейоту.

Кусочки кактуса индейцы вешали над дверьми и окнами своих жилищ для защиты от злых духов. Отголоски этого обычая продолжают существовать и в наши дни. Многие североамериканские индейцы хранят пейоту дома и стараются иметь при себе высушенный кусок этого кактуса.

Алкалоиды, содержащиеся в мякоти пейоты, вызывают ощущение радости, приподнятости, бодрости. В отличие от алкогольного опьянения, это состояние сопровождается красочными зрительными и звуковыми галлюцинациями. Именно поэтому многие индейцы довольно часто употребляют пейоту. Существовали даже тайные союзы «пейотистов», объединявшихся по «тематике» галлюцинаций. Суеверные индейцы не могли объяснить природу галлюцинаций иначе как общением с потусторонним миром духов.

Вера в то, что пейота наделена сверхъестественной силой, подкреплялась убеждением, что могущественный кактус-бог покровительствует любому индейцу, помогает человеку независимо от того, где он живет и к какому племени принадлежит. Как символ доброго божества растение пользовалось уважением не только у жителей далеких индейских деревень. Оно покорило воображение живущих в Мексике католиков, которые, вопреки запретам христианской церкви, нередко использовали пейоту как амулет.

Культ пейоты, основанный на вере в его сверхъестественные свойства, имел и мифологические истоки. Существовало много обрядов, связанных с этим культом. В пантеоне индейского племени гиколей из 47 главных божеств трое играли особенно важную роль в культе пейоты.

Главный из этих трех богов — бог огня Татевали считался прародителем всего сущего и покровителем жизни. После него следовал второй бог огня — сын Татевали, он был старше его. Это противоречие сами индейцы объясняли следующим образом. Если отец — огонь, то сын — порожденная им искра. Но огонь возникает из искры. Поэтому сын может быть одновременно и старше и моложе своего родителя. Третье божество властвует над ветром и воздухом. Из его рук и ног прорастает пейота, поэтому оно является покровителем и кактуса и оленя. Почему оленя? В старинном мифе говорилось, что пейота впервые явилась на землю в образе огромного оленя и теперь растет только в тех местах, где ступали его копыта.

Обрядовая сторона пейотизма складывалась из похода в поисках священного кактуса, ритуальной охоты на оленя и непосредственно праздничной части. Дорога к месту сбора кактуса длилась более 40 дней и требовала немалых нравственных и физических сил. Экспедиции сопутствовали магические ритуалы. Во время похода его участники постились, не имели права купаться и соблюдали ряд других запретов. Перед выходом они получали новые имена.

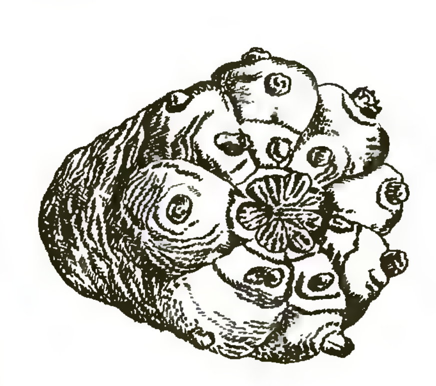
Добравшись до места, где росла пейота, вся группа выстраивалась в шеренгу, держа наготове луки и стрелы для театрализованного обряда символической охоты на пейоту-оленя.

* Алкалоиды — химические вещества на азотной основе — яды и лекарства, некоторые из них наркотики.

Ритуальная пляска индейца, опьяненного пейотой.

Так выглядит кактус пейота.

Только на следующий день начинался непосредственный сбор пейоты. Три дня индейцы срезали макушки кактусов и укладывали их в глиняные горшки. Заполнив всю посуду, экспедиция отправлялась в обратный путь.

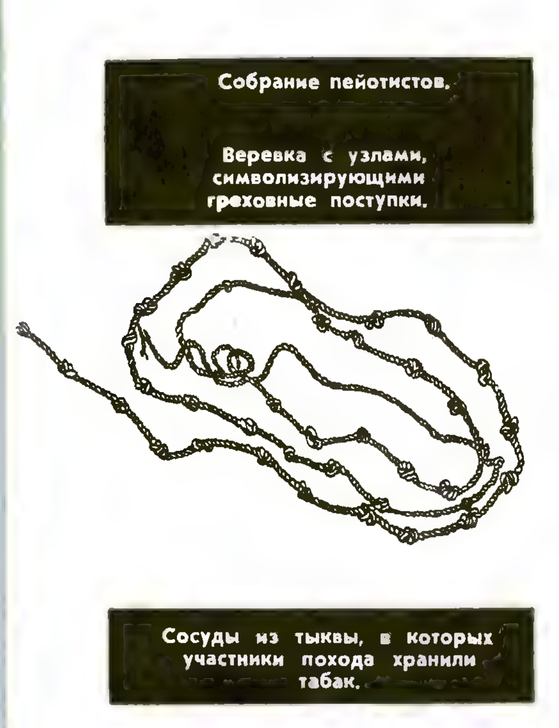
Перед самым селением участники похода за пейотой устраивали настоящую охоту на оленей, длившуюся иногда несколько дней. Она имела хозяйственное и магическое значение. Удачная охота не только обеспечивала племя мясом, но и, по представлениям индейцев, вызывала частые и обильные дожди.

Наполнив закрома кактусом и мясом, племя приступало к подготовке весеннего праздника пейоты, который обычно продолжался три дня. Начинался он обрядовым купанием, после которого участники недавнего похода торжественным шествием проходили вокруг племенного святилища, куда собирались все жители села. Сидя у костра, они слушали длинный рассказ — отчет о приключениях минувшего путешествия. Так продолжалось до поздней ночи с редкими перерывами для исполнения религиозных песен.

Собрание пейотистов.

Веревка с узлами, символизирующими греховные поступки.

Сосуды из тыквы, в которых участники похода хранили табак.

После завоевания Мексики испанцами страна довольно быстро была обращена в христианство. Однако новая религия одержала весьма поверхностную победу над древними верованиями. Францисканский монах Херонимо де Мендиета справедливо отмечал в конце XVI века, что индейцы все еще далеки от искреннего почитания Христа. Правда, они хранили его изображения среди своих идолов, но под христианскими крестами закапывали древние изображения своих божеств и, поклоняясь кресту, в действительности молились своим племенным богам. При этом некоторые коренные индейские божества вошли в христианский пантеон. Уже в XVII веке в христианской литургии наблюдаются признаки почитания пейоты, а в обрядах пейотистов — явное влияние новой идеологии.

Культ пейоты привлекал индейцев простотой и красочностью ритуала. Благодаря своей популярности среди широких масс, он вскоре стал реальным соперником христианства. Инквизиция со свойственной ей энергией и жестокостью приступила к борьбе с пейотизмом. Индейцам, которых в 1537 году папский указ признал «одухотворенными существами», строжайшим образом воспрещалось участвовать в пейотических собраниях, а употребление этого растения признавалось смертным грехом, связью с дьяволом. Католическим священникам предписывалось совершать христианские таинства только в том случае, если они будут уверены, что индеец не принимает пейоту.

Однако культ «волшебного» кактуса продолжал существовать. Оставаясь долгое время на неофициальном положении, он сумел приспособиться к новым условиям. Испытав влияние религии пришельцев, пейотизм несколько изменил свой облик, и его обряды во многом стали напоминать христианское богослужение. В современном пейотизме функции храма исполняет переносной шатер, так называемый типи, который от рядовых индейских жилищ отличается только большими размерами. В его западной части находится насыпанный из земли алтарь. Вдоль стен для «прихожан» сделаны сиденья, отгороженные от центральной части храма толстым канатом.

Собрание пейотистов начинается в субботний вечер. Вначале избирается хранитель огня, который зажигает костер в центре храма. После этого все собравшиеся цепочкой входят в храм. При входе мужчины снимают шляпы.

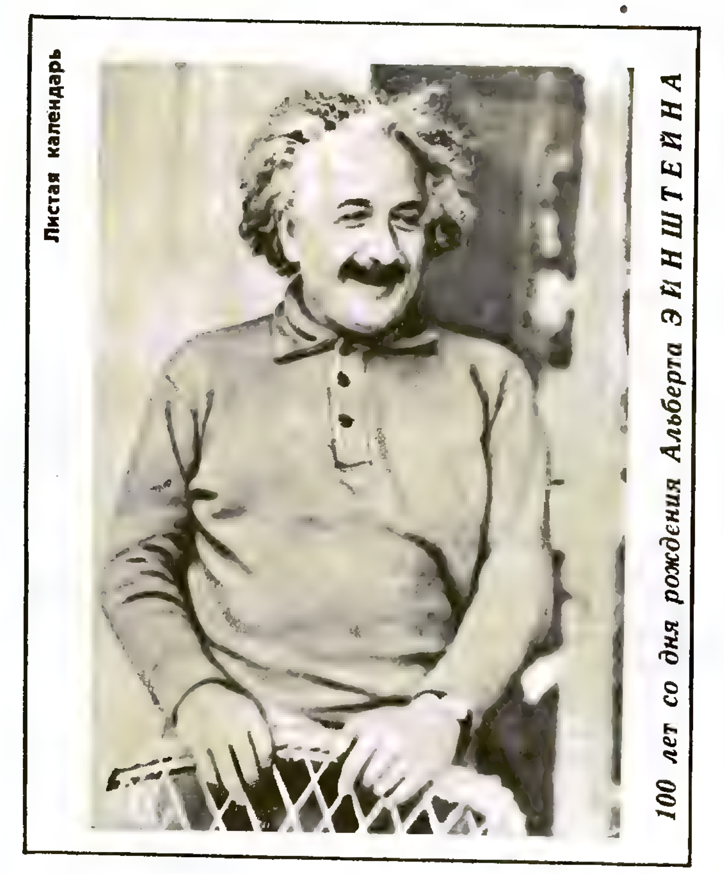
В храме все рассаживаются вдоль стен, жрец вместе с помощником занимает место около алтаря. В торжественном молчании жрец вынимает из мешка пейоту и располагает ее в центре алтаря. Рядом он втыкает в землю красное перо и проводит неглубокий желобок-дорогу, по которой мысли и просьбы людей направляются к пейоте, а в обратном направлении к ним — видения.

Наступает момент, когда все присутствующие после короткого покаяния в совершенных грехах получают дольки кактуса. Таинственность и торжественность церемонии подчеркивается ритмичной барабанной дробью, пением культовых песен. Вскоре начинается «обряд воды», напоминающий участникам мистерии о таинстве постоянного обновления природы. Одна из прихожанок вносит ведро воды, ставит его в центре святилища и, сделав несколько глотков, передает ведро другим. По окончании обряда воды все снова вкушают пейоту. В наркотическом состоянии они остаются до утра.

Современные пейотисты, в 1918 году организовавшие Американскую туземную церковь, не проводят четкой грани между христианством и верой в могущественного прародителя огня. Они признают «святую троицу», в которой Христос считается основателем пейотизма. Строго придерживаются собственных этических норм, записанных в сборнике правил «Дорога пейоты». Нормы эти просты и общечеловечны: любить всех людей, заботиться о семье, в жизни полагаться только на свои силы, избегать употребления спиртных напитков и т. д.

Культ кактуса-пейоты — отголосок древнейших верований и связанных с ним обычаев — представляет значительный интерес для современного религиоведения.

Ленинград

ФОРМУЛА НЕВЕРИЯ

Л. ДРУЯНОВ,
кандидат философских наук

Мир отмечает 100-летие со дня рождения одного из великих преобразователей естествознания, как назвал Альберта Эйнштейна В. И. Ленин. С именем этого ученого связаны ведущие исследования и открытия в современной теоретической физике — теория относительности, квантовая теория света. Их разработка вызвала коренные, революционные изменения прежних физических представлений, с ними связано возникновение новой научной картины Мира.

В 1905 году эксперт Швейцарского патентного бюро Альберт Эйнштейн выступил со статьей «К электродинамике движущихся тел», где дал свое истолкование ряду противоречивых проблем из области света и движения. Физические идеи, сформулированные в этой работе, назвали впоследствии специальной теорией относительности. Через 11 лет, в 1916 году, ученый опубликовал теорию, получившую название общей теории относительности. Обобщая уже высказанные физические идеи, она включала специальную теорию как частный случай.

Начавшееся еще в конце прошлого века развитие электродинамики привело к изучению процессов движения электронов. Они распространяются со скоростями, близкими к скорости света, и поэтому законы их движения вначале были непонятны ученым, объяснявшим мир с точки зрения традиционных ньютоновских понятий абсолютного пространства, времени, массы, инерции, силы.

Основываясь на глубоком теоретическом анализе результатов экспериментов, Эйнштейн обратился к кардинально иным, казавшимся тогда многим просто фантастическим, непонятным и невероятным понятиям и идеям в области пространства и времени. Он открыл совершенно неизвестные их свойства, их тесную взаимную связь и взаимодействие как единой формы существования материи. Созданная им частная и общая теория относительности стала базой для изучения глубинных, ранее непостижимых природных процессов, в которых участвуют сильные поля тяготения.

Это была настоящая революция в естествознании. Методологические принципы разработки Эйнштейном физических идей оказали решающее влияние на весь стиль научного мышления эпохи. С его трудами тесно связано все развитие современной физики, космологии и космогонии, математики и механики.

Эйнштейн-ученый был материалистом. Предметом исследования и познания он признавал лишь материальный мир, существующий объективно, независимо от нашего сознания. «Уверенность в существовании внешнего мира, независимо от познающего объекта, лежит в основе всего учения о природе», — писал ученый в одной из статей.

Выводя физические законы взаимодействия пространства и времени из законов движения материи на новом уровне их познания, теория относительности Эйнштейна углубляла представление о неразрывности движения и форм существования материи и открывала новые возможности проникновения в закономерности ее глубинного строения и научно обоснованных суждений о развитии Вселенной.

Истинность открытых Эйнштейном законов многократно подтверждалась экспериментально. Так, 29 мая 1919 года специальная экспедиция во время солнечного затмения исследовала отклонение светового луча в поле тяготения Солнца. Это позволило убедиться в реальности закона, сформулированного Эйнштейном. Его общая теория относительности дала возможность объяснить результаты астрономических наблюдений, которые до этого вызывали недоумение ученых. Так, выяснились наконец особенности движения Меркурия, до того явно противоречившие Ньютонову закону тяготения. Согласно теории Эйнштейна, небесные пути этой планеты должны были отклоняться, и вычисленная учеными величина отклонения соответствовала истинному повороту орбиты Меркурия.

Законами теории относительности можно объяснить и знаменитый эффект красного смещения, вызвавший столько толков и предположений. Осмысление этого явления (когда спектральные линии от космических источников света оказываются смещенными в сторону более длинных волн — к красному концу спектра) дает возможность судить об эволюционном развитии Вселенной, ее возрасте, изменении состояния, то есть о необычайно сложных и важных коренных проблемах мироздания.

Не перечислить всего, что дал теории и практике человечества научный вклад великого ученого в познание Мира. Но не этому главным образом посвящена публикуемая ниже статья Л. Друянова. Она рассказывает о философских взглядах ученого, об особенностях формирования его мировоззрения, в частности о его взаимоотношениях с религией.

Защитники религии нередко утверждают, что Эйнштейн был верующим. Так ли это? В официальных анкетах, которые ему довелось заполнять, он прямо называл себя «неверующим» или «порвавшим с религией». Человек гуманный, прогрессивный, он не преминул выступить в защиту науки, когда ее обвиняли в подрыве моральных устоев общества и противопоставляли благотворному очищающему действию религиозной веры.

«Никакой религиозной основы для этого (этического поведения человека. — Ред.) не требуется. Было бы очень скверно для людей, если бы их можно было удерживать лишь силой страха и кары и надеждой на воздаяние по заслугам после смерти». — писал ученый. И еще одно характерное высказывание Эйнштейна, взятое из его «Автобиографических записок»: «Где-то там был этот огромный мир, существующий независимо от нас, людей, и стоящий перед нами как огромная вечная загадка, доступная, однако, по крайней мере частично, нашему восприятию и нашему разуму. Изучение этого мира манило как освобождение...»

РЕЛИГИОЗНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ переживает глубокий кризис. Пытаясь задержать этот неизбежный процесс, защитники религии активно обращаются к пропаганде идеи союза веры с естествознанием и в качестве доказательства жизнеспособности этого союза ссылаются на верующих ученых. Автор книги «Правы ли отрицатели религии?» (она вышла в Нью-Йорке в 1966 г.) Андрей Беломорский, «увидевший», что «современное развитие науки повлекло за собой массовый отход ученых от материализма», пишет: «Современные великие ученые в большинстве своем веруют в бога... Из этого видно, что утверждение антирелигиозной пропаганды о несовместимости веры в бога с ученостью совершенно несостоятельно». Другой религиозный автор, иеромонах Р. Куртуа, в книге «Что говорят о боге современные ученые», изданной несколькими годами раньше в Брюсселе, тенденциозно подобрав высказывания, приходит к выводу, что они «с полным спокойствием опровергают ходячее утверждение: «христианство противостоит науке».

Опровергают ли? Чаще всего происходит так: стремясь подкрепить авторитет веры, церковники обращаются к философски неточным высказываниям ученых, искусно используют неудачную или устаревшую терминологию, видя в том «доказательства» религиозности естествоиспытателей. Так обстояло, например, с попытками нарочито религиозного истолкования высказываний знаменитого английского натуралиста Ч. Дарвина и немецкого физика М. Планка.

Представители теологической мысли стремятся приобщить к религии и Альберта Эйнштейна. Его тоже объявляют приверженцем религиозной веры, хотя в действительности великий ученый никогда им не был. Чтобы убедиться в этом, достаточно непредвзято проанализировать его мировоззренческие взгляды.

Родители Альберта Эйнштейна не были верующими и дали сыну безрелигиозное воспитание. С религией он столкнулся в школе. Вспоминая об этих годах в «Автобиографии» [1], ученый писал, что в то время он пришел к глубокой рели-

[1] См.: А. Эйнштейн. Творческая автобиография. В кн.: «Эйнштейн и современная физика». М., 1956, стр. 28.

гиозности, ибо религия насаждается всем детям традиционной машиной воспитания. Тем не менее юный Эйнштейн не стал религиозным человеком, сумел противостоять этой «машине». По его признанию, одним из источников атеистических воззрений стали для него научно-популярные книги.

«Чтение научно-популярных книжек привело меня вскоре к убеждению, что в библейских рассказах многое не может быть верным. Следствием этого было прямо-таки фанатическое свободомыслие, соединенное с выводами, что молодежь умышленно обманывается государством; это был потрясающий вывод. Такие переживания породили недоверие ко всякого рода авторитетам и скептическое отношение к верованиям и убеждениям, жившим в окружавшей меня тогда социальной среде. Этот скептицизм никогда меня уже не оставлял» [2].

Мировоззрение творца ряда фундаментальных физических законов отличается сложностью и противоречивостью. Физик-теоретик, он наряду с естественными науками живо интересовался и проблемами философии, в частности тем кругом вопросов, которые исследовались в сочинениях Декарта, Спинозы, Канта и других мыслителей. Однако философские идеи Маркса и Энгельса, которые в ту пору уже завоевали сознание широких масс, остались Эйнштейну, как и ряду ученых того времени, неизвестными.

Наибольшее влияние на него оказали труды Бенедикта Спинозы (1632—1677 гг.), особенно его знаменитая «Этика», в которой наиболее последовательно были сформулированы взгляды этого материалиста и атеиста.

Известно, что Спиноза вынужден был маскировать свои материалистические убеждения и безбожие религиозной терминологией. Природу, материю как единственную основу всего существующего (субстанцию) философ называл богом. Атеизм у него выступал еще в теологическом наряде.

Увлекаясь философскими идеями Спинозы, Эйнштейн не сумел преодолеть их исторической ограниченности. И это весьма сильно сказалось на непоследовательности его собственных философских взглядов, даже на выборе терминологии для их обоснования. Так, он называл свое мировоззрение «религией», а природу, материальную Вселенную — «богом», хотя и «религия» и «бог» Эйнштейна ничего общего с этими понятиями в их традиционном, религиозном смысле не имели. Как и для Спинозы, для Эйнштейна бог был, по сути, названием природы, существующей и развивающейся на основе присущих ей естественных законов.

Разъясняя сущность своего мировоззрения, сам ученый писал по этому поводу: «Связанное с глубоким чувством убеждение о высшем разуме, который обнаруживает себя в чувственно воспринимаемом мире, образует мое понятие бога; его можно, стало быть, пользуясь обычной формой выражения, обозначить как «пантеистское» [3]. При этом он подчеркивал, что вероисповедные традиции рассматривает лишь как исторический и психологический пережиток.

Когда в середине 30-х годов ученый выступил со своей концепцией «космической религии», она вновь напомнила о Спинозе. «Моя религия, — писал Эйнштейн, — состоит в чувстве скромного восхищения перед безграничной разумностью, проявляющей себя в мельчайших деталях той картины мира, которую мы способны лишь частично охватить и познать нашим умом... Эта глубокая эмоциональная уверенность в высшей логической стройности устройства вселенной... и есть моя идея бога...» [4]

Свою «религиозную» концепцию он разъяснял следующим образом: «Знать, что на свете есть вещи, непосредственно недоступные для нас, но которые реально существуют, которые познаются нами и скрывают в себе высшую мудрость и высшую красоту... знать и чувствовать это — есть источник истинной религиозности. В этом смысле, и только в этом смысле, я принадлежу к религиозным людям» [5].

В ноябре 1930 года на вопрос журналиста из газеты «Нью-Йорк таймс» об его отношении к богу ученый ответил: «Я не верю в бога, который награждает и карает, бога, цели которого слеплены с наших человеческих целей. Я не верю также в бессмертие души после смерти, хотя слабые умы... находят себе пристанище в такой вере...» [6] Биографы ученого рассказывают, что нью-йоркский раввин Герберт С. Гольдштейн, недовольный таким ответом, прислал Эйнштейну телеграмму: «Верите ли вы в бога? Ответ в пятьдесят слов оплачен». Вот каким был ответ: «Я верю в бога Спинозы, проявляющегося в гармонии всего сущего, но не в бога, занимающегося судьбами и поступками людей» [7].

Итак, Эйнштейн решительно отвергал безнравственную, по его убеждению, веру в «личного бога». Тогда какая же это религия — без веры в бога, в «откровение», в бессмертие души, в чудеса? Даже сами теологи признают, что без всего этого нет религии, как нет алхимии без философского камня.

Возьмем, к примеру, крылатый афоризм Эйнштейна: «Господь коварен, но не злонамерен», — который встречается у него в переписке с датским физиком Нильсом Бором. С помощью этих слов Эйнштейн подчеркивал, что остается на позициях однозначного (динамического) детерминизма классической физики и не принимает вероятностного истолкования квантовой механики. Смысл афоризма разъясняет американский ученый Норберт Винер в своей широко известной книге «Кибернетика и общество». Слово «бог», пишет Винер, употреблено для обозначения тех сил природы, которым приписываются свойства, характерные не столько для бога, сколько для его смиренного слуги — дьявола... Эйнштейн хочет сказать, что силы природы не обманывают нас, что ученый, который в исследуемой им природе ищет некую, стремящуюся его запутать силу, напрасно теряет время... Природа сложна, и эта сложность создает трудности для тех, кто стремится раскрыть ее тайны. Но над природой не стоит кто-то, кто коварно изобретает все новые хитроумные приемы, чтобы затруднить познание человеком внешнего мира...

Природа сложна, но она познаваема — вот что хотел сказать создатель теории относительности. В шутливой его аллегории нет и намека на сверхъестественное. Сам Эйнштейн называл себя пантеистом, а пантеизм, как остроумно выразился Вольтер, есть вежливая форма атеизма.

Естественно, что такого типа атеизм не соответствует XX веку, когда человечество выработало последовательно научное мировоззрение, опирающееся на новый уровень научных знаний,— диалектический материализм и соответствующую ему форму научного, современного атеизма.

Однако и то, что «религиозные» взгляды Эйнштейна не имеют отношения к религии, не раз вынуждены были признавать ее защитники. В конце 1940 года ученый излагал смысл своей «космической религии» на конференции в Нью-Йорке, посвященной вопросу «примирения» науки с религией. Участники этой конференции встретили заявление более чем сдержанно: концепцию «космической религии» с полным основанием назвали атеистической, не отвечающей теме и задаче конференции.

Ученый сам неоднократно выступал против попыток сближения его воззрений с религией. Так, в письме к другу Морису Соловину 1 января 1951 года он писал: «Ваша антипатия по отношению к употреблению слова «религия» там, где речь идет об эмоциональном душевном настроении, получившем наиболее четкое выражение у Спинозы, я вполне могу понять. Но я не имею лучшего выражения, чем выражение «религиозный», для такого доверия к разумной и хотя бы в какой-то степени доступной человеческому пониманию организации действительности. Там, где такое чувство отсутствует, наука вырождается в бездушный эмпиризм. Мне наплевать на то, что попы на этом наживают капитал. Здесь уже все равно ничего не поделаешь».

Точно так же отвергает Эйнштейн и всякую попытку истолковать в религиозном смысле свое высказывание относительно того, что познаваемость материального мира является для нас, как он выражается, «вечной тайной». «Это я должен недвусмысленно добавить, чтобы вы не подумали, что я — расслабленный возрастом — сделался добычей попов», — заключает он в письме к Соловину 30 марта 1952 года.

Как видим, порвав еще в юности с традиционной верой в бога, Эйнштейн до последних дней оставался, по сути, неверующим человеком. То, что он именовал «религией», даже с натяжкой не может быть к ней отнесено. «Незадолго до смерти, — пишет биограф ученого Ф. Гернек, — Эйнштейн назвал себя в одном из писем «глубоко религиозным неверующим». Пожалуй, это самая краткая и четкая формула, которой можно описать пантеистическое безбожие великого естествоиспытателя» [8].

---

[2] А. Эйнштейн. Собр. научных трудов в 4 томах, т. IV. М., 1967, стр. 259—260.
[3] См.: К. Зелиг. Альберт Эйнштейн. М., 1964, стр 42.
[4] См.: В. Львов. Жизнь Альберта Эйнштейна. М., 1959, стр. 234.
[5] См.: там же, стр. 234—235.
[6] См.: там же.
[7] См.: Ф. Гернек. Альберт Эйнштейн. М., 1966, стр. 43.
[8] Там же, стр. 43—44.

Дандапани
ДЖЕЯКАНТАН

Рассказ

Дандапани Джеякантан — известный современный индийский писатель, автор многих сборников рассказов, повестей и романов. Рассказы Джеякантана неоднократно переводились на русский язык, в нашем журнале в 1968 году был опубликован его рассказ «Спор».

АВТОБУС натужно ревел двигателем. В четвертом ряду у окна сидел юноша, в третьем — уютно устроилась молоденькая послушница монастыря. Она не смела даже скосить глаза на юношу: это, считала она, было бы в высшей степени греховным и безнравственным деянием. Стараясь отвратить свою юную душу от мирских соблазнов и суеты, монахиня тем не менее жадно впитывала пробегающие мимо окон картины дорожной жизни.

Вон молодая крестьянка бережно прижимает к себе и кормит грудью ребенка. Заметив, что ее рассматривают, женщина улыбнулась и приветливо кивнула монахине.

«Он был зачат во чреве матери-девы, родился в образе человеческом и явился миру, неся всему роду людскому свет», — прошептала девушка. Фигура крестьянки, таявшая в лучах солнца, напомнила ей статую непорочной девы с младенцем. Непроизвольно взгляд монашки, словно завороженный, проследовал по рядам пассажиров и остановился на лице юноши. Он почувствовал это и пристально посмотрел на личико, выглядывавшее из монашеских одежд.

«А что, он симпатичный, — подумала она и, спохватившись, отвела взгляд. — Но красота не что иное, как греховность. Да, это искушение. Красота есть ложь, обман. Орудие дьявола. С его помощью нечистый пытается соблазнить христианскую душу, ввергнуть ее в преисподнюю. «Не возжелай плода запретного...» Адам и Ева, сотворенные всевышним, нарушили запрет божий и познали грех... И не только они. Весь род людской рожден во грехе и уже в силу первородного греха заслуживает проклятия. Да, люди рождаются вследствие греховных отношений. И я тоже, и все. Где бы это ни свершилось и кто бы это ни был. Будь то младенец, которому от роду всего три дня, как это было тогда, когда, осиротевшую, меня принесли в монастырь. Или наша настоятельница, или та промелькнувшая

Рисунок Е. Катышева

молодая крестьянка и ее ребенок. Да и тот вон парень, посматривающий в мою сторону... да, конечно, и он тоже — все были рождены, а значит, греховны».

Автобус тем временем катился дальше. Юная монашка снова и снова обводила взглядом пассажиров, невольно поглядывая на юношу, но тут же отводила глаза. Женщина, сидевшая напротив старой монахини, держала годовалого ребенка. Малыш сполз с материнских колен, добрался до монахини и вцепился в ее подол. С самого момента посадки в автобус, вот уже около двух часов она словно изучала распятие Христа на своем белом крестике.

Заметив малыша, монахиня подняла голову. Ребенок требовательно потянулся к крестику. Со словами «Благослови его, господи!» монахиня протянула ему крестик и, сложив руки, снова зашептала молитвы.

Малыш повернулся к юной монашке и, что-то лепеча, направился к ней. Она подхватила дитя и крепко прижала к себе его тельце. Нежная теплота разлилась в ее сердце. Ей стало трудно дышать, глаза заблестели.

— Катарина, который час? — словно издалека ворвался в ее сознание голос старой монахини. Катарина, увлекшись малышом, не сразу вникла в смысл слов.

— Катарина, слышишь? Катарина! Ты что, уснула? Оставь в покое ребенка. Я спрашиваю тебя: который час? — настойчиво твердила старуха.

— Который час? Да-да... Сейчас... Пять часов уже, — быстро ответила Катарина, опуская ребенка на пол и благословляя его. Хныча, малыш заковылял к матери.

Взгляд Катарины снова устремился на четвертый ряд. На сей раз она не отвела взор, встретившись с глазами юноши.

Тот улыбнулся, обнажив белоснежные зубы. Сияющий вид Катарины удивительным образом напоминал ему мадонну. Чистый и невинный лик говорил: «Все люди заслуживают внимания и милости».

«Интересно, — мелькнуло у нее,— что он думает обо мне?.. Как он смотрит на меня!»

Она смутилась, кровь прилила к лицу, ей стало стыдно. Усилием воли Катарина согнала с лица улыбку. Он тоже скромно отвел взор.

«Теперь он, наверное, улыбается про себя: «Вот глупая девчушка, сидит и глаз не смеет поднять, вся задавленная монастырским уставом».

Катарина повернулась в сторону Инвлады. Та сидела, отрешившись от мира, погрузившись в созерцание креста. Временами губы беззвучно шевелились.

Катарина мысленно сравнивала себя с нею. «...Я и она, как небо и земля...»

В свои 18 лет Катарина все чаще ловила себя на греховных мыслях. В такие минуты она твердо решала отправиться к духовному отцу для очищения души.

— Амма...

— Что, Катарина? — отозвалась Инвлада.

— Вы ходили к причастию?

— Да, дочь моя. Ведь мы все грешники, не так ли? Но если искренне открываем свою душу и сердце всевышнему, то он прощает нас, а грехи наши принимает на себя. Поэтому мы всегда до сна облегчаем душу перед святым ликом. И на нас нисходит благодать божья. Кроме того, мы признаемся во всех греховных деяниях и мыслях святому отцу, испрашиваем прощение, а он передает наши просьбы господу богу. И у меня бывали грехи, Катарина, — печально призналась она, вытирая влажные глаза.

Катарина была поражена. «Инвлада думает точно так, как я!» — мелькнула у нее мысль.

— Мне в ту пору было столько же лет, сколько тебе сейчас, — продолжала старая монахиня. — В золотых мечтах я видела себя одетой в наряды новобрачной, бредила замужеством. Боже мой, какие это были греховные помыслы! Помню, ночами я не могла сомкнуть глаз, и только бог видел, сколько тайных слез пролила я в ту пору. Стоило мне хотя бы на миг представить себя невестой, как упоение и восторг охватывали все мое существо. Даже теперь при одной мысли о сладостных мечтах я тяжко плачу. Подумать только: к лицу ли девственнице столь греховные мысли? Поэтому я сразу же иду к нашему отцу святому, молюсь и прошу прощения. А потом целый день истязаю плоть и даже каплей воды не утоляю жажды своего бренного тела, вымаливая прощение у всевышнего.

Старуха понизила голос и прерывающимся шепотом продолжала:

— В один из таких дней, помню, я была сама не своя. Ни за что, ни про что ударила я в классе одну девочку. Линейкой, прямо по лицу. У нее на щеке тут же вздулась полоса. Весь день после этого случая я страшно мучилась, долго молилась. Такие тяжкие минуты случались со мною несколько раз, — вздохнула Инвлада.

— Вот как! — воскликнула пораженная Катарина. — Неужели со всеми, кто грезит в помыслах так, как вы тогда, случается подобное? Поверить даже невозможно.

И тут же в сердце Катарины закралась мысль: «А может, все люди только скрывают свои дурные помыслы, тщательно прячут их?»

Словно отвечая на ее немой вопрос, Инвлада заговорила снова:

— Да, дьявол всегда искушает нас, нашептывая: «Скрой, спрячь подальше свои желания». Но нам следует отвращать слух свой от нашептываний нечистого. Ведь от бога ничего не скроешь. Он видит насквозь наши души.

— Да, от всевышнего ничего не скроешь! — Катарина согласно кивнула головой. Она достала книгу, открыла ее и попыталась углубиться в чтение. Но взгляд ее скользил туда, где в четвертом ряду сидел он... Юноша время от времени тоже посматривал в ее сторону.

«Хоть бы он поскорее вышел. Уж не дьявол ли это?.. И что он уставился? Да мне-то какое дело? Помоги, господи!»

Она порывисто приложила к губам крест, неистово зашептала молитву: «О вездесущий и всемогущий! Прости нам прегрешения наши и помыслы неподобающие. Аминь!»

Катарина облегченно вздохнула, открыла глаза и... снова встретилась со взглядом юноши.

«Почему человек не в силах устоять перед искушением? — мучительно размышляла она. — Как случилось, что бог изгнал из рая Адама и Еву за то, что они поддались нашептываниям змея-искусителя и нарушили запрет божий не касаться плода древа познания добра и зла? Почему всемогущий смог создать человека, но не в силах был уберечь его от грехопадения? Запретный плод сладок. Но почему сладкое должно быть греховным? Ведь миллионы людей вкушают сладкое. Так неужто все они окажутся в аду? И почему только одна я должна бояться грехопадения? Вон тот парень во все глаза смотрит на меня, а ведь это, говорят, грех. Но что здесь дурного? Трудно представить себе, что все люди, все женщины, подобные мне, — а я не хуже многих из них — греховны. Разве это так?»

Катарина перевела взгляд на молодых супругов, сидевших напротив нее во втором ряду. Юная женщина была беременна. То ли ее укачало, то ли от усталости она склонила голову на плечо мужа. Словно дьявол нашептывал Катарине мысли: «Разве есть разница между тобой и этой женщиной? Представь себе на минуту, что это ты так вот доверчиво склонилась на мужское плечо... Бог мой! — испугалась Катарина. — Спаси меня от этих мыслей... Прости меня, грешницу...»

Автобус въехал на людную площадь и остановился.

Катарина и Инвлада вышли последними. К ним подкатил возница.

— Вам в монастырь, амма? Садитесь, прошу вас.

Возле Катарины, словно посланец дьявола, появился тот же юноша. Она улыбнулась ему. Он ответил ей вежливой улыбкой. Заметив подходившую Инвладу, он сложил руки перед грудью и поздоровался.

— Да хранит вас бог! — благословила она его.

Монахини поднялись в экипаж. Он остался стоять и долго провожал их взглядом, пока они не скрылись из виду. Катарина неотрывно смотрела на него.

— Катарина, кто это был? — строго спросила Инвлада.

Девушка деланно засмеялась:

— Амма, я сама вначале не узнала его. Старший брат моей одноклассницы Изабеллы.

— Вот как!

«Бог мой, прости мои грешные помыслы! Сколько раз я согрешила за этот день», — думала Катарина, а перед ней неотступно стоял юноша, его улыбка, красивое лицо... Кто он? Посчастливится ли снова увидеть его? Но принесет ли это счастье? Ведь это будет новый грех. Наконец она пришла к выводу, что несправедливо считать грехом мимолетную встречу. Поняв это, девушка едва не заплакала. Вспомнив, что слезы — это тот же грех, сдержалась. Глубоко надвинув на глаза капюшон, она вся тряслась от беззвучных рыданий. Инвлада отрешенно шептала молитвы...

В ту ночь Катарина не могла уснуть. Вспоминая все детали поездки, она горячо молилась о спасении своей души. Но улыбка юноши, его лицо, взгляд тревожили, преследовали ее воображение. Наконец Катарина забылась неспокойным сном. Странные видения нахлынули на нее...

Она видит, как Инвлада водружает на свои плечи огромный крест, несет его. Где-то, в конце пути, вырисовываются смутные очертания какого-то гигантского строения, напоминающего монастырь. Монахиня согнулась под неимоверной тяжестью креста, крепко держит его руками и бредет с улыбкой на устах, шепча молитвы... Вот ударили колокола. Чистый свет полился с небес... Звуки колокола все громче, явственнее. Они требовательно зовут...

Катарина видит второй крест. Это ее ноша. С трудом поднимает его, но нет никакого желания нести. Крест давит, Катарина задыхается, но кто-то невидимый безжалостно хлещет ее кнутом. Гнев и боль душат Катарину, силы покидают. Крест вот-вот рухнет. «Катарина! Милая Катарина!» — вдруг доносится чей-то голос. Да ведь это он, тот самый юноша мчится к ней. В изнеможении роняет крест... и тут же устремляется навстречу. Катарина бессильно падает на его грудь, прячет лицо, рыдает. Он бережно берет ее лицо в свои ладони, целует дрожащие губы. «Разве это грех? Ну и пусть, я сама хочу стать грешницей!» — едва хотела произнести она, как вдруг с оглушительной силой ударили монастырские колокола...

Катарина пробудилась, с ужасом вспоминая свое грехопадение во сне. Склонив голову, она обратилась с молитвой к богу. Но теперь она не плакала. «Неужели у меня даже слезы истощились?»

В тот же день Катарина явилась к исповеднику. Робко, словно провинившийся ребенок, приближалась к нему...

— Падре...

— Да, дочь моя, я слушаю тебя.

— Падре... Я... Я великая грешница. Я впала в грех, падре! — прошептала, запинаясь, Катарина.

— Бог милостив, дочь моя. Он прощает грешниц. Разве ты не знаешь, что Иисус сказал: «Не праведников, а грешников пришел я спасти?» Если ты сама откроешь свои грехи, то тебе будет уготовано спасение.

Дрожащими губами, со слезами на глазах и сильно бьющимся сердцем девушка рассказывала исповеднику о своих переживаниях.

— Падре, я признаюсь в самом тяжком грехе. Такой грех не прощается, — продолжала Катарина. — О бог мой, дай мне силы... Мой грех в том, что я стала монахиней! — почти выкрикнула она, и слезы неудержимым потоком хлынули из ее глаз...

Перевел с тамильского
Виталий ФУРНИКА

ГРАЖДАНИН ГОРОДА СОЛНЦА

Сергей ЛЬВОВ

Рисунки Е. Соколова

Повесть о КАМПАНЕЛЛЕ

Однако уже первое знакомство с результатами допросов обнаружило весьма щекотливое обстоятельство. Некоторые заговорщики уверяли, что решились выступить против испанцев лишь потому, что папа обещал им свою святейшую поддержку. Конечно, трудно представить себе, чтобы папа, наместник Христа на земле, вел переговоры с фуорушити или даже со странствующими проповедниками из доминиканского и францисканского орденов. Но, с другой стороны, влияние папы в сложной борьбе властителей Италии ослабло. Папа может желать поражения испанцев на юге Италии. Всех поворотов большой политики в это сложное, чреватое неожиданностями время из калабрийской глуши, увы, не разглядеть. Впрочем, теперь можно надеяться, что Ксарава не долго будет пребывать в этой глуши. Если поведет следствие умело. И осторожно. Показания о поддержке папы могут быть величайшей ценностью. Но они могут быть и миной, которая не только взорвет процесс, но погубит тех, кто получил подобные показания. Ксарава привык быть охотником и не собирался стать дичью.

Второй щекотливый пункт: среди схваченных много монахов и священников. Они не подлежат юрисдикции светских властей. Об их злоумышлениях и преступлениях надлежит незамедлительно уведомить генералов доминиканского и францисканского орденов, инквизицию и самого папу. Папу? Вот где столкнулись оба щекотливых обстоятельства. Значит, придется сообщить папе, что клирики-заговорщики ссылались на обещанную им поддержку. Одно такое упоминание — и их предпишут передать в руки инквизиции. Главари — мозг и сердце заговора — уйдут от Ксаравы к инквизиторам. Процесс станет мелким, никому не интересным. Главный зачинщик — Кампанелла. Это Ксараве ясно. Он монах, но взят в одежде простолюдина. Ну что же! Сделаем вид, что не знаем о его сане, будем допрашивать его как мирянина, всячески оттягивая время, когда придется отдать его в руки церковных властей. А пока выпытаем из него все, что можно. Кампанелла не подозревал, с каким волнением вызывает его на допрос Ксарава. Прокурор накануне допроса не спал. Искренне страдал. От опасения, что ему придется уступить многообещающее дело. От страха, что, не уступив его, он ввяжется в конфликт с церковью. От тайны, обладание которой то делало его счастливым, то пугало, — показания, полученные против папы, кого хочешь заставят задуматься.

Когда Кампанеллу привели на допрос, он увидел перед собой сравнительно молодого, бледного, холеного, тонкогубого человека, нарядно одетого по испанской моде в бархат и кружева, со сверкающими перстнями на руках. Ксарава долго, внимательно вглядывался в коренастого, заросшего, одетого в рванье узника.

«И этого человека называют Мессией?» — искренне изумился Ксарава. И тут же вспомнил, как некогда другой чиновник, звавшийся не прокурором, а прокуратором, с не меньшим изумлением взирал на приведенного к нему бедняка, которого тоже называли Мессией. Нет, он не станет уподобляться Пилату, не спросит у стоящего перед ним: «Что есть истина?», не будет пускаться с ним в философские прения.

Зал, куда узника привели на допрос, помещался в верхнем этаже крепостной башни. Через узкие окна было видно море — бескрайняя темная синева. Кампанелла не мог оторвать взгляд от моря. Если спасение придет, оно придет отсюда. Морской ветер, проникавший сквозь башенные окна, нес запах надежды и свободы. Первый вопрос Ксаравы он, завороженный морем, почти прослушал.

Не задавая вопроса о заговоре, Ксарава сразу спросил о помощи, обещанной заговорщикам его святейшеством. «Будто бы обещанной», — осторожно сказал он.

Кампанелла почувствовал: именно это больше всего занимает Ксараву. Неясно лишь, чего больше желает прокурор — подтверждения или отрицания. Однако откуда столь странный слух? Переговоров с папой Кампанелла и его друзья не вели. Но ничто не мешает ему лукавить, отвечая испанской ищейке. Не ответив прямо, он дал понять Ксараве, что имеет все основания надеяться на самое могущественное заступничество, какое только можно себе вообразить. На прочие вопросы отозвался как человек, искренне недоумевающий, что его арестовали. Он не знает за собой никакой вины.

Ксарава привык допрашивать людей, которые неумело лгут, грубо льстят, трусливо лебезят, плачут, клянутся в своей невинности. И виноватые, и оговоренные, и подозреваемые, и уличенные — все казались прокурору утомительно одинаковыми. Ксарава легко угадывал, в какой час допроса его подопечные сломаются и перестанут запираться. Рутина допросов, однообразие уловок, к которым прибегают оказавшиеся в его власти, простота собственных приемов, неизменно достигающих цели, наскучили прокурору. Он всегда был невысокого мнения о людях. Прокурорская должность укрепила его презрение к ближним.

Но новый заключенный поразил его угрюмым спокойствием, чувством собственного достоинства, непонятно на что опирающейся внутренней силой. Казалось, он знает нечто неведомое тому, кто его допрашивает.

Ксараву неприятно поразило, что узник, отвечая на вопросы, глядит мимо него. За высокой спинкой прокурорского кресла стрельчатое окно, а сквозь него видно — море. К нему и был прикован взгляд Кампанеллы. Море помогало ему спокойно отвечать, когда он хотел ответить, и спокойно молчать, когда он отвечать не хотел. Ксарава прервал допрос, чувствуя, что не готов к его продолжению. Честолюбивый, способный, проницательный прокурор был недоволен собой. Настроение было испорчено надолго. Ужинал прокурор без удовольствия, размышляя о своей тяжелой профессии. И поделиться не с кем! Кто поймет его чувства?

Скоро Кампанеллу перевезли в другую тюрьму, подальше от берега. Из разговоров стражников Кампанелла уловил важнейшую весть: у побережья появились турецкие корабли. Решатся ли они атаковать испанцев, совершат ли нападение на берег?

Тюрьма, куда его доставили, тесна и переполнена. Кампанеллу поместили в общую камеру. Великая отрада встретить единомышленников, узнать от них, что происходит, услышать вести от тех, кто взят позже. Если бы только новости не были столь мрачны!

Кампанелла берег душевные силы. Они действительно скоро ему понадобились. Ксарава допрашивал других заговорщиков. Ночью вопли истязуемых, приглушенные отдалением и каменной толщей стен, были слышны в камерах, замерших от ужаса, сострадания и напряжения. Кто следующий?

Продолжение. Начало см. в № 1 и 2.

Мучают людей, которые последовали его призывам! Имел ли он право подвергать людей такому? Не был ли он обязан рассказать им, что ждет каждого в случае поражения? Зачем? Чтобы поколебать их решимость? Нет, чтобы проверить ее. Но многие ли выдержали бы всю правду, по силам ли было им вообразить, что чувствуешь, когда к тебе, связанному, обнаженному, беззащитному, подходят палачи. И некуда бежать. И некого звать на помощь. Нет, безумие запугивать тех, кого хочешь сделать своими последователями. В одиночку он бессилен. А с того мига, как он нашел помощников и союзников, он сделал шаг, который может отдать их всех в руки палачей.

Спустя несколько дней Кампанелла перенес новое, жестокое потрясение. В крепость доставили его отца и брата, и сколько они ни станут уверять и божиться, что не слыхали о заговоре, их не выпустят. В чем их вина? В том, что один — отец Кампанеллы, а другой — его брат. Иной вины не надо. А этой им не простят! А как там мать, не понимающая, что стряслось с ее близкими? Будет вместе с другими женщинами с рассвета до заката стоять перед тюремными воротами, молить, чтобы сказали ей о близких, чтобы взяли для них лепешку, горшок бобов. Лавина увлекает за собой жизни, семьи, судьбы, ломает их, увечит. Горькая мысль! Он еще никому, ни близким, ни дальним — не принес обещанного счастья, но уже многим — беду и горе. Он сердцем своим слышал рыдания не только матери, но всех женщин, у которых увели мужей, плач детей, лишенных кормильцев и защитников. Ему представились схваченные, допрашиваемые, пытаемые. Не проклинают ли они день и час, когда пошли за ним? Но что он может сделать для них теперь, когда он сам схвачен? Очень много: выдержать все, что суждено ему, не сломиться. А потом — начать все сначала — и победить. Дать людям обещанное, отомстить за тех, кто не доживет до часа победы над злом.

Во время прогулки Кампанелла увидел своих. Брат испугался, потом спросил:

— Что с нами будет, Джовании?

От полузабытого домашнего имени Кампанелла вздрогнул. Что сказать брату? Отец был в своем кожаном фартуке. Видно, его схватили за работой. И что удивительнее всего — и в тюремном дворе латал сапоги. Солдаты приспособили его к делу.

— Сапожник всегда нужен! — сказал он Кампанелле и похвалился, что его и во двор выпускают почаще, и лишний кусок ему достается. Кампанелле показалось, что в спокойствии, с каким отец рассуждает о том, как ему повезло, звучит безумие.

В других тюрьмах начались казни заговорщиков. Об этом ему на допросе с улыбочкой сообщил Ксарава. Кампанелла всей кожей ощутил, что бледнеет, почувствовал: Ксарава упивается его видом.

— Что же вы молчите, Томмазо, прозываемый Кампанеллой? Хотите, чтобы я рассказал вам, как это было?

Узник презрительно промолчал. Тот, кто однажды видел казнь, не забудет ее до смерти, а он видел.

— Рассказать вам, как это было? — настойчиво повторяет Ксарава. Вестью о казни он хочет поколебать Кампанеллу. Но тот вдруг спрашивает сам:

— И что же они сказали перед смертью?

Теперь молчит Ксарава. Не признаваться же, что, когда приговоренных терзали, терзали так, что с их стонами слился стон толпы, они отрицали свою вину, сулили вечные муки и начальнику карательной экспедиции, и прокурору.

— Почему же вы молчите, прокурор? — холодно спросил узник. Он не ждал ответа.

Но в камере силы изменили Кампанелле. Воображение рисовало эшафоты и плахи, воздвигнутые во всех калабрийских городах, красующихся палачей, терзаемых осужденных, потрясенную толпу. Сколько душ впадет в рабское оцепенение после этого зрелища! Но сколько людей унесет с места казни ненависть к палачам и запомнит, какими непреклонными оказались их жертвы. Но все это — размышления, размышления. Сейчас, когда необходимо действовать, он пойман, заточен, заперт! Кричи — твои друзья тебя не услышат! Бейся головой в стены камеры — ты не пробьешься к ним... Думать о побеге бессмысленно. Из такой камеры не убежишь. Не вырваться... Что за вздор! С тех пор как существуют темницы, идет постоянное состязание между узниками и тюремщиками. На каждую предосторожность тюремщика находится десять уловок узника. Но чтобы бежать, нужны помощники на воле, способ передать им весточку, получить от них ответ. Кампанеллу переводили из одной тюрьмы в другую, нигде подолгу не оставляя, и он не мог понять смысла постоянных перемещений. Кроме одного — помешать ему связаться с волей, затруднить побег. В пути — из одной тюрьмы в другую — он был связан, окружен многочисленным конвоем. Кампанелла пробовал заговаривать с испанскими стражниками. На его попытки они отвечали молчанием, бранью, пинками.

Как извращена человеческая природа! Никто не рождается на свет, чтобы стать палачом или конвойным. У каждого конвойного, у каждого палача была мать. Пела над ним колыбельные песни. Радовалась первому слову, которое он произнес. Учила его ходить. У каждого была любимая, потом жена, дети. Многие стражники были хороши собой. Молодые, веселые, красивые лица, мужественная стать, звучные голоса. Что же сделало этих людей нелюдями, способными ударить связанного пленника, пнуть его сапогом, плюнуть ему в лицо? Что сделало их жестокими к слабому и безоружному, покорными и робкими перед теми, кто командовал ими? В будущем прекрасном государстве надо добиться, чтобы жестокие и злые вообще не рождались на свет.

Неустанная работа мысли, которая не прекращается даже тогда, когда он, связанный или скованный, совершает путь из темницы в темницу, — мука! Неустанная, непрерывная, то горячечная, то ясная работа мысли — благо. Без нее он бы погиб.

Все трое свиделись в тюрьме. Дионисия схватили на пути к родным местам. Мавриция — в гавани. Их доставили в ту же тюрьму, где был Кампанелла, и поместили в одиночки. Но и толстые тюремные стены не могут помешать передаче вестей.

Кампанелла скоро узнал: два его ближайших друга схвачены. Видно, собираясь на склонах Стило, им следовало бы потолковать и о том, как вести себя в тюрьме, как отвечать на допросах, если потерпят неудачу. О возможности поражения они не думали — это ошибка. Как предупредить друзей о том, как держаться на допросах?

Смолоду Кампанелла привык неотступно размышлять. О движении небесных тел. О законах поэтики. О далеких странах. Но более всего о том, как должен быть устроен мир. И вот его пытливой мысли, привыкшей возноситься к тайнам мироздания, приходилось биться над тем, как передать записку из одной камеры в другую, как перехитрить тюремщиков, как приспособиться к их мышлению, разгадать их уловки, опуститься до той логики, которой подчиняется их гнусное ремесло.

Внезапно в тюрьме началось волнение. С тюремного двора доносился цокот подков, пропела кавалерийская труба, раздался звон кандалов. Вице-король Ферранте Луис де Кастро граф Лемос повелел незамедлительно доставить заговорщиков в Неаполь. Их теперь собирают в одну большую колонну. Она должна прошагать до места, где узников посадят на корабли.

Начальник конвоя провел прескверную ночь. Вести заключенных предстояло по дорогам, на которых фуорушити — дома. Останавливаться с такой колонной на ночлег опасно. Было над чем поломать голову.

Ранним утром заскрипели засовы на камерах, забегали стражники, выгоняя заключенных в тюремный двор; злые, как черти, восседали на конях конвойные: их разбудили спозаранку. Они срывают досаду на пленниках: кого хлестнут поводом, кого толкнут древком пики. Капралы долго пересчитывали заключенных, путались, сбивались, бранились, строили, перестраивали, прежде чем замкнуть цепь, соединяющую все кандалы.

У Кампанеллы было одно желание — разглядеть Дионисия и Мавриция, подойти к ним. Заключенные помогли ему. Изменились оба друга так, что у него заныло сердце. Где-то здесь — ему шепнули об этом — его отец и брат. Пользуясь неразберихой сборов, он поспешил разыскать их. Отец со слезами упрекал его, брат молчал. И уже нет времени объяснить, оправдаться...

Звучит ненавистная испанская команда, отворяются высокие тюремные ворота. Колонна, звеня кандалами, бряцая тяжелой цепью, вытянулась по каменной дороге. Кампанелла оглянулся и впервые увидел, сколько людей, последовавших за ним, превращены в кандальников, шагают теперь навстречу страшным испытаниям. Он ощущает вес железа, которое несут на себе другие узники. Его мучит боль тех, кто мечется в жару и бреду на повозках. Его терзает их ужас, томит их жажда.

Они шли по милой его сердцу земле. Здесь все — слоистые скалы, цепкие, низкорослые горные сосны, по-осеннему опустевшие виноградники, широколистые дубы, звонкоголосые родники, пробивающиеся из каменных расщелин,— все свое. Но теперь родная природа оборачивалась к ним недобрым ликом. Ноги разбиты о камни. На редком привале узловатый корень злобно врезается в измученное тело. Терновник вонзает колючки в кожу. Жаркий ветер палит, холодный — вгоняет в дрожь. Все безжалостно к побежденным. На каждом переходе, на каждом привале казалось: вдруг откуда-то из-за рощи, из оврага, с гор прозвучат выстрелы, просвищут пули, ринутся на испанцев смельчаки, пришедшие на выручку. Неужели обеднела Калабрия отважными людьми? Путь их подходит к концу. Ждать больше нечего. Никто не пришел им на помощь. Ни добрый самаритянин, ни смелый воин. Случалось, Кампанелла ловил мимолетный сочувственный взгляд, украдкой брошенный. Случалось, рядом с местом, где заключенных останавливали на ночлег, появлялись фляги вина, ломти хлеба, миски фасоли.

Но куда больше было взглядов равнодушных. И всего страшнее — враждебных. Кампанелла не ощущает больше живого тока родства между собой и калабрийцами, ни в чьих глазах не читает любви.

Долог, печален, горек путь на Голгофу.

Многие виды казней были известны в ту пору в Европе. Осужденных на смерть вешали. Четвертовали. Сжигали заживо. Известны были казни в кипящем масле, распиливание заживо, постепенное утопление. Даже самым изощренным умам, посвятившим себя этой области деятельности, затруднительно придумать что-нибудь новое.

При дворе вице-короля это удалось. Когда морем доставили в Неаполь заговорщиков, было приказано тех, кто осужден на казнь еще в Калабрии, казнить на кораблях. Город оповестили о том глашатаи.

Заключенных вывели на палубы. Замешкавшихся подталкивали, упирающихся тащили. Последними вывели приговоренных: четверых предстояло четвертовать, двоих — повесить на корабельных реях. Палачи суетились, боясь осрамиться перед глазами знатных и понимающих зрителей.

Кампанелла хотел отвернуться. Но стражник железными пальцами вцепился в его затылок и повернул лицом к виселице. Зажмурить глаза. Нельзя! Если другим приходится вынести это, он должен это увидеть. Еще будет суд, на котором он станет свидетелем, а может быть судьей. Хрип задыхающихся, стон четвертуемых, громкие команды капитанов, гул толпы на берегу, страшный звук — шлепок, с которым отсекаемые руки и ноги падали на палубу, колокольный звон — все смешалось в сознании Кампанеллы в отходную людям, которые пошли за ним, а теперь погибают на его глазах.

Вице-король был удовлетворен. Казнь на рейде послужит назидательным примером всем неаполитанцам. Если он не может заставить неаполитанцев полюбить его, вице-короля, и испанскую корону, он заставит бояться! Наконец, столь необычная казнь — хорошая тема для почтительнейшего доклада в Мадрид. Казнь на палубах — новшество. Их величества будут приятно удивлены...

Выгружали узников на рассвете. Вода залива казалась почти белой. На берегу хлопотали рыбаки, собирались в море. Едва глянули на узников и снова к лодкам, к снастям. Вчера поглядели на казнь, сегодня надо работать — делу время, потехе час!

Недалекий путь от пристани до крепости Кастель Нуово узники, потрясенные вчерашней казнью, измученные бессонной ночью, едва прошли. Начальник конвоя по счету передавал их коменданту крепости. Счет не сходился. Пригнанных в тюрьму дергали и пинали. Многие рухнули на каменные плиты. Кампанелла хочет подбодрить обессилевших, успокоить отчаявшихся, обнадежить. Нет сил! Он даже говорить не может.

На сей раз одиночка показалась ему благом. Столько дней и ночей быть каждый миг на виду, чувствовать каждое движение, каждый шаг соседа тяжко!

Зазвенели ключи, брякнул замок. В камеру вошел надзиратель и человек с молотком и клещами. Это тюремный кузнец пришел снять с узника кандалы. Работал весело, споро, сообщил, подмигнув, что расковывает охотнее, чем заковывает. Надзиратель рассудительно заметил:

— У нас кандалы ни к чему. Отсюда не убежишь!

Для узников Кастель Нуово жизненный круг был очерчен крепостными стенами. Стражники и надзиратели — верши-

тели судеб. Оставят в одиночке или переведут в общую камеру, накормят или будут морить голодом, а главное, вызовут ли на допрос и когда — события первостепенной важности. Немыслимо представить себе, что каждый день мимо стен Кастель Нуово проходят люди, видят и не замечают ее, как видят и не замечают Везувий. Неаполь поговорил о казни в порту и позабыл. Другие дела волновали город. Из-за долгой засухи урожай оказался плохим. Только виноград обрел удивительную сладость. Но когда еще придется пить вино нынешнего года, а пока что не хватает хлеба, фасоли, овощей. Еще больше бродяг появилось на неаполитанских улицах.

Неурожай, заговор, сложные отношения с папой, с Венецианской республикой, с Флоренцией — вице-королю есть от чего потерять голову. Но чем больше забот, тем спокойнее его каменно надменное лицо. Вот и последняя огорчительная новость внешне никак не отразилась на нем.

Папский нунций снова настаивает, чтобы заключенных из Калабрии передали святой службе. Главное их преступление — ересь. И тот, кто помешает инквизиции раскрыть это опаснейшее из преступлений, берет на себя страшный грех.

Во время многотрудных переговоров вице-королю подали странную бумагу. Текст был написан по-итальянски и, более того, стихами. Отчетливой скорописью, какой пишут чиновники вице-короля. Чего ради вздумал кто-то из них писать стихи? Вице-король не поклонник поэзии, тем более итальянской.

— Зачем мне показывают это? — недовольно сказал он.

— Важная бумага! — почтительно ответили ему.

С каких пор важные бумаги обретают облик стихов? «Сонет о современном положении Италии»? В сонете говорилось, что заговор в Калабрии придумали испанские чиновники. Недурно! Дальше и того лучше. Автор сонета угрожает вице-королю божьей карой. Кровь праведников обрушится на него. Она поднимет людей и самого бога на кровную месть.

Вице-король знал грозное значение слов «кровная месть». Ими здесь не шутят. Граф Лемос принудил себя язвительно улыбнуться:

— Хромает размер. Неведомый пророк, угрожающий мне людской и небесной карой,— автор стишков?

Придворный подтвердил: проницательность не обманула его высочество. Сонет написал монах Томмазо Кампанелла, содержащийся по делу о калабрийском заговоре в тюрьме Кастель Нуово.

Да, сонет действительно написал Кампанелла. Огляделся в Кастель Нуово, раздобыл обрывки пергамента, перо, чернила. Начальные строки сонета слово в слово совпадали с тем, что Кампанелла уже говорил на допросах. Заговора нет и не было! Его придумали испанские чиновники! Судьи уже слышали это в его ответах, пусть теперь прочитают в стихах, написанных как бы для себя самого. Сонет предназначался не только судьям, но и товарищам. Пусть повторяют его, пока не заучат. Пусть вспомнят, когда у них будут вырывать ответ. Не было заговора! Не было заговора! Не было! Написав об отмщении, Кампанелла хотел зачеркнуть эти строки — воинственный конец плохо вязался с началом сонета. Зачеркивать? Чего ради? Пусть знают: мы невиновны, бог и люди наши защитники, и не избежать грозной кары тому, кто прольет нашу кровь.

Вице-король вечером, отходя ко сну, припомнил стихотворение крамольника. Он позвал слугу и сказал, что с завтрашнего дня будет надевать под парадное платье кольчугу толедской работы.

Едва заключенные были доставлены в Кастель Нуово, возник важнейший вопрос — сколько из них лиц светских, а сколько духовных? Первым угрожает приговор по делу об измене, их делом может и должен заниматься светский суд. Вторым также грозит приговор по делу об измене и непременно по делу о ереси. Ими должен заниматься духовный суд. Надлежит прежде всего отделить овец от козлищ.

Тянулась переписка о подсудности между судебными инстанциями вице-королевства и Римом. Документы проделывали долгий путь сушей и водой. Дело обросло дипломатическими, дворцовыми и судейскими интригами.

Узник Кастель Нуово брат Томмазо, прозываемый Кампанеллой, всего этого знать не мог. Он только чувствовал, что стремительные допросы в калабрийских тюрьмах сменились непонятной проволочкой. Надо быть готовым ко всему! Надо собраться с силами. Укрепить мужество товарищей по делу, братьев по судьбе. А для этого связаться с ними. Их всех может спасти только непоколебимая стойкость.

Утро в Кастель Нуово начинали горластые петухи. Их клич в крепостных стенах ошеломлял. Стражники и надзиратели, родом из крестьян, жили в крепости с семьями, обзаводились хозяйством. На внутренних дворах возделывали огороды. Виноградные лозы карабкались по стенам тюрьмы. В крепости появлялись торговцы рыбой, пекари привозили хлеб, пастухи пригоняли коз и продавали тут же надоенное молоко. Въезжали повозки с провиантом для солдат и заключенных. Жены стражников и надзирателей сновали по крепости, громко перекрикивались, дети носились стаями по дворам. Каменщики чинили старые стены. Черными тенями проходили по крепостному двору молчаливые инквизиторы, поспешали протоколисты-нотарии, скакали на прекрасных конях надменные испанские курьеры. Поспав после обеда, выходили посидеть перед своими уютными домиками на осеннем солнце утомленные ночными трудами палачи — основательные, коренастые, жилистые люди. Переругивались с женами, переговаривались с соседями. Побаливают суставы — в подземельях сыро. Трудиться заставляют бессовестно много. И все, кому не лень, учат. Взяли моду по книге, по картинкам указывать, как на дыбе растягивать, как воду через мехи в глотку наливать. Писать-то легко!... А ты попробуй выудить все да за один раз. За ночь так намотаешься, от криков оглохнешь, руки себе отобьешь, весь перемажешься, врагу своему такой работы не пожелаешь.

Так судачат на дворе Кастель Нуово заплечных дел мастера. Впрочем, толкуют не только об этом. О картах, в которые не прочь перекинуться. О том, каковы цены на рынке. О прекраснейшей проповеди — слушали ее в крепостной церкви со слезами умиления. О хворостях жен толкуют. О приданом для дочек. Отдыхают мастера своего дела, осенним солнышком наслаждаются, винцо попивают, беседуют о ремесле и житейском.

Случилось им увидеть Кампанеллу — его переводили из камеры в камеру. Поглядели на него с интересом. Голову высоко поднял, по сторонам смотрит. Пошутили: «До скорой встречи!» С ним быстро не сладишь — сразу видно. Кампанелла увидел компанию, отдыхающую на осеннем солнышке, их лица, руки. Он еще ничего не знал о них, но тело напрягалось от их взглядов, как от отвратительного прикосновения.

Передышка продолжалась. Все эти дни он сочинял стихи. Упорно и бурно-вдохновенно. Напряжение, владевшее его душой, находило выход в стихах. И написанное на бумаге, и сочиненное в голове торопился заучить. Написанное, скорее всего, отберут, сколько раз уж отбирали! Но еще не придумали способа переворошить в поисках запретного мозг. Когда-нибудь придумают, пока еще, слава богу, не сумели. Кампанелла сочинял в эту пору почти исключительно сонеты. Он понимал, что слог его порой грешит против совершенного итальянского наречия — благородного тосканского, отдает порой мужицким калабрийским. Что за беда! Несовершенные сонеты помогают ему дышать. Они нужны тем, кто ему доверился. Их веру в него, в его пророчества, в общее дело он должен поддержать. Во что бы то ни стало!

Кампанеллу тревожил Мавриций. Пугала его гордая горячность. Она не укроется от судей, и уж они найдут способ воспользоваться ею. Одного из самых ревностных стражей приставили к Маврицию. Надзиратель старался изо всех сил. Почти не отходил от камеры: то глядел на узника через глазок, то внезапно отворял дверь, врывался к Маврицию, грубо обыскивал его, рылся в тюфяке, шарил в скудном скарбе. Маврицию был непереносим чужой взгляд, отвратительны грубые руки, обшаривающие его, мерзок запах чужого дыхания на лице. Он понимал: приставленный к нему мерзавец нарочно вызывает его на вспышку. Но чего ему стоило сдерживаться! А старательный надзиратель с удивлением доносил начальству, что, когда ни поглядишь на Мавриция, когда ни войдешь в камеру, тот молится.

Мавриций действительно много и истово молился. Но иногда, когда губы Мавриция беззвучно произносили слова, это были не слова молитвы. Это был сонет Кампанеллы. Грешно, но Мавриций считал, что и этот сонет — молитва. Он повторял его с таким же чувством. И клялся, что заслужит благородную смерть, которую, как написал его друг, милосердие дарует тому, кто непоколебим духом. Мавриций не знал — эта решимость понадобится ему очень скоро. Судьи решили: пока вопрос о том, кому заниматься заговорщиками из духовных лиц, не решен, допросить главного из бунтовщиков-мирян. Им и был Мавриций.

С тех пор как существуют тюрьмы и тюремщики, с тех пор

как существуют решетки на окнах, запоры, засовы, замки, с тех пор как существуют стражники, надзиратели, наушники, доносчики, мысль узников бьется над тем, как сквозь стены, решетки, запоры, засовы, замки, обманывая доносчиков и наушников, минуя стражников и надзирателей или заручившись их содействием, передавать друг другу вести. Сотни, тысячи умов — и каких умов! — внесли в нее свой вклад. Тайная тюремная почта создавалась веками, а крепость Кастель Нуово в этом смысле могла считаться академией! Комок глины, оброненный в условном месте по тюремному двору; ветка, сломанная определенным образом на кусте боярышника, который рос подле тюремной стены,— знаки. Не перечесть безмолвных почтальонов, которые служили узникам Кастель Нуово. Да и среди надзирателей калабрийцы нашли земляков. Звук родного наречия, напоминающий деревню, откуда родом стражник, случалось, творил чудеса, и калабриец-надзиратель соглашался помочь калабрийцу-узнику. Некоторые из схваченных по делу о заговоре были богаты. Родные этих узников, люди с деньгами и влиянием, примчались в Неаполь. Обивали пороги всевозможных канцелярий, искали протекции и, памятуя, что даром дается только смерть, через мелких и мельчайших слуг закона передавали своим близким записочки, получали от них ответы. Так постепенно между Кастель Нуово и волей, между камерами установились тайные связи. Многолюдство и неразбериха в крепости тому способствовали.

Вести бывали важными. Кампанелле передали, что один из заговорщиков, священник Доменико Петроло, который в Калабрии первым не устоял на допросе, как будто раскаивается теперь и решил отречься от своих показаний. Если это правда, из рук обвинителей будет выбит важнейший козырь.

Опасность, грозившая Кампанелле, неизмеримо больше той, что нависла над ним после первых арестов. Но о предстоящих муках и унижениях, даже о вполне вероятной смертной казни он думал мало. Все силы уходили на тех, кому он обязан служить опорой. Нелегко чувствовать себя отцом огромной семьи, когда она в беде и ждет от тебя совета, поддержки, защиты. Тюремная почта — словами, переданными из уст в уста, запиской, спрятанной в горбушке, строками, подчеркнутыми в молитвеннике,— повторяла и повторяла, твердила и твердила заклинание Кампанеллы: «Держитесь! Мужайтесь! Надейтесь! Даже небесные светила за вас! О том говорят явные знамения! Надейтесь! Мужайтесь! Держитесь!» Когда нужно помочь стольким страждущим, забываешь о собственных страданиях и страхах.

Вдруг Кампанеллу вывели на прогулку вместе с Маврицием и Дионисием. И надзиратели не мешают им говорить друг с другом. Первое, что замечает каждый,— как страшно изменились его друзья. Кожа окрасилась свинцовой серостью, щеки впали, лихорадочно блестят глаза. На Дионисии и Кампанелле рубища вместо доминиканских одеяний. На щеголе Мавриции — отрепья. Но все равно видно — он красив и молод. Присмотрелись друг к другу, улыбнулись. Говорить трудно. Могут быть доносчики. Как узнаешь, что эта встреча, неожиданно выпавшая им на долю,— недосмотр или умысел?

Первым заговорил Кампанелла:

— В Неаполе мудрые и опытные судьи! В Неаполе справедливейший вице-король. И судьям и его высочеству уже ясно — никакого заговора не было! Не было никакого заговора! Его придумали в Калабрии мелкие чиновники, нерадивые слуги славной испанской короны, которым нужно доказать свое рвение. Но истина восторжествует! Она всегда торжествует там, где владычествует Испания!

Дионисий согласно кивал головой и повторял вслед за Кампанеллой столь же внушительно и торжественно, что заговора не было, неаполитанские судьи мудры, вице-король справедлив, а Испания — родная мать своим итальянским подданным.

Мавриций выдавил те же слова сквозь челюсти, голосом надтреснутым и глухим. Кампанелла встревожился, почувствовал: младшего из них томит особенно сильная тревога. На лице Мавриция — печать обреченности. Такими ему случалось видеть умирающих, которых он исповедовал. Что его так терзает? Шепотом, чуть двигая белыми губами, Мавриций проговорил:

— Ксараву заменили другим...

Важная новость! Но почему она так испугала Мавриция? Неужели найдется следователь более мерзкий, чем калабрийский прокурор?

— Что тебя в этом страшит? — мягко спросил Кампанелла.

Мавриций устало пожал плечами. Конечно, Кампанелла самый мудрый из людей, а если иногда ошибается, так ведь всякий может ошибиться, кроме господа бога. Но есть мирские дела, которые ему неизвестны. Например, отношения, что связывают и разъединяют старинные роды калабрийских дворян. Любой калабрийский дворянин сразу поймет, что означает для Мавриция де Ринальдиса назначение в трибунал Санчеса де Луны. Для Ксаравы Мавриций был опасным бунтовщиком, но и только. А для Санчеса де Луны он был членом рода, с которым давно враждовал его род. Для нового судьи дело Мавриция обретало оттенок кровной мести. Нельзя быть мельником и не перемазаться в муке. Нельзя быть судьей, проливать кровь по закону и не перемазаться в крови, пролитой по собственному почину. У каждой должности своя корысть. Так повелось! Не нами заведено, не на нас кончится...

Опасения Мавриция оправдались. Вызванный после перерыва на допрос, он увидел перед собой новых судей. Санчес де Луна, не глядя на узника, тихим, почти ласковым голосом призвал Мавриция не длить бессмысленного упорства, одуматься и признаться в своих преступлениях. «Иначе тебя будут пытать!» — помолчав, сказал он. Протоколист привычно записал, что к обвиняемому была применена угроза, и добавил, как полагалось: «словесная».

Будто бы ему прежде не угрожали? Еще как! В калабрийских тюрьмах его били без предупреждений и записей в протокол — побои не считались пыткой. Но все это не так пугало Мавриция, как тихий, почти ласковый голос нового судьи, отчетливо выговоривший словесную угрозу. Дрожь прошла по телу Мавриция, сердце оборвалось. Великого усилия стоило ему проговорить:

— Мне не в чем сознаваться!

Не настаивая, не гневаясь, судья спокойно приказал увести узника в камеру, и Мавриций весь оставшийся долгий день и всю бессонную ночь размышлял о том, что означает поспешность, с какой был прерван допрос.

На следующий день за ним пришли вечером, после того как торжественно и печально отзвонили колокола неаполитанских церквей. Над головой было осеннее темное небо с крупными звездами в разрывах темных облаков. С моря дул ветер. Поодаль от дорожки, по которой его вели, в домах стражи и тюремных служителей смеялись и пели. Мирным и сонным казался вечер. В зале суда горели, оплывая, свечи в тяжелых шандалах, бросая на стол и стены домашний трепетный свет. Тот же тихий, почти ласковый голос призвал Мавриция одуматься. И добавил:

— Сие увещевание второе!

После почти двух дней, проведенных в тревожном ожидании, после бессонной ночи Маврицию было еще труднее на вопрос, не одумался ли он, снова чуть слышно проговорить, что ему не в чем сознаваться.

Санчес де Луна подал знак протоколисту. Протоколист записал, что подсудимый выслушал вторую угрозу, сделав рядом с этим словом пометку: «вещественную». Новый судья был человеком формы. Он выждал, педантично проверил запись, скрепил ее своей подписью, не то изучающим, не то сожалеющим взглядом посмотрел на Мавриция и коротко хлопнул в ладоши. Из-под темного свода появились два человека в плащах с глухими капюшонами, где были прорезаны отверстия для глаз, ловко и сильно заломили руки Маврицию за спину и повлекли за собой. Насколько легче быть храбрым на опасном турнире и даже в кровопролитном бою! Там твою смелость все видят. В руках у тебя оружие. Нет чувства униженности и бессилия.

Помощники палачей медленно и долго вели его по внутренним переходам, по тюремным дворам. Тюремный замок еще не спал, и скоро по камерам, где содержались калабрийцы, разнеслась весть: Мавриция повели в застенок!

Его стащили вниз по крутым ступеням, втолкнули в зал с низкими сводчатыми потолками, где пахло дымными факелами, сырой плесенью, кисловато-пресно — кровью. Весь бесконечный путь Мавриций то шепотом молился, то мысленно повторял сонет Кампанеллы. Осторожно придерживаясь за перила лестницы, подбирая рукой длинный плащ, в зале появился один из судейских. С ним вместе пришел протоколист.

— Гляди! — приказал главный из тех, кто привел его сюда.

Второй ухватил Мавриция сильной рукой за затылок и держал так, чтобы он не мог отвести глаз от того, что ему показывают. Он увидел прямо перед собой нечто сколочен-

ное из толстых дубовых балок. Две стояли стоймя, третья служила верхней перекладиной. Между балками на оси — ворот, на который поворотами колеса должен накручиваться канат, проходящий через блок, укрепленный в потолке. На конце каната болтался крюк. Помощник палача объяснил, что крюк цепляет за веревку, которой связаны руки, заведенные за спину допрашиваемого. Накручивая канат на вал ворота, поднимают человека вверх. Вроде того, как тащат ведро из колодца. Собственный зад тянет тело книзу, а канат — кверху. Руки выворачиваются в суставах.

Помощник палача сказал деловито-дружелюбно:

— Как снимем, так вправим. Лучше лекаря. Такое у нас обхождение.

— Нагляделся? — весело спросил помощник палача, и Мавриция повлекли дальше. Ему показали очаги, мехи для раздувания углей, чем-то звякали, чем-то помахивали перед глазами. На совесть показывали. Потом ушли. Ушли, а его оставили в зале, освещенном дымными факелами, наедине с палаческими снастями. Чтобы разглядел все получше, чтобы подумал подольше. С ним остались надзиратели — приглядывать, чтобы узник, не дай бог, не попробовал раньше времени наложить на себя руки.

Иные после «вещественной угрозы» делались не в себе. Утром из застенка выводили заговаривающихся, окаменевших людей с неподвижным взглядом и застывшими лицами. С Маврицием такого не произошло. Он всю ночь думал об одном и том же. Он хотел добра согражданам, блага и свободы милой родине, из которой пьют кровь испанские пиявки. Счастья хотел ближним и дальним. Свободы хотел, справедливости. И это грех? И это преступление? И за эти мечты — такое?

Утром его снова повели переходами, коридорами, дворами к судьям. И когда он вновь тихо, но твердо сказал, что ему не в чем сознаваться, тот же судья устало, сожалеюще развел руками и приказал что-то протоколисту. В бумагах по делу Мавриция появилось слово, написанное по-латыни,— пытка. И добавление: легкая. О предстоящей пытке ему объявили. О добавлении не сказали.

Мавриция вернули в камеру. Судьи посовещались, обсудили дальнейшее, дружно согласились, что Мавриций орешек твердый, однако раскусывали и не такие, и разошлись по домам пообедать, поспать, набраться сил к ночи. Предстояла нелегкая работа. Чего доброго, за одну ночь не управишься! Нужно вернуться в судилище отдохнувшими, выспавшимися, бодрыми, с ясными головами. Молодой, но закоренелый крамольник потребует от них терпения, опыта, сил, выдержки, хитрости.

День был, как все другие. К берегу Неаполя подплывали парусники и галеры из Генуи и Венеции. На рассвете в море уходили рыбачьи лодки. Неаполитанская голытьба промышляла себе пропитание. В церквах звучали слова о небесной благодати и господнем милосердии, шла торговля кусочками мощей, святой водой, изображениями младенца Христа и мадонны. Во дворце вице-короля готовились к приему иностранных гостей. В мастерских плотников и столяров, кузнецов и сетевязальщиков, сапожников и ткачей шла работа. К постоялым дворам подъезжали почтовые повозки: усталые путешественники вылезали из них, разминались, оглядывались. Неаполитанцы и приезжие работали, бездельничали, ели, пили, пели, спорили, любили, разговаривали, грешили, молились, каялись, принимали гостей, ходили в гости, читали книги, обделывали дела, болели, лечились — жили обычной жизнью весь этот день — один из дней поздней осени 1599 года. И весь этот день Мавриций оставался в застенке. Санчес де Луна не ограничился «легкой» пыткой. С того мига, как Мавриция притащили сюда, уже не раз сменялись судьи и протоколисты. Выходили во двор перевести дух палачи. Потом их пришлось сменить свежими. Неаполь засыпал. Последние прохожие спешили по домам. Проплыли окруженные слугами с факелами носилки важных господ. Промаршировали отряды городской стражи. Замер город, уснул. Уснули и обитатели Кастель Нуово — одни спокойным, другие тревожным сном. А Мавриций оставался в застенке. День, другой, третий...

Хотя возобновлять пытку по правилам инквизиции не дозволялось, ее все же прерывали, потом начинали снова, записывая в протокол, где отмечалось каждое действие палачей и каждое слово пытаемого, что это не новая пытка, а продолжение прежней.

«Можно продолжать!» — эти два слова звучали припевом бесконечных дней, которые Мавриций провел в застенке. Мавриция продержали в застенке шесть дней и шесть ночей подряд. В воскресенье судьи отдыхали и давали отдохнуть палачам, как и подобает добрым христианам.

Неделю назад Мавриций, несмотря на все, что выпало на его долю, еще был молодым, сильным человеком. Через неделю в одиночную камеру из застенка волокли старика. Когда его тащили мимо калабрийцев, оказавшихся во дворе, они его не сразу узнали. И вдруг на черном, в кровоподтеках и шрамах лице появилась тень улыбки и чуть слышный голос произнес:

— Мне сознаваться не в чем...

Все эти бесконечные дни и ночи Кампанелла думал о Мавриции. Тот должен почувствовать, с какой силой Кампанелла молится за него. Он думал — Мавриций не выдержит, нет человека, который может выдержать такое. Но тогда обречены все! Тогда конец всем! И все-таки, посылая Маврицию через стены мысленный приказ — молчать, мысленную мольбу — молчать, мысленное заклинание — молчать, Кампанелла с тоской в сердце думал, что требует от друга того, что выше человеческих сил, ибо с ним творят нечеловеческое. Умереть легче... И теперь, когда оказалось, что Мавриций выдержал, Кампанелла перестал владеть собой — слишком велико было напряжение. И тут же душу заполнила тревога. «А ты сам? Теперь они примутся за тебя. Сможешь ты это выдержать?»

Тюремному лекарю было велено оказать Маврицию всяческую помощь, чтобы тот не умер раньше времени. Осмотрев Мавриция, лекарь только головой покачал: такого он еще не видывал! Разговор с ним о том, что перенес Мавриций, — медик не устоял и выболтал, — побудил Кампанеллу написать стихи. Кампанелла написал о муках, что длились шесть дней и шесть ночей подряд, о мужестве узника, посрамившего судей, о примере, который дал Мавриций всем друзьям. Кампанелла вместил всю любовь к другу в эти строки, все восхищение им, всю боль за него. Он спешил скорее написать сонет, скорее переправить его товарищам, сделать так, чтобы он дошел до Мавриция.

Наступил декабрь. Близилось рождество. До конца года оставались считанные недели. Церкви украшались к рождественским праздникам. Сочинялись рождественские проповеди. Поэты писали новогодние стихи. 1600 год приближается! Столь круглая дата вызывала в людях надежды и тревоги. Уже много веков подряд с завершением одного столетия и началом нового ждали одни — наступления счастливых времен, другие — страшных бедствий. На дорогах появились процессии кающихся: они шли босиком, сбивая в кровь ноги, от одной церкви к другой, оглашали воздух горестными восклицаниями, давали обеты, бичевали себя до крови. В лавках продавали игрушечные ясли с младенцем Христом. Мясники загодя резали свиней, коптили окорока и колбасы. Виноторговцы разливали вино из бочек по бутылям. Модники обновляли зимнее платье — под новый год в Неаполе дул холодный ветер. Бедняки зябли, пытаясь согреться стаканчиком виноградной водки или теплом уличных жаровен, на которых жарили каштаны. Словом, декабрь...

Калабрийские узники считали, что Мавриций, выдержавший то, что он выдержал, будет если и не обелен полностью, то во всяком случае избежит тяжкого наказания. И вдруг...

Узникам Кастель Нуово было объявлено: заговорщик Мавриций де Ринальдис приговорен к четвертованию. Ему оказывается снисхождение: перед тем как четвертовать, его повесят, четвертован будет лишь его труп. Пусть благодарит за это милостивый суд. Вместе с ним будет казнен еще один заговорщик — Чезаре Пизано.

Эта весть мгновенно дошла до Кампанеллы. В ней все ужасно: и жестокость приговора Маврицию, и то, что суд не остановился перед казнью Пизано. Тот был духовным лицом и не подсуден, как считал Кампанелла, судьям, которые вынесли приговор. Значит, в невидимой глубине процесса произошли изменения к худшему.

После оглашения приговора к Маврицию часто приходил тюремный медик. Было приказано подлечить узника, чтобы он смог дойти до эшафота на собственных ногах.

Медика сменял священник. Его искренне ужасали не столько те муки, которые уже перенес Мавриций, не столько позорная казнь, его ожидавшая, сколько гибель души несчастного и вечные мучения, ожидающие его на том свете. Он положил все силы на то, чтобы убедить Мавриция покаяться в грехах. Мавриций наконец увидел человека, который говорил с ним терпеливо, кротко, ласково. Услышал от него слова, привычные с детства, о блаженстве в ином мире. О бесконечной милости господа бога нашего Иисуса Христа. О том, что господь соединит покаявшегося на небесах с родными и близкими. Священник говорил о вечных муках, ожидающих того, кто здесь, на земле, не получит отпущения

грехов. Мавриций с детства верил в адские мучения. Теперь он испытал их здесь, на земле. Мысль, что их придется терпеть вечно, непереносима. Картины ада, которые рисовал священник, слились с тем, что он только что перенес. Его лихорадило. Мысли его мешались. Священник представлялся ангелом-благовестителем. И вдруг ему казалось, что он снова возвращен. Куда? В застенок? В ад? Этого он уже не понимал. С казнью его мучения не кончатся, и слуги Сатаны будут бесконечно терзать его, а главный среди них будет бесконечно твердить:

— Можно продолжать! Говори! Говори! Говори! Сознавайся!

Мавриций метался на тюфяке, порой тихо отвечал священнику, порой не мог промолвить ни слова, иногда говорил разумно, чаще бредил. Но когда бы он ни открыл глаза, рядом с ним был терпеливый священник, желавший спасти душу Мавриция, поскольку спасти его самого невозможно.

Тюремный лекарь по долгу службы доложил начальству, что узник плох, но до дня казни доживет, вряд ли только сам дойдет до эшафота.

В толпе зрителей, собравшихся вокруг эшафота, были знатоки. Они узнавали в лицо палачей, называли их имена, вспоминали, кого и когда те уже казнили. Многие сетовали, что главного преступника вначале повесят, а лишь потом четвертуют. Новомодные выдумки! Большая часть толпы не знала, да и не хотела знать, за что казнят Мавриция де Ринальдиса и Чезаре Пизано. Без вины не повесят! Были в толпе и такие, кто жалел осужденных, а некоторые даже знали, за что они осуждены. Хотели освободить родную землю от испанской саранчи. Благороднейший замысел! Прискорбно, что он не удался. Но вслух подобного не высказывали...

На шею Мавриция накинули петлю. Он что-то тихо проговорил. Распоряжавшийся казнью переспросил его, а потом поспешно подошел к судьям. И вдруг палачу приказали снять петлю с шеи Мавриция. Тот остался стоять на скамье под петлей. Его поддерживали, чтобы он не упал. Что это значит? Неожиданное помилование? Мавриция де Ринальдиса и Чезаре Пизано свели с эшафота. Казнь отменяется! На глазах недоумевающей и недовольной толпы их увели в тюрьму. Без трубных сигналов, без барабанного боя ушел караул. Зрители, постояв еще немного, посудачив, разошлись. А священник, столько сил потративший на спасение души Мавриция, поспешил в церковь вознести благодарственную молитву. Свершилось. Мавриций согласился покаяться.

Мавриций не хотел предавать друзей, он хотел спасти свою душу. Он вынес невообразимые муки на земле, но боялся умереть, не примирившись с церковью, боялся нести вечные муки. А разве не был он грешен, когда скрывал свое участие в заговоре, умалчивал на исповеди о том, о чем должен был говорить?

Едва Мавриций, стоя на эшафоте, сказал, что хочет покаяться, судьи поняли: свершилось! Безнадежно завязший процесс придет в движение. Признание Мавриция уличит упорствующих. Конечно, нужна решимость, чтобы отменить казнь, утвержденную вице-королем. Но главный судья был человеком решительным. Тот, кто не рискует, не выигрывает. Он рискнул. Было тут же приказано — Мавриция де Ринальдиса и Чезаре Пизано вернуть в камеры. К Маврицию снова послать лекаря. И священника, которому удалось вызвать раскаяние в душе крамольника. Засим продолжить, нет, не допросы Мавриция, а заслушивание его добровольного покаяния... Назовем это так.

Когда Кампанелла узнал, что Мавриция не казнили, он испытал великое облегчение — муки друга и его гибель ложились на душу свинцовой тяжестью. Но тюремная почта принесла известие — Мавриция не казнили потому, что он обещал рассказать все. Горшего разочарования не испытывал он за всю свою жизнь! Мавриций, которому он доверял, как самому себе, Мавриций — воплощение чести, Мавриций — предатель! Скольких людей погубит он! И ничего нельзя поделать. Нельзя заставить его молчать. Теперь его будут оберегать, как сокровище. Мавриций — предатель! Ужасно дожить до такого часа.

Мавриций не хотел губить друзей. Он хотел покаяться лишь в собственных винах. О других пытался молчать. Ему говорили: неполное покаяние — не покаяние. Сказано в писании — нет ничего тайного, что не сделалось бы явным. Признаваясь, он спасет не только свою душу, но и души других нераскаявшихся грешников. Его пример укажет им путь к спасению. Говорили люди, изощренные в богословских словопрениях. Умудренные. Опытные. Красноречивые. Обращали свои речи к человеку молодому. Прошедшему через бесконечно

долгую пытку. К верующему. В ушах которого много дней кряду звучал голос увещевавшего его священника. И Мавриций стал отвечать. Да, заговор был. Да, в нем принимали участие фуорушити. Да, заговорщики вели переговоры с турками. Да, заговор направлен против Испании. Да, многие города обещали поддержку. Он ничего не скрывает больше. Его совесть была чиста перед богом. Его уже не уговаривали. От него требовали имен, адресов, чисел. Отступления не было.

Прочие подследственные немедленно почувствовали — в процессе произошла роковая перемена. Напрасно твердили они, что заговора не было. Им в ответ читали выдержки из ответов Мавриция.

Воздвигнутая Кампанеллой твердыня защиты рушилась. А о нем словно забыли. Его все не вызывали и не вызывали на допрос. Чувства бессилия и тоски терзали душу. Он не мог заставить Мавриция замолчать. В эти дни Кампанелла написал еще одно стихотворение. Об отступнике и предателе. Он назвал его мадригалом! Мадригал был обращен к тому, чье мужество он еще недавно славил, — к Маврицию. В неистовых словах он называл его презренным погубителем друзей, предрекал ему позорнейшую смерть и вечные муки. От них не откупишься покаянием. Стихи клокотали яростью. Но ничего изменить не могли — и Кампанелла знал это. Но если бы он не написал этого мадригала, гнев разорвал бы его сердце.

После рождества процесс пошел стремительно. Тому были две причины: показания Мавриция и наконец достигнутое соглашение между папой и вице-королем. Климент VIII соизволил согласиться на то, чтобы трибунал в Неаполе занимался делами духовных лиц, замешанных в заговоре. Любые утверждения бунтовщиков о будто бы обещанной им поддержке Ватикана следует отметать как ложь, рассматривать как преступную клевету на папский престол. В состав суда были введены представители папы — апостолические комиссарии. Они должны были возглавить следствие против заговорщиков из духовенства. Апостолические комиссарии получили от папы негласное предписание, чтобы все духовные лица, покушавшиеся на власть испанского монарха над итальянскими землями, были переданы в руки светских властей. Церковь умоет руки...

Так в Неаполе составился необычный трибунал: из светских судей, которые вели процесс с самого начала, и из представителей церкви, включенных в него позднее. В процесс вошли дела заговорщиков из духовенства, и он сразу стал процессом не только об измене, но и о ереси.

Судьи необычного трибунала не расходились в представлениях о своих правах, основанных на особенностях самого совершенного в их глазах процесса — процесса инквизиционного. В таком процессе обвинитель выступал одновременно и судьей. И следователем. Кто посмеет сомневаться в мудрости такого порядка?

Инквизитор — лицо духовное, потому беспристрастное. Допрашивая и вынося приговор, он заботится единственно об установлении истины и о спасении души грешника. Он борется не против него, а за него, за его вечное благо! Члены трибунала смотрели на обвиняемых как на виновных. На подобном предположении строился любой инквизиционный процесс. Пока речь шла о заговоре, возможны различия в отношении разных лиц. С той минуты, как высказано обвинение в ереси, все ясно. Апостолические комиссарии помнили и ценили мудрое суждение одного из инквизиторов прошлого: обвиненного в ереси нельзя выпустить на свободу. Если кто-либо сознается, что он еретик, его надо препоручить светской власти, чтобы та предала его смерти. Если он будет упорствовать, отрицая свою вину, его следует изобличить, а затем передать светской власти для казни. Если же он не станет упорствовать и раскается в своей ереси, его надо подвергнуть пожизненному тюремному заключению за вину, которую он сам признал.

Авторитеты святой службы подробно указали тем, кто впервые вступил на славную и многотрудную должность инквизиционного судьи, как вести следствие. Они советовали, сообразуясь с особенностями человеческой природы, поочередно запугивать и обнадеживать и, если это нужно для блага святого дела, обманывать обвиняемого. Следовательно, рекомендовалось считать то, что предстояло доказать, доказанным. Не спрашивать, например, обвиняемого, еретик ли он, а сразу ошеломить его вопросом, сколько раз он высказывал свои еретические взгляды. Во время допроса советовалось перелистывать дело, а затем неожиданно сказать, что он лжет: то, как все обстояло в действительности, здесь записано черным по белому.

Авторитеты весьма рекомендовали пользоваться тюремными надзирателями. В интересах следствия им позволялось оказывать заключенным небольшие услуги. Когда заключенный проникается доверием к стражу, тот может пообещать узнику, что передаст на волю записку. Такие записки, доставленные в трибунал, приносят великую пользу. Уличенный в запретных сношениях с близкими, понимая, какую опасность он навлек на них, узник становится податливее. Наставления опытных инквизиторов предусматривали, как быть с заключенными, слишком осторожными. К таким в камеру рекомендовалось подсаживать наушников. Лучше всего для этой цели подходят недавно обращенные еретики, которые при покаянии обязались впредь помогать святой службе. Если такому удавалось втянуть обвиняемого в доверительный разговор, каждое слово становилось известно судьям. Наставления исходили из того, что, умеючи, к каждому человеку можно подобрать ключ. Одному надо внезапно разрешить свидание с женой и детьми, чтобы те умолили его сознаться. Другого стоит временно перевести из тесной камеры в просторную, позволить ему вымыться, переменить платье, накормить досыта. Потрясенный этими благами, он, может быть, перестанет упорствовать. Если обвиняемый не признавался, его надолго отправляли поразмыслить в одиночку. Предпочтительно совершенно темную, где он терял счет часам и дням.

Судьи хорошо знали все подобные способы. Но они успели узнать и Кампанеллу. К нему ни один из этих ключей не подойдет. Он стоит на своем: заговор — вымысел, обвинения против него — клевета. Назначили очную ставку с Маврицием.

Кампанелла почувствовал боль в сердце, которая не дает сделать вздоха, разливается по груди, отдает в руку. Мавриций был бледен и странно спокоен. В нем ощущалась окаменелость человека, переступившего черту.

Мадригал Кампанеллы ему прокричали в окно камеры. Кровь бросилась Маврицию в голову. За оскорбление и стократ меньшее он раньше заставил бы обидчика заплатить жизнью! Потом это чувство отхлынуло. И гордость, и обида, и месть — все это принадлежало жизни, которой он уже не принадлежал. А то, что он сделал, признаваясь в совершенном, сделано не ради этой проигранной жизни, а ради жизни вечной. Что по сравнению с ней земные обиды! Некогда давший божественные обеты Кампанелла должен понять его: нет ничего важнее спасения души. И Мавриций смотрел на Кампанеллу прямо, не отводя глаз в сторону. Никто не может потребовать от него, чтобы он губил свою душу!

Взгляд этот потряс Кампанеллу. В глазах Мавриция, прежде смелых, ясных, веселых, горит тусклый фанатичный огонь. Кампанелла — монах, исповедник, философ — знает, как выглядит это опасное пламя и что оно значит. Вот человек, природу которого сумели извратить. Теперь он помнит лишь одно — надо спасать свою бессмертную душу. Не думает, что губит других людей, ввергая в тот ад, через который прошел сам, посылает их на эшафот, с которого свели его. Какими же ловкими софизмами действовали те, кто убедил его, что беды и боль этих других людей здесь, на земле, ничто по сравнению с гибелью его бессмертной души, по сравнению с вечными муками в аду? Да есть ли они, эти вечные муки? Никто не пришел оттуда, чтобы подтвердить это. Неужто ты мог поверить, что милосердный бог создал сам или позволил дьяволу построить ад, снабдить его котлами с кипящей смолой, раскаленными сковородами, серным пламенем, что у бога такая палаческая фантазия? Стиснув зубы, стараясь, чтобы на лице ничего не отражалось, он выслушивает то, что говорит Мавриций. А тот говорит правду.

Мавриций говорит правду. Но Кампанелла давно решил: несправедливым судьям он не обязан отвечать. У него есть высший долг. Перед калабрийцами. Перед людьми, поверившими его призывам. У него есть долг перед республикой — великой, мудрой, свободной, справедливой. Во имя тех, кто пошел за ним, чтобы освободить родную землю, чтобы начать от подножия горы Стило поход, цель которого — эта республика, он в сотый раз скажет: «Нет!»

Спокойно посмотрев на Мавриция, Кампанелла громко, отчетливо, ясно сказал:

— Нет! Ничего этого не было!

Очная ставка ничего не дала судьям.

Когда председатель трибунала доложил вице-королю о результатах очной ставки, ему пришлось выслушать немало язвительных упреков. Не суметь заставить сознаться преступника, против которого есть неопровержимые показания! Он не потерпит, чтобы правосудие в вице-королевстве превращалось в посмешище! Прикажете самому заняться вашими делами?

Кампанелле решили доказать, сколь напрасно его упорство. Последовали одна за другой очные ставки с теми, кто не устоял, не выдержал пытки или страха. Смотреть на сдавшихся и слушать их показания нестерпимо. Они все казались ему на одно лицо. Они спешили с ответом, не дожидаясь, покуда вопрос будет задан. В их голосах слышалась беспокойная неуверенность — они старались угадать, что от них ждут. Сломанные люди! Они до самой смерти будут страшиться праведной мести других заговорщиков, новой немилости святой службы. Кампанелла понимал — они заслуживают презрения и гнева. Со спокойной совестью называл он их показания ложью, а их клеветниками. И все-таки ему жаль этих людей, у которых не осталось той единственной отрады, которая остается у человека в положении безвыходном: погибая сам, он никого не предал.

Кампанелла решил ничего не менять в своих показаниях. Возвращаясь в камеру, он думал, как сделать, чтобы в той прекрасной и справедливой республике, ради которой было начато все это, с людьми не могло происходить ничего подобного. Будущее государство, о котором мечтает узник Томмазо Кампанелла, станет великой семьей. Все сверстники в нем будут называть друг друга братьями, а тех, кто старше их на двадцать два года, — отцами, тех же, кто на двадцать два года моложе, — сыновьями.

Бессмысленно думать об этом. Но если гнать такие мысли от себя, черная тоска охватит душу. Он не может дышать, если у него нет цели. Пока он жив, он будет думать о справедливом и разумном устройстве жизни.

Надо представить себе, в чем проявится великое дружество людей будущего государства. В помощи, оказываемой друг другу на войне, если их свободная родина подвергнется нападению. Дружество укрепит их ряды. Если один из них заболеет или окажется в беде, ему помогут все. Они станут соревноваться в науках, взаимно и щедро делясь знаниями. Дружество будет в приветливых словах, которыми каждый с радостью одарит другого. Они станут охотно одалживать друг другу необходимое, а пуще всего — обоюдно помогать в исполнении обязанностей, которые налагает на каждого жизнь. Как назвать их, людей, о которых он мечтает? «Соляриями» — «солнечными людьми» — жителями Города Солнца. Среди соляриев не будет ни разбоя, ни коварных убийств, ни насилий. Они станут осуждать и преследовать неблагодарность, злобу и гнев, небрежение и неуважение друг к другу, надменность, лень и пуще всего — клевету. Ложь будет для них ненавистнее чумы. Как непохожа его мечта на окружающую жизнь с ее завистью, своекорыстием, наушничеством, предательством! Чем так испорчен род человеческий? В чем корень зла? Чтобы выкорчевать его, надо разгадать эту печальную тайну, а потом объяснить другим.

Кампанелла ищет ответа. Неравенство! Вот причина всех зол. Во всем мире существует великая несправедливость: одни бедны, другие богаты. Так было всегда. Об этом же пелось в калабрийских песнях. Когда появляется на свет богач, говорится в них, у него уже есть богатые родители. Бедняк, родившись, вступает на дорогу бед и лишений. Когда умирает богатый, ставят золотой крест, а бедному — крест деревянный.

Неравенство! Худшее из зол. Оно порождает все беды и пороки. Если бедняк судится с богатым, он не дождется справедливости: его непременно отправят в изгнание или засадят в тюрьму.

Бароны в Неаполе расточают там все, что имеют, а вернувшись домой, начинают сызнова грабить бедняков, подвластных им.

Корень всех зол — неравенство. Но как устранить его? Вот мысль, к которой возвращается Кампанелла долгими днями и бессонными ночами. Он еще не нашел ответа. Ответ возникает перед его умственным взором, как блуждающий огонек во тьме. Возникает и манит, чтобы снова исчезнуть во мгле.

На очные ставки с теми, кто сломался и начал давать показания, вызывали и Дионисия. Тот упорно все отрицал. Дионисий в жалких тюремных отрепьях еще больше сходствовал с апостолом давних времен. Говорил медленно, спокойно, уверенно. Только огромные руки комкали край одежды. Кампанелла догадывался, что Дионисий ни в чем не признается.

Однако тут произошли важные события. Доменико Петроло, который в Калабрии первым сознался, что принимал участие в заговоре, и рассказал все, что знал, теперь окончательно понял, какую беду навлек на друзей, и, терзаясь раскаянием, говорил, что наложит на себя руки. Дионисий убедил его, что исправить зло, им содеянное, надо не самоубийством, а отказом от прежних показаний. Кампанелла обращался к нему в стихах как к другу, говорил, что верит его мужеству. И слабый, сломленный человек вдруг объявил трибуналу, что все сказанное им в Калабрии — ложь. Его показания вырваны у него обманом, посулами, угрозами. Узники, видевшие его в тот день, когда он отрекся от прежних показаний, едва узнали Петроло: скорбная складка, прорезавшая его лоб, исчезла, он улыбался! Кампанелла передал, чтобы никто не вздумал попрекнуть Петроло прошлым: все забыто, все прощено, он снова вошел в их чистое братство.

Однако судьи услышали в голосе Петроло, когда он отказывался от показаний, чуть заметную трещину. Он говорил громко и напористо, словно сам себя подхлестывал, пытаясь заглушить свой собственный страх. Пытать? Успеется. Пока что Петроло отправили в подземный карцер. Там он скоро потерял ощущение времени. Тюремщик, который оборудовал в Кастель Нуово этот карцер, назвал его «ямой для крокодилов». Название он объяснил так: «Тут даже крокодил либо заговорит, либо сдохнет!» Судьи подобрали ключ к Петроло. Бесценная вещь опыт! Петроло не умел оставаться смелым наедине с самим собой. Когда не с кем было поделиться своими страхами, не от кого получить поддержку, он сдавался. Темнота и одиночество ввергли его в ужас.

Спустя некоторое время Кампанелла и Дионисий узнали — Петроло отрекся от своего отречения и подтверждает прежние показания. Мало того, он обвинил Дионисия и Кампанеллу, что они заставили его отказаться от показаний, данных прежде. Дионисий негодовал. Своими руками убил бы негодяя! Кампанелла не удивлялся. Он знал — тот, кто делает одну уступку судьям, превращается в каплю воды на крутой крыше — не может удержаться, катится по наклону дальше и дальше, пока не разобьется в последнем падении.

Вслед за Маврицием де Ринальдисом и Петроло стал давать показания Чезаре Пизано. Его должны были казнить вместе с Маврицием и вместе с ним увели живым с эшафота. Теперь он покорно отвечал на все вопросы судей. Вся тактика защиты, которой придерживался Кампанелла, рушилась. Кампанелла отчаянно старался вдохнуть мужество в тех, кто еще не сдался. Он написал стихи о муках, выпавших на их долю, как о великом благе. Муки эти, утверждал он, превращают их в пророков и подтверждают святость их дела. Их гибель — цена за освобождение человечества. Ради счастья рода людского стоит заплатить такую цену! Но утешатся ли его друзья тем, что их мучительная гибель — залог освобождения мира? Ведь и его самого терзают сомнения: может ли утешить человека торжество его дела в будущем, или стоит предпочесть мирное счастье в земной жизни?

Среди этих раздумий за Кампанеллой пришли стражники. Обычно на прежние допросы его вели. И стражники нередко по дороге переговаривались с ним. Но на сей раз стражники не вели его, тащили, грубо заломив руки за спину:

— Куда вы меня ведете?

Ему не ответили. Мелькнули лица заключенных, надзирателей. Он ловил на себе взгляды испуганные, любопытствующие, встревоженные. Решился крикнуть в надежде, что его слова передадут Дионисию:

— Меня уводят!

Один из стражников заткнул ему рот грязной потной ладонью.

Кампанелла пришел в себя от холода. Тело ныло. То ли его избили, то ли он упал. Где он? Вокруг черная темнота, сырость, пронизывающий холод. Вонючая жижа покрывала каменный пол, доходя до щиколоток. Он бос и полураздет. Ноги закованы в кандалы. От них цепь к стене. «Яма для крокодилов»! Он там, где сломался Петроло. Может быть, сюда донесется колокольный звон, по которому можно определить время? Нет, колоколов не слышно. Ничего не слышно, кроме капель, размеренно падающих с потолка. Сказали ему — надолго ли он брошен сюда? Его могут продержать здесь несколько часов. Сутки. Неделю. Могут вообще забыть здесь. Нужно быть готовым ко всему. Непроглядная тьма. Холод. Сырость. Боль во всем теле. Зловоние. Не на что лечь. Не на что сесть. Кандалы натирают ноги. Невидимый потолок сейчас обрушится на голову. Тьма. Холод. Сырость въедается в кожу. Тело бьет озноб. Голова кружится. Сердце сжимает острая боль. Заполняет грудь. Мешает сделать вдох. Отдает в руку. Мысли путаются. Нечем дышать. Прилечь бы. Хотя бы присесть. Передохнуть. Разве можно так мучить человека? Разве можно?.. Постепенно сквозь

ужас, который, как знали судьи, внушает людям непроницаемая тьма, сквозь холод, боль, голод стали пробиваться другие мысли. Привычные для Кампанеллы. Последнее время занимавшие его все больше и больше. Человек сильнее обстоятельств, даже самых страшных. И в кромешной тьме, и на цепи можно остаться самим собой, все превозмочь силой духа, как превозмог свои муки Прометей, прикованный к скале, терзаемый орлом. Превозмог, зная, что страдает во имя людей, превозмог, потому что любил людей и презирал своих мучителей.

Если он выйдет отсюда, он напишет стихи о Прометее. Он докажет... Кому? Кому? Себе! Он давно задумал философское сочинение о способности человека вопреки страданиям не отрекаться от себя. Воля человека свободна. Он сам определяет свою судьбу. Судьи предоставили ему возможность проверить этот тезис на себе.

Минуты просветленной мысли, — а может быть, то были часы, — сменялись минутами, — а может быть, часами, — когда он не ощущал ничего, кроме холода, голода, боли, страха от давящей темноты. Так должен чувствовать себя заживо погребенный. Несколько раз он терял сознание и приходил в себя, лежа в грязной жиже, покрывающей пол. Наверху светит солнце. Там можно набрать полную грудь воздуха. В камере сухой тюфяк, одеяло. Там есть книги. Молитвенник. Там люди. Там слышен бой колоколов. Что отделяет его от всего этого? Железная цепь. Ее немедленно снимут. Каменные ступени. По ним тут же разрешат подняться. Тяжелая дверь. Ее поспешно отворят. Если он, когда здесь появится надзиратель, произнесет четыре кратких слова: «Я хочу сделать признание!»

И помчится сломя голову надзиратель: Кампанелла хочет сделать признание! И разнесется по Кастель Нуово весть: Кампанелла хочет сделать признание! Эти слова разомкнут кандалы и запоры. И его поведут в камеру. Ему дадут вымыться, чтобы судьям не дышать смрадом. Ему дадут одеться. Его досыта накормят. На него не будут кричать. Его будут слушать. Пообещают смягчить его участь. Но в камерах, где сидят калабрийцы, померкнет свет и черная тоска овладеет душами: Кампанелла решил сделать признание. Мы погибли, и все погибло! Так нет же, господа апостолические комиссарии, так нет же, королевские судьи, нет, старательные протоколисты, нет, главные палачи и помощники палачей, нет, доносчики и наушники! Рано радуетесь! Рано радуетесь, враги! Рано печалитесь, друзья! Кампанелла заживо сгниет в этой яме, но он не доставит судьям удовольствия услышать его признание. Ему приходят на ум страшные ругательства. Он осыпает ими вице-короля и придворных прихвостней, мерзавца библиотекаря, который донес на него, а заодно всех доносчиков, наушников и предателей, начиная от Иуды до тех, кто служит трибуналу, заседающему в Кастель Нуово. Он осыпает проклятиями жалкого писаку Марту, и снова Иуду, и снова вице-короля. Ругательства иногда помогают больше, чем молитвы. И снова головокружение, обморочная слабость, боль, непереносимая боль в сердце. Сколько это длится? Сколько это еще может длиться?

Прошло несколько дней. В начале каждого заседания трибунала судьи осведомлялись: «Что Кампанелла?» И слышали в ответ: «Все то же!» В конце каждого заседания они справлялись вновь: «Что Кампанелла?» Ответ не менялся. Надзиратели докладывали, что Кампанелла уже не встает, но не могли доложить, что он намерен признаться. Что делать дальше со строптивцем? Еще два-три дня — и из карцера будет извлечен труп. А суду не нужен труп, суду нужно признание! Спросили у коменданта, сколько времени выдерживали в «яме для крокодилов» другие заключенные. Столько не выдерживал никто. Было решено вернуть Кампанеллу в камеру, записав в протокол, что он продолжает упорствовать в отрицании своей вины.

В феврале в Неаполе чувствуется весна. Во дворах Кастель Нуово между каменными плитами пробивается молодая трава. Жены тюремщиков возятся на огородах. Дети играют на весеннем солнце. Вот-вот зацветет миндаль.

Кампанеллу выводят на прогулки. Он приходит в себя после «ямы для крокодилов». Очень медленно. Он сильно кашляет. От каждого толчка кашля в боку возникает царапающая боль. Погреться бы на калабрийском солнце, все бы прошло. У Кампанеллы распухли суставы. Он страшно исхудал, и походка его стала неверной. Все, что говорит о наступающей весне — теплый луч солнца, полет птиц над головой, запах почек, волнует его как никогда. Тюремный двор, где растет несколько пиний и пробивается трава, кажется прекрасным. Согретая солнцем, озаренная светом блаженная передышка! Надолго ли?

Вокруг эшафота, сооруженного во дворе, когда собира-

лись казнить Мавриция, снова появились мастеровые. Дотошно проверяли, прочно ли стоит столб виселицы, снова громоздили на эшафот плаху. Виселица и плаха для Мавриция. Стоя на скамье с петлей на шее, Мавриций кого-то искал взглядом, а когда нашел, начал было говорить, но палач выбил скамейку из-под его ног.

Кампанелла отринул Мавриция от своего сердца. Но все-таки после казни думал о том, как подло поступили с Маврицием. То, что он сделал, он сделал ради спасения души. А тело его после позорной казни не похоронят в священной земле, а зароют на свалке. Бедный Мавриций свято верил в силу обрядов, заупокойных молитв, освященной земли, посмертных месс. Если бы он знал, что его лишат этого, может быть, он не пошел бы на признание. Тогда все могло бы повернуться иначе. Бессмысленно теперь ломать над этим голову.

В феврале трибунал, заседавший в Кастель Нуово, получил из Рима разрешение пытать Кампанеллу. Кампанелла был очень слаб после «ямы для крокодилов». Как вести себя дальше? После показаний Мавриция, Петроло, Пизано отрицать все бессмысленно. Надо менять тактику.

По камерам разносилась весть: Кампанелла под пыткой начал давать показания. Он перестал отрицать, что ставилось ему в вину и о чем уже говорили другие, но пытался истолковать свои действия как направленные на благо Испании; утверждал, будто калабрийский заговор имел в виду помочь возвышению Испании; твердил, что во всех своих словах и делах оставался верен святой церкви, цитировал богословские тексты, говорил о предзнаменованиях, утверждал, что, поскольку он все это повторяет под пыткой, слова эти — сама истина.

Поймут ли друзья, что означают его полупризнания? Найдет ли он способ объяснить им, что силился оттянуть время, придумать новый способ защиты, запутать судей? Ведь он не сказал ничего, что не было уже известно судьям. Имена? Он назвал лишь тех, кого уже не было в живых, кому ничего уже не могло повредить. Он не сдался и не сдастся. Твердить «я ни в чем не повинен» легче, чем придумывать уклончивые многословные ответы. Если его признают нераскаявшимся, его казнят. Мертвый, он ничем и никому помочь не сможет. Живой, он еще попытается бороться. Но горькая оскомина остается на губах, вынужденных отвечать судьям так, как отвечает сейчас он. Тяжко у него на душе. Тяжко и смутно. И мрачными стали его сонеты. Он сетовал в них, сколь слепа и безумна Италия. Он хотел ей добра. Почему она так жестока к нему? Бог уснул на небе, если дозволяет презренным лжецам, вырядившимся в одежды благочестия, торговать обманом и продавать истинную веру. Он написал сонет, в котором говорил о своей слабости, и другой, в котором восхвалял непоколебимое мужество Дионисия. Он говорил, что препоручает ему их общее дело и по первому слову друга готов покончить с собой.

Одно утешение даровано ему в эти тягостные дни вынужденного отступления. Брат Дионисия — священник Пьетро Понцио с первого дня знакомства восхищался поэтическим даром Кампанеллы. Пьетро Понцио тоже схвачен. Теперь, в тюрьме, он собирает все сочиненное Кампанеллой. И не просто старательно хранит его стихи, но даже, идя на отчаянный риск, передает их на волю.

Знать, что твой голос слышат на воле, немалое утешение, но Кампанелла устал. Все болезни, которыми он когда-нибудь прежде болел, дали себя знать. А сколько сил нужно на каждом допросе! Особенно когда допрос превращается в богословский диспут. Вызванный в трибунал Кампанелла однажды видит перед собой не только судей, но и ученых мужей — знаменитых теологов. Он должен говорить перед ними о том, как толкует пророчества священного писания.

О ученейшие мужи! О многомудрые и начитаннейшие оппоненты! Любопытно, сумели бы вы вести диспут, если бы ему вместо библиотеки предшествовали карцер и пытки, а завершали снова карцер и пытки! Кампанелла спокойно, осмотрительно приводит свои доводы, подкрепляя каждый из них ссылками на священное писание. Разве не предсказывает Откровение Иоанна новое царство божье на земле? И сказано там, что сему надлежит быть вскоре? Это лишь подтверждает реченое в других местах Ветхого и Нового заветов. Назвать главы и стихи? Он не ограничивается ссылкой, цитирует на память. Благодарение богу, он еще помнит все пророчества! Мало Библии? Он охотно приведет слова отцов церкви и других высоких авторитетов.

Светские судьи потеряли нить сложнейших богословских рассуждений Кампанеллы, томятся. Апостолические комиссарии, которым ход рассуждений понятен, нетерпеливо ждут, как оценят их советники-богословы. А те дали вовлечь себя в бесконечный спор. Изможденный человек в лохмотьях стоит несколько часов подряд перед сидящими и хриплым голосом спорит с ними. Он — какая наглость! — получает удовольствие от того, что может держать долгую речь, что нотарии-протоколисты едва успевают записывать его слова, а оппоненты не сразу находятся, как опровергнуть их. Дьявольская память у этого человека! Такая память сама по себе — доказательство, что дело нечисто.

Долгие прения завершились ничем. Кампанелла завел спор в такую чащу текстов и ссылок, что дотошные и добросовестные богословы, приглашенные трибуналом, признали, что его толкование пророчеств святого писания требует особого и внимательного изучения. Устного диспута недостаточно. Взгляды Кампанеллы должны быть изложены в письменном виде.

Кампанелла диктует целое сочинение, в котором излагает свое понимание библейских пророчеств, прибегает к многословным, запутанным формулировкам, но ни в чем себе не противоречит. Еще недавно все решалось тем, какие муки выдержит слабая плоть. Теперь нужны все силы ума. Затянуть время! Собраться с силами! Может быть, что-нибудь изменится. В Неаполе. В Риме. В мире. Кто-нибудь придет на помощь. «Небесный меч работает на меня»,— пишет Кампанелла в новом сонете. Скорее бы он нанес удар его врагам. Больше нет сил ждать.

Передышка резко оборвалась. В трибунале одержали верх судьи, которые упорно требовали скорейшего завершения процесса. Кампанелле объявили: суд считает свою миссию законченной — и признавшиеся и изобличенные будут казнены. Дело за последними формальностями. Он почувствовал — это не простая угроза. Решение уже принято. Судьи уже знают приговор. Им осталось облечь его в слова. Сколько времени понадобится на это? Верно, немного. Значит, все. Выбор невелик — виселица, плаха или костер.

Всю ночь Кампанелла не мог уснуть. Едва впадал в дремоту, перед ним начинали проноситься видения казней. Он открывал глаза — вокруг него привычные стены камеры. Тускло горел светильник. На стену падала неясная тень, ему вдруг казалось: кто-то огромный тянет к нему руки. Он резко вскакивал, тот вскакивал вместе с ним, карабкался на потолок, и он, задыхаясь, с тяжко бьющимся сердцем, понимал: это тень! Всего лишь тень. Надо спать. Пока можно, надо спать. В застенке минутами сильнее боли было желание спать. Ему казалось, если ему позволят проспать час, он обретет новые силы. Но палачи понимали это не хуже, чем он. Пить и есть в застенке ему изредка давали, но не спать. И вот теперь у него это благо — возможность спать. До рассвета далеко. А он не может уснуть.

Кампанелла прислоняется к холодной стене. Все, что он делал, кажется сплошной ошибкой. Все, что ему предстоит, ужасным. Какая тоска! «Уж не схожу ли я с ума?» Мысль эта ясно, отчетливо пронзила Кампанеллу. И так же ясно, отчетливо он подумал: «Вполне вероятно».

Разве не встречал он в Кастель Нуово бедных заключенных, которые от страха и мучений потеряли рассудок? Что удивительного! Понятно, что в Кастель Нуово слабые сходят с ума. Но он не слабый! И благодарение богу, не сошел с ума. Постой-ка, Кампанелла! Кажется, тебе пришла в голову спасительная мысль. Ты не из тех, кто сходит с ума. Но твои судьи этого не знают. Почему бы не внушить им мысль, что ты потерял рассудок? Надо рискнуть. Что это даст? Отсрочку. Каждый выигранный день — благо. За этот день, может быть, что-то изменится в его судьбе. А может быть, ему удастся придумать, как изменить ее. За лишний день можно сложить в уме еще одно стихотворение, обдумать еще одну страницу трактата. Еще один день дышать. Еще один день смотреть на небо. Еще один день жить. На свободе Кампанелла встречал людей, которые не знали, как убить время. Убить время! Каждая частица его бесценна. Ему никогда не бывало скучно. Никогда не возникало чувство, что время тянется слишком медленно, что есть пустые минуты и лишние часы. Однако он отвлекся. Надо заставить себя додумать до конца — как сделать, чтобы судьи поверили, что он сошел с ума? Буйствовать, рвать на себе одежду, выкатывать глаза, биться о пол головой? Он не знает, сколько времени ему придется изображать помешанного — дни, недели, месяцы. А буйствовать можно несколько часов, день-два подряд. На большее сил не хватит. Кампанелла спокойно и трезво обдумывал свою последнюю ставку в опасной игре.

Окончание следует

Известный режиссер Г. А. Панфилов, постановщик фильмов «В огне брода нет», «Начало», «Прошу слова», написал сценарий «Жизнь Жанны д'Арк». Наш корреспондент А. Романов попросил Глеба Анатольевича прокомментировать отдельные места из сценария его будущего фильма.

СЕРДЦЕ ЖАННЫ

На восходе 8 мая 1429 года французское войско, высадившись на правый берег Луары, двинулось к форту Турель, ключевой позиции в системе английской осады Орлеана. Люди шли молча плотной массой. По реке плыл туман. Он полз по мосту, по траве, сквозь кусты и шеренги, укрывая идущих. Жанна шагала впереди головного отряда. Приблизившись к крепостному валу на расстояние чуть более полета стрелы, воины остановились. Крепость, казалось, вымерла — на высоких стенах никого не было видно. Жанна вышла вперед, туда, где стояло сломленное ядром дерево. Сложив ладони у рта, Жанна закричала в сторону крепости:

— Эй, Гласидас! Гласидас!..

— Правильно будет Гласдаль, сударыня,— заметил кто-то из свиты.

— Да, да, Гласдаль, — кивнула она и продолжала: — Гласидас, сдавайся! Подумай о своих солдатах! Зачем лить кровь?! Это говорю тебе я, Жанна — Дева из Лотарингии! Отвечай, я жду!

— Убирайся прочь, ведьма! — выкрикнули со стены. — Только попадись, мы тебя сожжем!

— Сударыня, — снова заметил один из сопровождающих, — словами их не вразумишь. Тут нужны пушки.

●

Это удивительное событие произошло 550 лет назад. Никому неизвестная 16-летняя девушка, родившаяся в деревне Домреми на востоке Франции, сумела убедить короля дать ей войско и выступить против осаждающих Орлеан англичан. Жизненным опытом ее были лишь безотрадные крестьянские будни. Деревушку, прилепившуюся к реке Маас, зимой продували сильные ветры, окутывали густые туманы. Жанна всегда вспоминала крючковатые сучья дубов, чернеющие на фоне ослепительного снега. Зато весной здесь шумело буйное разнотравье, долина переливалась цветами. Но в ту далекую весну 1429 года Жанна д'Арк была далеко от родной деревни. Перед ней высились крепостные валы и ворота Орлеана. Обнажив меч, юная крестьянка перед началом битвы обратилась к воинам: «Все, кто верит в меня, за мной!»

Миниатюра XV столетия.

Летели вражеские ядра, стрелы. Одна попала в Жанну, пробила панцирь, задела правую ключицу и на пол-ладони вошла в грудь. Истекая кровью, Дева из Лотарингии продолжала руководить боем.

Образ Жанны д'Арк привлекал меня давно. В фильме «Начало», герои которого — наши современники, заводская девушка Паша Строганова, попав на киносъемочную площадку, самозабвенно играет такую же, по ее словам, как и она, героиню из народа. Ее Жанна д'Арк решительна, бескорыстна, мужественна, думает не о себе, но об отечестве, которое в опасности. Простая крестьянка из Лотарингии, не ведавшая о существовании стратегии, тактики, дипломатии, одержала победу над хорошо вооруженным и обученным противником. Во Франции, собирая материал, я слышал компетентные отзывы многих специалистов — от историков до кинопродюсеров. Мой сюжет — русская версия на французскую тему.

Особую помощь мне оказал известный историк Герой Социалистического Труда академик С. Д. Сказкин. Пользуясь случаем, хочу вкратце изложить высказанные им мысли. Бессмертный подвиг Жанны д'Арк — одна из «вечных тем» в науке и искусстве, заключающих в себе возможности раскрытия идейного и нравственного наследия. До сих пор вокруг вопросов, связанных с жизнью и подвигом героини французского народа, не прекращаются споры. Реакционная буржуазная историография создала клерикально-монархическую легенду о «святой Иоанне», ниспосланной божественным провидением для спасения французского престола. В работах советских и прогрессивных зарубежных историков вскрыты корни «феномена» Жанны, показано, что он представляет собой наиболее яркое и полное воплощение того общенародного сопротивления иноземным захватчикам, которое развернулось во Франции на переломном этапе Столетней войны.

●

Кровь, не переставая, струилась из глубокой раны.

— Надо остановить кровь,— сказал д'Олон.

— Кровь надо заговорить, — произнес паж Людовик де Кут.

— Нет, — сказала Жанна, — я не согласна.

— Это единственный способ, — возразил паж, — умоляю вас, сударыня!

— Я не согласна, — повторила Жанна.

Рабочие моменты съемок фильма «Начало». Фото Н. Гнисюка.

— И я не согласен! — раздался знакомый голос.

— Теофраст! — воскликнула Жанна.— Ты?!

— Кажется, я успел вовремя, — произнес подошедший.— Кто это вас посмел тронуть, сударыня?

Теофраст ловко осмотрел рану, кивнул своим ученикам. Один открыл походный сундучок, другой быстро достал оттуда кусок мягкой ткани, смочил в масле и, дважды макнув в какой-то порошок, протянул учителю.

— Я, наверное, умру? — спросила Жанна.

— Чепуха! — ответил Теофраст.— От такой ерунды не умирают. Щипцы! — крикнул он.

— Это зачем? — насторожилась раненая.

— Увидишь!

— Я сама!

— Нет уж, потерпи, это мое дело...

Точным движением он извлек из глубокой раны железный наконечник. Жанна молча перенесла боль.

Рисунок на парламентском регистре.

— Ну и Дева, ну и молодец,— похвалил ее Теофраст, накладывая повязку. — А то — умру!.. Да где это видано, чтобы такая резвая кобылка от какой-то царапины умирала?

Жанна нахмурилась. Когда боль немного поутихла, она сказала врачевателю так, чтобы не слышали остальные:

— Что это вы, сударь, себе позволяете?

— А что? — удивился Теофраст.

— А то, что надо быть поучтивей! Я вам не кобылка, сударь! И мы с вами не в деревне. Д'Олон, бери мое знамя и вперед! Солдаты должны видеть его... Все по местам! — приказала она, обращаясь к свите. — Передайте солдатам, что Дева совсем здорова и скоро будет среди всех! Поживей! Что за кислые лица? Вперед, вперед!

●

В сценарии для меня очень важно было показать, как созрела решимость Жанны, почему она была убеждена, что спасет Францию. Поразительная страстность сопровождала ее поступки, их отличала и редкая последовательность. К этому надо добавить преданность делу, доброе, человечное отношение к храбрым воинам и непримиримость, презрение, безжалостность к трусам и дезертирам.

Сложен и неоднозначен образ Теофраста, средневекового врача и алхимика. Где-то и в чем-то он эпикуреец и циник. Но это, бесспорно, еретик, отвергающий и бога и дьявола, признающий точные, конкретные знания, нужные людям. Стихийный материалист и атеист, он повлиял на Жанну. Но и она на него тоже. По-моему, образ Теофраста важен для объяснения поступков победительницы битвы под Орлеаном, ибо согласно многим версиям и толкованиям кто-то мудро помогал, подсказывал ей. При их первой встрече Теофраст, узнав о желании деревенской девчонки освободить свой народ от поработителей и наказать предателей, иронически замечает, что можно прийти во дворец, сказать королю, будто бы ей, Деве из Лотарингии, суждено исполнить эту миссию.

●

— Пожалуй?! — живо откликнулась Жанна. — А что потом?

— Потом король даст тебе войско, и ты спасешь Францию! — рассмеялся Теофраст.— Проще простого!

— Проще не бывает! — рассмеялась Жанна. И, утихнув вдруг, она о чем-то задумалась. Потом, усмехнувшись, медленно произнесла:

— А что, совет ваш, сударь, недурен. Я, пожалуй, так и сделаю. И король даст мне войско.

— Ты шутишь?

— Ничуть, я для этого рождена. Прощайте!

Теофраст застыл и долго смотрел ей вслед.

●

Весной 1429 года в парижском парламенте появился рисунок, нацарапанный пером. На полях парламентского регистра была изображена женщина, держащая в одной руке знамя, другую положив на рукоять меча. История не сохранила больше прижизненных портретов Орлеанской Девы. Рисунку этому предшествовало победоносное освобождение французами Орлеана. В тот день, ровно полтысячелетия плюс полвека назад, уже теснившие противника англичане вдруг снова увидели рядом с белым знаменем Жанну в доспехах, с поднятым над головой мечом.

— Остановитесь,— кричала она солдатам, — не показывайте спину врагу! Все, кто верит в меня, за мной!

Видя ее невредимой и впереди, начавшие было отступать французы снова устремились на приступ. Английский капитан Гласдаль, сжимая в руках меч и знамя, отходил последним. Глядя в сторону противника, он, возможно, задавал себе вопрос: хитростью, колдовством или мужеством смогла Дева снова бросить на штурм своих воинов? Когда последние из отступавших переходили через горящий мост, обуглившиеся бревна проломились и рухнули в Луару. Вот так 8 мая 1429 года была одержана решающая победа в освобождении Орлеана — событие, к которому с таким нетерпением стремилась Жанна и в честь которого благодарный народ назвал ее Орлеанской Девой.

●

Утром монсеньер Реньо де Шартр, архиепископ Реймсский, сообщил королю:

— Ваше величество, Дева покинула двор!

— Как, когда?! — воскликнул король.

— Сегодня, на рассвете... С отрядом вашего кузена герцога Алансонского.

— Вернуть! Нам не нужны ее победы, хватит!

— В таком случае, ей не нужно мешать, сир, — произнес архиепископ. — Пусть идет.

— Не понимаю...

— У нее ничтожный отряд...

— Сколько?

— Шестьсот копий.

— И с таким отрядом на Париж? Это же безумие.

— Это конец, сир.

Прошло совсем немного времени, и архиепископ Реймсский докладывал королю, что французское войско отброшено и потерпело поражение.

— Дева не побоялась сражаться даже в день божьего праздника!

— Где она теперь? — спросил король.

— На пути в Компьень, ваше величество.

— Но, помилуйте, зачем?

Фрагмент одной из гравюр.

— Спешит на помощь осажденным...

— Безумная! О чем она только думает?!

— О Франции, ваше величество. о чем же еще?..

— Вернуть!

— У нее много приверженцев, сир. Могут начаться волнения, нас не поймут...

— Неслыханно! Неужели ее никто не остановит, гордячку?!

— Никто... Разве что смерть, — задумчиво добавил архиепископ.

●

Да, в те далекие от нынешней действительности дни крестьянская девушка стала символом, инициатором знаменательных событий. Время показало, что популярность и слава народной героини в истории Франции беспрецедентны.

В 1920 году католическая церковь причислила «кроткую мученицу Иоанну» к лику святых. А спустя почти полстолетия на одном из каннских кинофестивалей специальную премию получил фильм французского режиссера Робера Брессона «Процесс Жанны д'Арк». Многое из хроники XV века безвозвратно кануло в лету, но кое-что сохранилось. В ту давнюю пору императорам, королям, «другим государям всего христианского мира» было послано пространное изложение истории «некоей колдуньи, появившейся недавно во французском королевстве и понесшей только что наказание за свои преступления». В послании подчеркивалось, что судили ее за ересь и ведовство. «Столь ясный пример покажет всем верующим христианам, что нужно следовать учению церкви и наставлениям прелатов, вместо того чтобы внимать выдумкам женщины, погрязшей в ложных суевериях», — писали папе и коллегии кардиналов те, кто вел процесс в Руане.

●

К месту, на котором сожгли Жанну, утром следующего после казни дня пришли Теофраст и двое его учеников. Они изрядно отощали, заросли и обносились. Чувствовалось, что путь они проделали большой и нелегкий. Мимо, по площади рынка, сновали первые торговцы и покупатели. Начинался новый день. Лишь огромное черное пятно на опаленной земле да старик, собиравший остатки золы и пепла, напоминали о случившемся здесь.

— Вот она жизнь, учитель: еще не убрали пепел, а люди уже торгуют.

— Жизнь берет свое, — ответил Теофраст.

— Говорят, сердце ее не сгорело.

— Ведь я же предупреждал ее — живи незаметно, Жанна, живи незаметно, — продолжал Теофраст,— не послушала...

— Это ты погубил ее, учитель, ты! — неожиданно произнес один.

— Ты спятил! — воскликнул Теофраст.

— Нет, учитель, он в своем уме, — поддержал товарища другой. — Ведь ты посоветовал ей идти к королю.

Теофраст ответил не сразу. Он помолчал, подумал, потом медленно произнес:

— Вы льстите мне. Если бы все было так, я был бы счастлив. Потому что сам бы считал себя причастным к ее подвигу. На самом же деле я пошутил, а она взяла и сделала.

Живой облик ее сотрется, исчезнет. Зато память о ней и о ее победе сохранится навсегда.

Теофраст умолк. Все громче и громче раздавался галдеж на рыночной площади.

— Может быть, ты и прав, — ответил Теофрасту один из учеников.— Я понял одно: пример Жанны сильнее, чем все проповеди в мире. Я понял это, и никакая сила меня не поколеблет!

●

Даже сегодня трудно без волнения воспринимать смысл ужасающего вердикта: «Во имя господа, аминь... Мы, Пьер, божьим милосердием епископ Бовеский, и брат Жан Леметр, викарий преславного доктора Жана Граверана, инквизитора по делам ереси... объявляем справедливым приговором, что ты, Жанна, в народе именуемая Девой, повинна во многих заблуждениях и преступлениях... Мы решаем и объявляем, что ты, Жанна, должна быть отторжена от единства церкви и отсечена от ее тела, как вредный член, могущий заразить другие ее члены», — зачитывал приговор епископ Кошон.

Трагическая гибель народной героини на костре инквизиции положила начало ее бессмертию. В 1792 году бронзовую статую Жанны, стоявшую у одного из орлеанских мостов, перелили в пушку, названную ее именем и стрелявшую в боях. Через полтора века имя Жанны д'Арк носили партизанские отряды, сражавшиеся с фашистами, его с гордостью повторяли мужественные борцы Сопротивления. Часть души, каждый по-своему, отдали ей в творчестве Шиллер и Франс, Твен и Шоу, Энгр и Гоген, Гуно и Чайковский, Ануй и Фейхтвангер. Во Франции годовщина победы под Орлеаном ежегодно отмечается как день Жанны д'Арк.

«Патриотизм простых людей, — подчеркивал Морис Торез, — патриотизм Жанны д'Арк — французской крестьянки, покинутой ее королем и сожженной церковью на костре, пронизывает нашу историю как яркий луч света».

Один из памятников Жанне д'Арк.

Загреб — столица Социалистической Республики Хорватии — важный промышленный и культурный центр СФРЮ.

СФРЮ: ОБЩЕСТВО И ЦЕРКОВЬ

Н. ДОЛГИХ, кандидат исторических наук

В многонациональной Югославии исторически возникло сложное переплетение религий, которое наложило свой отпечаток и на национальные традиции. Верующие в Сербии, Черногории и Македонии исповедуют в основном православие, в Хорватии и Словении — католичество, в Боснии и Герцеговине — ислам, православие и католицизм. Причем большинство югославских мусульман — славянского происхождения и проживают они преимущественно в Боснии и Герцеговине, а также в других республиках. Кроме того, в автономном крае Косово живут мусульмане-албанцы, а в Македонии — мусульмане-турки. По переписи 1953 года православные среди югославских верующих составляли примерно 48 процентов, католики — 36, мусульмане — 14, протестанты — 1 процент. Всего в стране насчитывается более 30 религиозных объединений разной численности, потребности которых обслуживают около 20 тысяч священнослужителей. На 11 богословских факультетах, в высшей богословской школе и 30 семинариях обучаются примерно три тысячи человек.

Как и для других социалистических стран, для СФРЮ характерен процесс, с одной стороны, освобождения общественной и культурной жизни из-под влияния религии, а с другой — постепенного создания таких объективных условий, при которых не возникали бы конфликты на этой почве. Социалистическое государство с уважением относится к религиозным чувствам верующих и законодательно гарантирует гражданам свободу совести и вероисповедания. Все конфессии равны перед законом, и все граждане, независимо от их отношения к религии, имеют равные права и обязанности.

Отношение государства в СФРЮ к религии и церкви вытекает из принципиальной позиции, которую занимала в этом вопросе Коммунистическая партия Югославии (КПЮ) с момента ее основания в 1919 году, в период народно-освободительной борьбы против фашизма и во время социалистической революции, а также в послевоенный период.

В королевской Югославии, где вероисповедание почти совпадало с национальностью, церковь активно выступала на стороне правящих кругов в их борьбе против революционного движения трудящихся, против КПЮ, против распространения научного материализма. Духовная иерархия стремилась использовать религиозные различия для разжигания националистических страстей, чтобы отвлечь внимание трудящихся от решения насущных социальных проблем.

В трагические дни апреля 1941 года, когда страна была захвачена и расчленена фашистскими агрессорами, КПЮ оказалась единственной политической партией, поднявшей югославские народы на борьбу против оккупантов.

Захватчики и их пособники разжигали национальную и религиозную вражду. Так, создавая «этнически чистое» «Независимое Хорватское государство», усташи — члены клерикал-фашистской националистической организации притесняли и уничтожали сербов и другое нехорватское население, выселяли его из Хорватии, Боснии и Герцеговины. Оказывая прямую поддержку оккупантам и усташам, католический архиепископ А. Степинац связывал будущее своей церкви в Хорватии с существованием «Независимого Хорватского государства». Католические священники в большинстве своем служили оккупационно-усташскому режиму. Церковь, поощряемая Ватиканом, при поддержке усташей насильственно обращала сербов в католичество, а мусульман усташи натравливали на православных. В свою очередь банды сербских монархистов преследовали всех неправославных.

КПЮ сплачивала в антифашистской борьбе всех трудящихся, всех патриотов независимо от их национальности и веры под лозунгами Народно-освободительного фронта: «Смерть фашизму — свобода народу!», «Братство и единство!» В ходе народно-освободительной борьбы против фашизма в стране совершалась социалистическая революция.

«...На наших знаменах с начала войны был начертан лозунг братства и единства, — говорил впоследствии И. Броз Тито. — С этим лозунгом мы двинулись с пролетарскими бригадами в Западную Боснию. Еще когда мы пришли в район Фочи, мы стали очевидцами ужасной картины: мы увидели, как Дрина несла трупы мусульман, которых зарезали четники. Они убивали всех, кто был ростом выше винтовки. И усташи точно так же убивали людей и бросали их в шахты. Мы не дали продолжать делать это. Благодаря нашему приходу люди поняли — и сербы, и мусульмане, и хорваты, — что то, что делалось до этого, является величайшим злом и что надо идти другим путем. Мы, таким образом, воспитывали братство и единство, скрепляя это своей кровью»[1].

[1] И. Броз Тито. Избранные статьи и речи. М., 1973, стр. 630.

Свою принципиальную позицию по отношению к религии и церкви, признание свободы совести, равноправия граждан независимо от их отношения к религии КПЮ выражала неоднократно. Первым документом, в котором нашли отражение принципы свободы совести и вероисповедания как неотъемлемая часть прав граждан рождавшейся тогда новой Югославии, стало руководство «Задачи и устройство народно-освободительных комитетов», изданное Верховным штабом Народно-освободительной армии Югославии в Фоче в феврале 1942 года. На своей I сессии Антифашистское вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ) уделило внимание осуществлению права граждан на свободу совести и отправление религиозных культов. Практической стороной этого вопроса стал заниматься религиозный отдел Исполкома АВНОЮ. На II сессии АВНОЮ (1943 г.) были сформулированы основные принципы в области общественной, социальной, хозяйственной, культурной и религиозной жизни.

В свою очередь патриотически настроенные священнослужители не остались в стороне от призыва КПЮ сплотить все силы народа на борьбу против фашистских агрессоров. В ноябре 1942 года в Сербской Ясенице состоялась I скупщина православного духовенства, обратившаяся к верующим с призывом принять активное участие в народно-освободительной борьбе. Участвовавшие в войне священнослужители различных вероисповеданий пользовались авторитетом среди бойцов и населения, их нередко избирали в органы народной власти.

С первых же дней освобождения страны КПЮ стремилась обеспечить единство верующих и неверующих в строительстве нового общества, их участие в коренных социально-экономических преобразованиях, выдвинув вместе с тем задачу постепенного преодоления религиозных предрассудков и формирования у всех трудящихся научного, материалистического мировоззрения. Эта задача нашла свое отражение и в программных документах Союза коммунистов Югославии (СКЮ). Процесс привлечения верующих к строительству новой жизни протекал в благоприятных условиях, потому что уже в ходе народно-освободительной борьбы многие из них пошли за партией, одобряли и поддерживали ее политику.

Что же касается церковной иерархии, то здесь дело обстояло сложнее. Народную власть поддержали, за малым исключением, представители тех конфессий, деятельность которых в довоенной Югославии была запрещена. Нормализации отношений между церковью и государством, однако, препятствовали руководители тех религиозных объединений, которые занимали до войны или в период оккупации привилегированное положение. В своей борьбе против народной власти реакционные клерикальные круги действовали заодно с внутренней и империалистической реакцией, помогали недобитым бандам усташей и четников.

На встрече с представителями католического епископата в Загребе (июнь 1945 г.) И. Броз Тито заявил, что отношения между государством и церковью будут регулироваться в духе Декларации Временного народного правительства Демократической Федеративной Югославии от 9 марта 1945 года, провозглашавшей права и свободы граждан, в том числе и свободу вероисповедания. На этой встрече были рассмотрены отношения между католической церковью и государством и выдвинуто требование, чтобы ее служители лояльно исполняли свои функции.

О процессе размежевания среди католического духовенства свидетельствовало стремление ряда его представителей к нормализации отношений с народной властью. Это имело немаловажное значение, так как и после освобождения страны А. Степинац, все еще возглавлявший тогда хорватский епископат, используя свое высокое положение и авторитет церкви, вместе с частью высшего духовенства продолжал антинародную деятельность. Стремясь объединить всех врагов государства, развязать в стране гражданскую войну и с помощью империалистов уничтожить завоевания народно-освободительной борьбы и социалистической революции, Степинац и его окружение укрывали от справедливого возмездия не успевших бежать за границу усташских преступников, сколачивали из них террористические группы. Однако эти попытки потерпели провал, а Степинац был осужден за сотрудничество с оккупантами и их пособниками. Отношения ФНРЮ с Ватиканом были прерваны в 1952 году из-за открытого вмешательства его представителя во внутренние дела страны.

Большим событием в жизни югославских народов явилось принятие в 1946 году Конституции ФНРЮ, которая провозгласила отделение церкви от государства и школы от церкви, гарантировала равенство всех перед законом независимо от национальности, расы и вероисповедания, запретила использование церкви и религии в политических целях.

Памятник павшим югославским партизанам.

После принятия Конституции группа католических священников — активных участников народно-освободительной борьбы — выступила за установление лояльных отношений с народной властью. На этой базе позднее возникло Объединение католических священников Хорватии, затем подобные объединения были созданы и в других республиках. В марте 1949 года был основан Союз объединений православных священников, который представлял интересы православной церкви в стране. Позднее были основаны аналогичные объединения священнослужителей других вероисповеданий.

В Законе о правовом положении религиозных объединений (1953 г.) были определены конституционные принципы свободы вероисповедания, права́ как религиозных объединений, так и органов власти в области отношений между церковью и государством. Наряду с этим закон запрещал использование церковной деятельности, вероучения, обрядности, конфессиональной печати в политических целях и для разжигания религиозной вражды. Уголовный кодекс предусматривает меры наказания за нагнетание национальной, расовой или религиозной ненависти, за злоупотребление религией в политических целях, а также за воспрепятствование исполнению религиозных обрядов.

На профессиональные объединения церковнослужителей распространяются и общие положения об объединениях граждан. Ныне в стране действует ряд таких объединений — Главный союз объединенного православного духовенства, включающий священников Сербской, Македонской и Румынской (на территории СФРЮ) православных церквей, объединения католических, а также мусульманских священнослужителей в отдельных республиках и другие. Эти объединения являются коллективными членами Социалистического союза трудового народа Югославии (ССТНЮ). Они издают свои газеты, журналы и книги.

В результате коренных социально-экономических преобразований в стране были ликвидированы наиболее глубокие социальные корни религии. В соответствии с Законом об аграрной реформе (1945 г.) государство экспроприировало земельные угодья церквей, монастырей и религиозных обществ. Индустриализация и урбанизация страны, рост рядов рабочего класса, массовый уход крестьян в город, их отрыв от сельских приходов, введение обязательного бесплатного обучения, общий подъем образования, науки, культуры и другие факторы создали условия для роста социальной активности граждан. Участие югославских трудящихся в органах самоуправления, в жизни трудовых коллективов обогащает их социальный опыт, обусловливает постепенную утрату церковью былого мировоззренческого и политического авторитета.

Развитие социализма разбило надежды тех представителей церковной иерархии, которые стояли за восстановление старых порядков. В католической церкви Югославии усилился процесс размежевания между теми, кто принял социализм, и теми, кто его отвергает. Клерикальные круги не могли не учитывать внутренние изменения в стране, позицию массы верующих католиков, не поддерживающих антисоциалистическую деятельность клерикалов, а также общее изменение политической ориентации католической церкви после II Ватиканского собора.

В 1966 году был подписан двусторонний протокол, урегулировавший статус католической церкви в СФРЮ на основе конституционных принципов. Он гарантировал свободу отправления религиозных обрядов и внутрицерковной жизни, указал на противозаконность злоупотребления этой свободой в политических целях, осудил все формы терроризма, что имело важное значение в борьбе против усташской и иной эмиграции, так или иначе связанной с деятельностью реакционных клерикалов. В 1970 году были восстановлены дипломатические отношения между СФРЮ и Ватиканом.

Вместе с тем религиозная ситуация в стране оставалась еще достаточно сложной. Выступая с требованием допустить участие церкви в различных областях общественно-политической жизни, реакционные клерикалы стремились отождествить религиозное с национальным, причем католицизм отождествлял себя с хорватами, православие — с сербами, а ислам — с боснийцами. Эти тенденции нередко поощрялись и из-за рубежа.

Оживлению клерикализма и национализма в их специфической форме отождествления религиозного с национальным способствовало также осложнение обстановки в стране, вызванное определенными трудностями в ее экономическом развитии. Распространение антисоциалистических взглядов не встречало противодействия, так как националистические тенденции проявлялись частично и у членов СКЮ, в том числе и у некоторых руководящих работников, и среди них — в ЦК СК Хорватии.

Главным требованием реакционных клерикалов было предоставить церкви играть политическую роль в жизни страны. Они объявили марксизм теорией, которая лишь вскрывает некоторые противоречия современного общества, но не годится для его практического переустройства. И только церковь, мол, указывает для этого единственно правильный путь «через реформу человеческих отношений».

На проблеме национальной государственности католическая печать стала особенно акцентировать свое внимание в ходе обсуждения поправок к конституции Социалистической Республики Хорватии в начале 70-х годов. Обсуждая вопросы, связанные с устройством федерации и своей республики, местные националисты подчеркивали, что именно теперь хорваты получили возможность создавать свою собственную государственность, отстаивать национальный суверенитет. Тем самым фактически отрицался весь путь социалистического развития СФРЮ как многонациональной социалистической федерации. Реализацией идеи о национальной государственности, по их мысли, и призвано было стать «массовое национальное движение» в СР Хорватии. Широко обсуждался и тезис о том, будто единственным связующим звеном югославских народов является вера в бога.

Развитие событий подтвердило актуальность предостережений И. Броз Тито о том, что «классовый враг нового общественного строя все еще пытается, особенно через некоторые круги высшего духовенства католической церкви, разобщить наши народы»[2]. Вспышка национализма с сепаратистским уклоном в Хорватии в начале 70-х годов потребовала принятия руководством СКЮ радикальных мер против сил, грозивших социалистическим завоеваниям югославских трудящихся, единству и целостности СФРЮ. ЦК СКЮ противопоставил этим негативным тенденциям повышение ведущей роли СКЮ и рабочего класса во всех областях жизни, усиление классового подхода к решению важных политических и экономических задач, упрочение братства и единства югославских народов. Коммунисты выступили за то, чтобы выбить почву из-под ног у сил, которые привели к эскалации национализма, и эти люди были удалены с политической сцены.

Будва — один из старинных городков на побережье Адриатики — излюбленном месте отдыха и туризма.
Фотохроника ТАСС

Часть клерикальных кругов попыталась представить все это как нападки на церковь. Подобные попытки были обусловлены также и стремлением нажить спекулятивный политический капитал и тем самым смягчить общий кризис, переживаемый церковью, в частности приостановить массовый отход трудящихся от религии. Вся эта кампания прикрывалась также идеями «осовременивания» церкви, которая-де стоит над государством, политикой и всей общественной жизнью.

Важное значение для народов СФРЮ имеет новая Конституция, принятая в 1974 году. Как и прежние основные законы социалистической Югославии, она гарантирует гражданам свободу совести независимо от их отношения к религии, а также отделение церкви от государства и школы от церкви, невмешательство последней в семейно-брачные отношения. Согласно статье 154, «граждане равны в правах и обязанностях независимо от национальности, расы, пола, языка, вероисповедания или общественного положения». «Вероисповедание свободно и является частным делом, — гласит статья 174. — Религиозные объединения отделены от государства и свободны в отношении религиозной деятельности и отправления религиозных культов. Религиозные объединения могут учреждать школы только для подготовки священнослужителей. Антиконституционно злоупотребление религией и религиозной деятельностью в политических целях.

[2] И. Броз Тито. Указ. соч., стр. 673.

Общественное содружество может оказывать материальную помощь религиозным объединениям. Религиозные объединения могут в предусмотренных законом пределах обладать правом собственности на недвижимое имущество. Статья 203 запрещает разжигание национальной, расовой и религиозной розни или нетерпимости.

Хотя школа в стране и отделена от церкви, дети, если того желают их родители и они сами, могут изучать вероучение.

Решающая роль в нормализации религиозной жизни принадлежит СКЮ как авангарду организованных социалистических сил. X съезд СКЮ (1974 г.) подверг критике явления национализма, фракционности, определил дальнейшие пути совершенствования системы самоуправления. В соответствии с указаниями съезда, особое внимание стало уделяться практической борьбе против реакционного идейного наследия, против старых идей и буржуазной идеологии в науке, культуре и средствах информации. Развернулась работа по марксистской переоценке и разъяснению значения и места культурного наследия в истории югославских народов.

На совещании в Исполкоме Президиума ЦК СКЮ в мае 1977 года была проанализирована деятельность религиозных объединений и задачи СКЮ в области отношений с ними. Феномен религии и связанные с ним проблемы, подчеркнуло совещание, необходимо рассматривать в свете марксистской науки и с этих позиций их решать. Было отмечено, что все конфессии приспосабливают свою деятельность к новым условиям и ищут пути для широкого проникновения в нерелигиозную среду, но особенно эти тенденции характерны для католической церкви в Словении и в некоторых других республиках. Все конфессии практикуют новые формы деятельности, пытаясь играть политическую роль в обществе, отождествлять религиозное и национальное.

В церковной прессе, говорилось на совещании, наблюдается стремление предать забвению враждебное отношение католической церкви, например в Словении, к народно-освободительной борьбе против фашизма. Тамошняя католическая печать пытается представить дело так, будто духовенство стало оказывать сопротивление фашизму и нацизму раньше, чем КПЮ подняла народ на борьбу с оккупантами и их пособниками.

Хотя совещание в целом положительно оценило роль профессиональных объединений священнослужителей, оно вместе с тем указало на различия в отношении отдельных конфессий к государству. Была отмечена успешная деятельность религиозных координационных комитетов, созданных в рамках ССТНЮ, и религиозных комиссий при органах общественно-политических содружеств в общинах, краях и республиках, которые решают вопросы, возникающие в отношениях между обществом и религиозными объединениями. Совещание с удовлетворением констатировало улучшение работы по формированию научно-материалистического мировоззрения в школах, по разъяснению молодежи политики СКЮ по отношению к религии и церкви[3].

В мае 1978 года редакция органа СКЮ «Комунист» организовала «круглый стол» на тему «Отношение СКЮ к религии, церкви и верующим в свете подготовки к XI съезду» с привлечением видных югославских ученых и общественных деятелей. В выступлениях его участников отмечалось, что хотя конфессии в своей деятельности все больше исходят из уважения норм конституции и законодательства, однако они все еще практикуют нападки на атеизм, на марксистскую направленность образования и воспитания, а также занимаются нерелигиозной деятельностью, распространяют утверждения о якобы имеющем место ограничении свободы совести, по сути подрывая тем самым политику братства и единства, равноправия югославских народов и народностей. Отмечалось, что националистические и шовинистические тенденции находят отражение в церковной печати[4].

Была также подчеркнута необходимость бороться против злоупотребления религией в политических целях, за устранение недостатков в работе общественных органов, координировать их усилия, преодолевать отставание общественных наук в изучении вопросов взаимоотношения церкви и государства, разработать долгосрочные планы культурно-просветительной, идеологической и исследовательской работы по всему комплексу проблем, связанных с религией и деятельностью конфессиональных организаций.

Социально-экономический и культурный прогресс югославского общества ведет к постепенному преодолению религиозных взглядов и формированию у трудящихся научного, материалистического мировоззрения. Доля верующих продолжает непрерывно сокращаться. Если не считать переписи населения 1953 года, в СФРЮ не ведется официального подсчета численности верующих. По данным белградского Института общественных исследований, в 1968 году примерно 39 процентов населения страны верили в бога. По мнению югославских ученых, на формирование атеистических взглядов воздействуют такие факторы, как распространение атеистического общественного мировоззрения в СФРЮ и во всем мире, влияние атеистической пропаганды, социальные сдвиги. Исследуя динамику падения религиозности в стране, югославские ученые отмечают различие между приверженностью части населения к церковным традициям и глубокой верой в бога и считают, что участие в культовых обрядах еще не является признаком религиозной убежденности. Так, в районе Загреба убежденные верующие, которые систематически исполняют религиозные обряды и участвуют в религиозных праздниках, посещают церковь, поддерживают связь со священниками, читают католическую печать, составляют не более 1 процента взрослых граждан, тогда как религиозные праздники отмечают тысячи людей.

На основе анкетных данных было установлено, что среди социальных групп населения доля лиц, придерживающихся религиозных представлений, особенно высока у крестьян старшего возраста, затем следуют неквалифицированные и малоквалифицированные рабочие и ремесленники. Среди представителей свободных профессий, квалифицированных и высококвалифицированных рабочих и служащих доля верующих невелика. Среди мужчин убежденные верующие составляют 15,5 процента, а среди женщин — вдвое больше. В бога и в загробную жизнь верят менее одной десятой опрошенных с высшим образованием; лишь около 10 процентов опрошенных моложе 33 лет верят в загробную жизнь.

Процесс отмирания религии прогрессирует в результате воспитательной работы СКЮ и других общественно-политических организаций, в особенности ССТНЮ, а также идеологических учреждений. Деятельность СКЮ направлена не на «ликвидацию» религии, как это пытается представить враж-

---

[3] «Komunist», Beograd, 1977, № 1054, 30 maj, s. 20.

[4] «Комунист», 1978, № 1103, 8 мај; № 1105, 22 мај; № 1106, 26 мај.

Сараево — столица Социалистической Республики Боснии и Герцеговины, где значительная часть верующих исповедует ислам. В городе много мечетей. Одна из них на переднем плане.

дебная, в том числе клерикальная, пропаганда, а на изменение югославского общества в таком направлении, которое исключало бы факторы, способствующие консервации религиозных пережитков. Политика СКЮ, обеспечивающая общее просвещение югославских трудящихся, воспитание их в духе братства и единства, а также борьба за новые общественные отношения освобождают сознание людей от отживших представлений.

Вовлечение верующих вместе с неверующими в процесс социалистического строительства сопровождается в СФРЮ созданием условий, способствующих постепенному изживанию религиозных предрассудков, формированию у трудящихся материалистического мировоззрения. Курс на совершенствование и развитие широкой социалистической демократии, обеспечивающей подлинные свободы и права человека, был еще раз подтвержден на XI съезде СКЮ (июнь 1978 г.), наметившем дальнейшие перспективы социалистического прогресса югославского общества.

КОРОТКО ОБ ИНТЕРЕСНОМ

ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОГО ВОСПИТАНИЯ

В прошлом году в Будапеште состоялось организованное ЮНЕСКО совещание педагогов, посвященное вопросам взаимовлияния труда и воспитания, в котором приняли участие специалисты из Венгрии, Болгарии, Греции, Румынии, Турции и Югославии.

В соответствии с решением Генеральной конференции ЮНЕСКО (Найроби, 1976) исследования по данной теме координирует Венгерский государственный педагогический институт. Совещание вынесло решение о создании долгосрочных педагогических программ. В названных странах будут исследованы влияние труда на развитие личности, роль общества и окружающей среды в выполнении трудовых обязанностей, результаты воспитательной работы школы, система подготовки преподавателей. В этих рамках в Будапеште также будет проведено исследование: какие физиологические факторы необходимы для трудового воспитания молодежи и какие возможности имеются в отдельных странах для формирования общего уровня технических знаний.

ПИОНЕРЫ КНИГОПЕЧАТАНИЯ

По словам советского монголоведа академика С. А. Козина, древняя монгольская литература, ведущая свое начало с X века, представляла собой «величину в сокровищнице мировой литературы».

Богатые коллекции монгольских печатных и рукописных книг, хранящиеся в академических библиотеках МНР и 15 стран Азии, Европы и Америки, а также в Австралии, свидетельствуют о давнем распространении полиграфии у монголоязычных народов. Знаменательно, что они были напечатаны в монгольских типографиях еще за век-два до Иоганна Гутенберга.

Среди этих древних изданий — переводные и оригинальные произведения по истории Монголии и связанных с нею стран, книги по буддизму, языкознанию, словари, учебники, трактаты по индо-тибетской поэтике и индо-тибето-монгольской медицине, фармакологии, по астрономии и астрологии, календари-сказания и легенды, повести, стихотворные произведения и т. п.

У древних монголов существовали металлография (печатание с бронзовых и медных досок), литография, ксилография (гравюра на дереве). Монгольские ксилографические книги делились печатниками на три основных вида: большого формата, как, например, «Ганжур» и «Данжур», среднего формата («Источник мудрецов», «Канон трех иероглифов»), малого формата («Субашид», «Золотое зерцало выбора счастливых дней»). В структуру монгольской книги входили молитвенное обращение, хвала наставнику, основной текст, послесловие.

В монгольских ксилографических книгах было много рисунков, больших и малых таблиц, национальных орнаментов в заставках, символических знаков в концовках. При типографиях работали квалифицированные писцы, художники, проходившие подготовку в специальных мастерских и школах. Почти все приспособления для резьбы, печатания и переплета книг создавались ими самими. Монгольские печатники использовали не менее полутора десятков сортов китайской, тибетской и русской бумаги. Была попытка наладить производство бумаги и в Монголии. Она делалась из корней стеллеры, а также некоторых других растений с примесью волокон дикой конопли, придававшей бумаге прочность.

ЦЕНТР КУЛЬТУРЫ И НАУКИ

Самый старый в Венгрии Национальный музей, существующий 175 лет, с фондом почти в миллион экспонатов — один из шести крупнейших исторических музеев Европы. Кроме того, с 1950 года он координирует все археологические раскопки на территории страны и располагает самой полной в Центральной Европе библиотекой литературы по археологии.

С 1949 года на более чем 110 выставках музея побывало около 6,5 миллиона человек. Для посетителей открыты клуб археологов и кружок друзей музея. Педагогическая группа музея помогает усвоению школьного материала по истории и литературе. Договоры о сотрудничестве с предприятиями помогают приобщить трудящихся к истории национальной культуры.

ПОД ОХРАНОЙ ЮНЕСКО

Древний югославский город Призрен взят под покровительство ЮНЕСКО. Расположенный в провинции Косово, город имеет богатое историческое и культурное прошлое, в нем сохранились памятники римской, византийской и сербской средневековой культуры.

Наряду с финансовой помощью ЮНЕСКО будет периодически привлекать всемирно известных специалистов для решения вопросов, возникающих при сохранении и реставрации исторических памятников города, а также оказывать необходимую техническую помощь.

Мариб. Глинобитные дома.

О. ГЕРАСИМОВ

ПО СЛЕДАМ ЛЕГЕНД О ЦАРИЦЕ САВСКОЙ

Алебастровая головка из музея древностей в Сане.

Библейская легенда повествует, что царица Савская, прослышав о великой мудрости царя Соломона, отправилась к нему в Иерусалим с караваном, нагруженным благовониями и золотом. У арабов легендарная царица известна также под именем Билкис, а у эфиопов — как Македа или Атия-Азеб.

Библия так рассказывает о встрече царицы Савской и царя Соломона: «И сказала царю: верно то, что я слышала в земле своей о делах твоих и о мудрости твоей; но я не верила словам, доколе не пришла, и не увидели глаза мои: и вот, мне и в половину не сказано; мудрости и богатства у тебя больше, нежели как я слышала» (третья книга Царств, гл. 10, ст. 6).

Царь Соломон тоже был пленен умом и красотой своей гостьи. Однако он опасался, что в обличье прекрасной женщины к нему явился дьявол... А если так — у нее должны быть козьи ноги. Он решил проверить свои опасения. Царицу провели в его покои через зал, пол которого был сделан из хрусталя и напоминал бассейн с водой. Царица, как всякая женщина, боясь замочить платье, слегка приподняла подол — опасения царя Соломона оказались напрасными. «И царь Соломон дал царице Савской все, чего она желала и чего просила, сверх того, что подарил ей царь Соломон своими руками» (там же, ст. 13).

Древний Восток знает немало женщин, управлявших государствами. Ассирийский царь Тиглатпаласар III в 738 году до нашей эры подчинил племя ариби во главе с царицей по имени Забити. На фресках Дейр-эль-Бахари в Египте, которые рассказывают об экспедиции, предпринятой царицей Хатшепсут в XVI веке до нашей эры в страну Пунт, изображена местная правительница. Наконец, знаменитая Зиновия из Пальмиры в Сирии дает нам еще один пример осуществления женщиной верховной власти. Их можно продолжить.

Многие историки древности писали о стране Саба, которой управляла царица Савская, о ее жителях. По мнению одних, эту страну нужно искать на юго-западе Аравийского полуострова, по мнению других, — на африканском берегу Красного моря — в Эфиопии. Дидор Сицилийский, говоря о «счастливой Аравии», упоминает «сабейцев» и «город Саба, расположенный на горе, столицу всей страны». Страбон посвящает несколько строк Сабе, находящейся на «заросшей лесом горе».

Один из толкователей Библии Кирилл Александрийский писал: «Земля Саба находится за землей арабов и около Красного моря. Выехав из этого района, царица эфиопов прибыла в Иерусалим во времена Соломона». Другой христианский теолог Теодор из Кира сообщал о том, что «население Сабы было эфиопским. Ибо, как говорят, они поселились на берегу Индийского океана. Ибо их называли химьяритами. Ибо они из района аксумитов. Ибо между теми и другими протянулось море. Их царица была той самой известной и обворожительной женщиной, которую Христос сподобил упомянуть в святом Евангелии. Действительно, услышав о мудрости Соломона, она предприняла многодневное путешествие, предпочтя усталость и трудности пути неге и блаженствам, которым она предавалась во дворце».

Загадка царицы Савской до настоящего времени не разрешена учеными. Среди них есть сторонники как арабской, так и эфиопской версии.

Мне довелось побывать и на юго-за-

Представитель йеменского племени абида.

паде Аравийского полуострова, и на севере Эфиопии, — как бы пройти по следам древних легенд о царице Савской...

. На старом двухмоторном самолете я лечу из города Саны на восток, в Мариб, одну из столиц древнего Сабейского царства, существовавшего на территории Южной Аравии в XI—II веках до нашей эры.

Со второго тысячелетия до нашей эры в Южной Аравии возникали, развивались и гибли государства. Минейское и Сабейское царства, царства Катабан, Хадрамаут — странные, почти ничего не говорящие большинству наших современников названия. Многие историки древности писали о дворцах и храмах южноаравийских владык, о караванах верблюдов, шедших с грузом ладана, мирры и других благовоний в Вавилон, Персию, Египет и Палестину. Благовония жгли на жертвенниках и в алтарях по случаю свадьбы и рождения ребенка, хорошего урожая и победы над врагом. Боги, обитавшие на небесах, как считали древние, питались дымом благовоний, поэтому большая и лучшая часть их шла для религиозных церемоний. Все божества — иудейские, древнеегипетские, греческие и римские — жаждали дыма сжигаемой ароматической смолы, которую получали из босвеллии и комифорры, растущих на узкой полосе побережья Аравийского моря. Благовония считались даром богов, а район, откуда их привозили, — священным.

Внизу, в глубоких и узких долинах, между черных лысых гор ютятся деревушки, обнесенные высокими стенами и связанные друг с другом белыми нитками горных троп. Через 40 минут полета пейзаж меняется: внизу простирается светло-желтая пустыня с одиноко вздыбленными горами.

Рубэль-Хали — «Пустая четверть». Так называли арабы эту часть Аравийского полуострова. Обозревая безбрежное море песка и камня с темными островками гор и унылые глинобитные постройки сегодняшнего Мариба, ощущая дыхание знойного ветра, поднимающего мелкий, скрипящий на зубах песок, никак не можешь представить, что когда-то этот край был цветущим садом, его называли «счастливая Аравия».

В сегодняшнем Марибе живут около тысячи человек, занятых караванной торговлей и выращиванием на поливных землях дурры и кукурузы.

Марибская плотина считается одним из чудес древнего мира. Наш грузовик, поднимая за собой столб белесой пыли, медленно движется вдоль вади* Дана, которое некогда перегораживала плотина, и останавливается у склона горы Балак эль-Кибли. Вечереет. Воздух звенит от стрекота цикад. Большие голубые ящерицы перебегают от камня к камню, забавно припадая на передние лапки. Мы переваливаем через холм, и нашему взору открывается небольшая вспомогательная плотина, сложенная из узких базальтовых плит. Параллельно плотине идет ирригационный канал длиной около километра, некогда орошавший сады левого берега вади Дана. В III веке нашей эры плотина разрушилась, вода ушла, а вместе с водой ушли люди, оставив обреченные на гибель цветущие сады и поля.

В пяти километрах от современного Мариба расположен храм Аввам, посвященный лунному божеству сабейцев Альмакаху, или Илумкуху. У древних семитов луна была одним из главных божеств. Ее изображали в виде рогов быка. Даже в представлении сегодняшнего жителя пустынных районов Аравии солнце — символ зла и жестокости, а луна — символ добра и миролюбия. Более того, бедуины убеждены, что все столкновения и кровавые распри начинаются летом, когда солнце ожесточает людей. Жители этого района Аравии считают, что солнце и луна — супружеская пара, но, «поскольку у них разные характеры, они не смогли жить вместе». В конце или начале каждого месяца супруги приближаются друг к другу, и если в это время случается гроза с громом и молнией, то это, уверены бедуины, отголоски семейной ссоры. Жители пустыни с состраданием смотрят на полную луну, на «лице» которой видны темные пятна — следы побоев безжалостного солнца.

В тот же день мне удалось осмотреть темную комнату в городской крепости Мариба, где хранится около 60 алебастровых статуэток. В этой великолепной коллекции часто встречаются изображения быка. Головой быка украшали алтари, на которых жгли благовония и приносили в жертву животных. В музее много человеческих фигурок и головок. Они имели культовое назначение и, по-видимому, изображали усопших родственников. Некоторые сделаны без соблюдения пропорций: короткое туловище, короткие ноги, но голова и лицо выполнены тщательно, и по ним можно судить о типе лица древнего сабейца, его прическе, украшениях. В растительных орнаментах часто встречаются изображения пшеничного колоса, виноградных гроздьев и листьев. Сабейское царство было богатой земледельческой страной, и древние скульпторы с большим мастерством воплощали в своих работах то, что видели вокруг себя.

Монархическая клика, правившая в Северном Йемене до 1962 года, всеми силами старалась привить народу пренебрежение к древней цивилизации страны, которая будто бы только после принятия ислама обрела настоящую культуру, а до этого находилась в состоянии «джахилия» — невежества.

В вади Сирвах, лежащем на полпути между Саной и Марибом, жители, при попустительстве монархических властей, разбирали древние сооружения и использовали камни для строительства домов. Доведенные до последней грани нищеты, бедуины восточных районов страны за бесценок продавали предприимчивым купцам поделки из филигранного серебра и меди, передававшиеся из поколения в поколение, предметы старины, которые они находили в пустыне в развалинах старых минейских и сабейских городов. Представитель Семитологической археологической ассоциации французский ученый Галеви, посетивший в 1870 году Йемен, рассказывал, что в Марибе он встретил купца, который скупал у бедуинов предметы старины для перепродажи европейцам. Сами западные путешественники обычно вывозили из страны купленные за бесценок плиты с сабейскими надписями и статуэтки. Поэтому в музеях Лондона, Парижа и Вены коллекции памятников древней культуры Аравии гораздо богаче, чем в странах этого района.

Не так давно я совершил поездку по Эфиопии, чтобы осмотреть исторические памятники Аксума — столицы государства, которым, по легенде, правила царица Савская. Надо сказать, что в Эфиопии легенды о ней приобрели своеобразные черты. Здесь рассказывают, что царица вернулась из Иерусалима не только с подарками. Она не смогла устоять перед чарами царя иудеев и, прибыв домой, родила младенца, от которого, как гласят эти легенды, и вела происхождение свергнутая народной революцией несколько лет назад династия абиссинских негусов.

Эфиопы называют царицу Савскую Македа, а ее сына от царя Соломона — Бейна Хекем (или Ебна Хакем), что означает «сын царя». Второе его имя — Менелик. Рассказ о путешествии Македы в Иерусалим имеет множество вариантов, самый известный из которых записан в Аксуме в прошлом веке шведским миссионером Сундстремом, в котором царица Савская выступает под именем Атия-Азеб.

...Мать царя Менелика по имени Атия-Азеб была дочерью одного человека из племени тигре. В те дни племя поклонялось дракону и приносило ему жертвы. Каждая семья, когда наступала ее очередь, посылала в жертву дракону свою перворожденную дочь. Когда наступил черед родителей Атии-Азеб, они привязали свою дочь к кроне дерева, куда должен был прилететь дракон. Но вот к месту, где она была привязана, пришли семь святых. Узнав, в чем дело, они нашли логово дракона и убили его. Капля крови дракона попала девушке на пятку, и ее нога превратилась в ослиное копытце.

Атия-Азеб пришла в деревню на следующий день и показала поселянам труп чудовища. Они выбрали ее своей предводительницей...

До царицы дошли слухи о том, что в Иерусалиме есть царь по имени Соло-

* Вади — сухое русло, наполняемое несколько дней в году водой во время дождя.

мон, излечивающий от болезней, и как только переступишь порог его дома, нога станет, как прежде. Поверив в это, она сделала себе такую прическу, чтобы походить на мужчину, перепоясалась мечом и отправилась в путь.

Когда она приблизилась, царь Соломон услышал: «Царь Абиссинии прибыл». «Пусть войдет», — ответил он. И когда она прошла через порог, ее нога стала такой, какой была прежде. Она вошла к царю и взяла его за руку. Царь приказал принести хлеба, мяса и меда. И она села, чтобы поесть. Она ела и пила мало. И тут царь заподозрил, что перед ним не мужчина, а женщина. Соломон полюбил ее и сделал своей женой.

Царица решила вернуться в свою страну и дома родила мальчика, который очень походил на своего отца, даже цветом лица был как царь Соломон. Его назвали Менеликом.

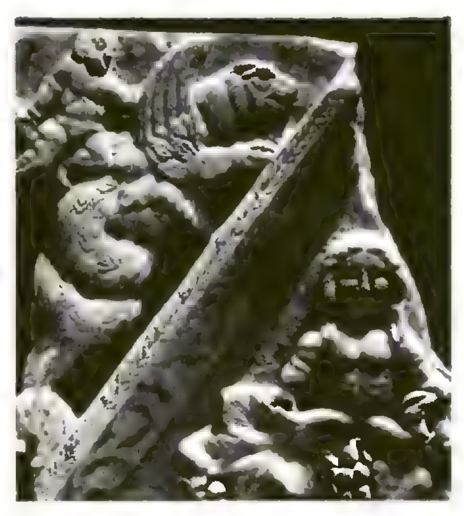

Когда мальчик подрос, он отправился в Иерусалим, где встретился с отцом.

Есть легенда, рассказывающая, что Менелик, уезжая из Иерусалима, выкрал Моисеев ковчег завета из храма царя Соломона, оставив вместо него искусную подделку. С тех пор подлинный ковчег завета, величайшая святыня христиан Эфиопии, якобы хранится в Аксуме, но никто не смеет его видеть. Даже во время праздника Маскал, посвященного окончанию периода дождей, народу показывают лишь искусно сделанную копию ковчега.

Эта легенда, в различных вариантах, по-разному приукрашенная фантазией сказителей, известна в Эфиопии и сегодня. Ученые считают, что наиболее распространенная версия легенды о поездке Македы к царю Соломону была обработана священнослужителями в XIV веке и в этом виде получила широкое распространение.

Сторонники эфиопского происхождения царицы Савской приводят исторические факты и ссылки на авторитеты,

Часть дворцового фриза с характерным для древней архитектуры Южной Аравии рисунком: изображением львицы и богини плодородия.

чтобы доказать, что царица Македа жила в Аксуме, откуда и совершила поездку к Соломону. Они сообщают даже подробности: когда Македа поехала в Иерусалим, ей было 50 лет; умерла она в 986 году до нашей эры. В доказательство ссылаются на Книгу псалмов (псалом 45, стих 11—18), где прямо говорится о визите Македы в Иерусалим. Ссылаются и на то, что в Эфиопии многие религиозные обряды напоминают древнееврейские или, точнее, древние общесемитские обычаи, которые вряд ли могли укорениться без поддержки со стороны верховной власти. Это — и соблюдение субботы, и деление животных на «чистых» и «нечистых», и религиозные танцы, и даже титул бывшего императора Эфиопии, который именовался «царем Сиона».

Приехав в Аксум, я сразу же отправился на центральную площадь к огромной колонне из светло-серого гранита высотой около 20 метров и диаметром два метра. Она стоит на небольшом холме, выложенном серыми плитами, отполированными до блеска тысячами босых ног многих поколений. В одной из плит вырублены четыре углубления, видимо, для сжигания благовоний. К площади от обелиска ведет несколько ступенек.

Развалины храма Аввам в окрестностях Мариба. VII—IV вв. до нашей эры.

Голова бронзового льва, украшавшего один из древнейеменских храмов. V—II вв. до нашей эры.

Вторая достопримечательность Аксума — храм девы Марии, одна из главных святынь христиан Эфиопии. Храм сложен из небольших серых камней. Они скреплены глиной, замешанной на рубленой соломе. Здание сужается кверху. Перед квадратным зданием храма на небольшой площадке разбросано несколько гранитных монолитов, по форме напоминающих кресла. Рассказывают, что в прошлом на этом месте короновали эфиопских императоров, и потому дальше этих камней женщинам ходить не разрешалось.

У ворот храма стоит небольшая медная пушка. Храм закрыт, и, чтобы попасть внутрь, нужно получить разрешение настоятеля.

Меня проводят к нему. В небольшой комнате в кресле сидит человек среднего роста, с темным морщинистым лицом и редкой бородкой. Он закутан в белое покрывало, на его голове — тюрбан. Рядом с креслом стоит радиоприемник и маленький столик с бумагами. На одной стене — лубочные изображения в нескольких картинках: легенда о царице Савской и царе Соломоне. На другой — изображение шестиконечного щита с крестом — символ слияния элементов иудаизма и христианства, характерного для религии современной Эфиопии.

Настоятель соглашается показать мне храм девы Марии... Поднимаемся по широкой каменной лестнице. Монах массивным ключом открывает грубо сколоченные, рассохшиеся двери, и я переступаю порог храма, построенного 400 лет назад.

Ковчег завета мне, естественно, не показали, и настоятель храма уклонился от разговора на эту тему. Однако о царице Савской он говорил весьма охотно. Да, царица Савская и ее предки жили в Аксуме. Здесь же, за городом, находится ее могила, которую мне предложили осмотреть.

Действительно, за городом, в полукилометре от дороги, прямо в пшеничном поле, лежат гранитные плиты с обелисками, подобными тем, которые я видел на центральной площади Аксума. Под одной из них якобы и похоронена легендарная царица. Под двумя другими, как мне объяснили, покоится прах еще двух царей Аксума, а на горе похоронен Менелик, сын царицы Савской и царя Соломона.

На обратном пути я перебирал в памяти факты, вспоминал легенду о царице Савской, записанную в Аксуме, обелиск на площади, храм девы Марии, царское кладбище в пшеничном поле, храм Аввам в Марибе. Где здесь правда, где древние мифы, а где истории, заготовленные на потребу охочим до сенсаций туристам из заморских стран? Ведь детальные исследования археологов, в частности изучение найденных в Марибе надписей и каменной кладки, свидетельствуют о том, что храм Аввам построен во второй половине VII века до нашей эры, поэтому он уж, во всяком случае, не имеет никакого отношения к гостье царя Соломона, правившего в середине X века до нашей эры. Но народная молва, соединившая в романтическом сказании имена царя Соломона и царицы Савской, не желает считаться с историческими фактами, и сказители на обоих берегах Красного моря, в Йемене и в Эфиопии, из поколения в поколение передают легенды о пылкой страсти любвеобильного царя Соломона к красавице Билкис.

Бог в жизни женщины

Т. БЛАГОВА

«Феминизм и вера» — гласили надписи на плакатах и значках делегаток, представлявших религиозные организации на национальной конференции женщин США (ноябрь 1977 г.). Фото из журнала «Чёрч вумен», Нью-Йорк, март 1978 г.

«Христианство быстро превращается в наших странах в религию женщин, стариков и мелких буржуа», — писал еще в середине нашего века известный католический идеолог Эммануэль Мунье. И действительно, социологические исследования религиозности показывают, что женщины составляют более двух третей всех католиков и свыше половины протестантов. К тому же в условиях все углубляющегося кризиса религии женщины начинают играть более заметную роль в массовых, в том числе светских, клерикальных организациях.

Бо́льшая религиозность женщин объясняется их традиционной ролью в обществе и семье. Ведь они столетиями были фактически исключены из общественно-политической и культурной жизни, не имели доступа к образованию. В этих условиях церковь служила для женщины (а во многих случаях остается и поныне) единственным местом общения и досуга. Тем более что и в современном эксплуататорском обществе продолжают существовать социальные факторы, способствующие формированию и воспроизводству религиозных представлений. Это — и экономическая нестабильность, и невозможность решить сложные социальные проблемы, и чувство психологической отчужденности в современном обезличенном западном индустриальном мире, и всегдашний страх за будущее своей семьи.

Все эти обстоятельства заставляют религиозных идеологов сплошь и рядом пересматривать многие традиционные богословские положения относительно природы женщины и ее роли в обществе и церкви.

Вопросы регулирования рождаемости, развода, безбрачия духовенства (целибата), смешанных браков, обсуждавшиеся, например, на II Ватиканском соборе (1962—1965 гг.), показали явную устарелость этического учения католицизма и его канонического кодекса и положили начало ревизии традиционной доктрины Ватикана о месте и роли женщины.

Вопросы эмансипации женщин, а также их более активного участия в приходских советах в последнее время обсуждаются также на конференциях и семинарах, проходящих в рамках Всемирного совета церквей (ВСЦ), объединяющего более 250 некатолических конфессий. Для сравнения напомним, что еще в начале нашего века церковь яростно выступала против работы женщин вне дома, против их участия в производстве и объявляла феминизм[1] «фальшивой теорией, которая, так же как и социализм, хочет разрушить установленный богом порядок в обществе и семье».

Сейчас даже консервативные клерикалы высказываются об эмансипации женщин более осторожно. Оно и понятно. Ведь выдвигаемый ими традиционный тезис о «ложной свободе и неестественном равенстве с мужем, которое разрушает семью и ведет к детской преступности и наркомании», становится все более непопулярным в странах, где женщины составляют 30—40 процентов самодеятельного населения и вносят ощутимый вклад в хозяйственную и общественно-политическую жизнь.

В целом же католическая церковь в женском вопросе ориентируется ныне на призыв французского теолога Жана Обера, автора книги «Женщина, антифеминизм и христианство», писавшего, что «церковь должна критически пересмотреть свое учение, открыть женщинам доступ ко всем ступеням иерархии, если она не хочет потерять женщин, как потеряла рабочий класс и теряет молодежь».

Обновленческая деятельность церкви в этой области особенно усилилась после проведения по решению ООН Международного года женщины (1975 г.) и объявленного ею «Десятилетия в поддержку женщин» (1975—1985 гг.).

Тем временем Ватикан выпустил специальную монографию «Женская проблема» (где комментируется его социально-этическая доктрина о роли женщины в обществе и церкви и приводятся высказывания римских пап по этому вопросу), а также специальный бюллетень, по-новому толкующий соответствующие положения священного писания и священного предания и подчеркивающий «революционную» роль христианства и вклад верующих женщин в дело сохранения мира и «примирения людей с жизнью». Многие видные богословы занялись разработкой новой теологии специально для женщин, которую на Западе зачастую именуют феминистской. На книжные рынки Франции, Италии, США поступило несколько десятков монографий, названия которых говорят сами за себя: «Женщины в мировых религиях», «Женщины в Новом и Ветхом заветах», «Сенсистская[2] религия и женщины в церкви» и т. д.

В позициях современных теологов по женскому вопросу прослеживаются две тенденции. Представители первой — «умеренные обновленцы» — стремятся отказаться от наиболее архаичных положений христианского вероучения, но не за счет разрушения привычных представлений, а главным образом за счет модернистской интерпретации библейских мифов. Другая тенденция представлена ультрарадикальными теологами, которые выходят за рамки религиозной мифологии и предлагают новые модели христианской антропологии.

Наиболее наглядно процессы создания феминистской теологии и организаций видны на примере США. На это есть несколько причин. В то время как в Западной Европе уже давно действуют демократические организации женщин, сочетающие борьбу за равноправие с социально-экономической борьбой, активную поддержку которой оказывают коммунистические партии, — в женском движении США задают тон буржуазные круги. С другой стороны, в этой стране религия играет важную роль, а официальное благочестие считается признаком социальной благонадежности и составной частью американского образа жизни.

Широкая популярность, которую снискало Движение за освобождение женщин в США, заставило тамошние религиозные организации более решительно вмешаться в идеологическую борьбу, разгоревшуюся вокруг женского вопроса.

Критикуя уязвимые позиции неофеминизма и доказывая его никчемность вне связи с религиозной идеологией, клерикалы одновременно стремятся максимально сблизиться с женскими организациями и подчинить их своему влиянию, откровенно заявляя при этом, что «если церковь отвергнет идеи, предложенные феминистским движением, то она оттолкнет женщин, которые уже созрели

[1] От латинского «фемина» — «женщина»; движение женщин за уравнение в правах с мужчинами. Зародилось в конце XVIII в. в США и Франции.

[2] «Сексизм» — широко употребляющийся в настоящее время на Западе в социально-политической лексике термин. Означает дискриминацию по признаку пола.

для эмансипации, и снова окажется не в состоянии претворить в жизнь учение Евангелия о равенстве женщин».

В своей монографии «Женщина в христианской традиции» протестантский богослов Джордж Тавард предлагает создать «женскую теологию», под которой он понимает систему взглядов о природе женщины, ее роли в обществе, семье, церкви, о ее трансцендентном и земном предназначении. И католические и протестантские богословы сходятся в том, что основы такой теологии заложены в Новом завете. Если Ветхий завет, по их мнению, «отражает постепенное закабаление женщины в древнееврейском обществе», то Новый — «абсолютное равенство мужчины и женщины». Другими словами, они рассматривают христианство как поворотный пункт в статусе женщины. «Отношение Христа к женщине находится в резком противоречии с последующими учениями религиозных деятелей и отцов церкви, — утверждает, например, Южнобаптистская конвенция США (объединение баптистских церквей южных штатов). — Христос поддерживал дружеские отношения с Марфой и Марией, защищал падшую женщину, заботился о матери... считал возможным для женщины заниматься интеллектуальной деятельностью».

Религиозные идеологи усматривают идею равенства мужчины и женщины в Послании апостола Павла к галатам (гл. 3, ст. 28). Действительно, основой христианского гуманизма является сопричастность человека к богу независимо от пола, этнической принадлежности и социального положения. Но такое равенство перед богом в Новом завете мирно уживается с формулировками, освящающими гнет и неравенство на земле. В частности, в Послании к ефесиам, которое также часто цитируется христианскими богословами, поучение апостола Павла «каждый из вас да любит свою жену, как самого себя» (гл. 5, ст. 33) соседствует с наставлениями: «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как господу... во всем» (гл. 5, ст. 22, 24) и «жена да боится своего мужа» (гл. 5, ст. 33).

В этой связи по-новому интерпретируется и миф о грехопадении. Уже упомянутый Дж. Тавард, комментируя третью главу книги Бытие, подчеркивает, что «Ева хотела научиться распознавать добро и зло, предвидеть, каким путем будет развиваться человечество, но бог не мог допустить, чтобы человек сравнялся с ним. Однако этот миф отражает заложенное в человеке стремление к познанию истины, стремление трансформировать мир и обеспечить свое будущее».

Современная американская теологическая мысль пытается представить религию как гуманистическую силу, якобы противостоящую обесчеловечивающим социальным факторам, а либеральные теологи облекают в религиозную форму широкое движение протеста, развернувшееся в капиталистическом мире.

«Теология освобождения», порожденная социальной ситуацией в Латинской Америке, дала новые всходы в США, где возникли многочисленные варианты последней («теология для черных», «теология для индейцев» и др.), которые, в отличие от латиноамериканских течений такого рода, носят отнюдь не радикальный, а сугубо реформистский характер, что относится и к так называемой «феминистской теологии».

Последняя, по мысли ее идеологов, призвана «интерпретировать в духе Евангелия чаяния угнетенных женских масс, служить инструментом изменения положения женщин и их освобождения». Автор книги «Феминистская теология в перспективе» Л. Рассел утверждает: «Теология освобождения — это инструмент изменения мира для всех, кто верит в эсхатологические пророчества Библии, адресованные угнетенным массам».

«Феминистская теология» пытается представить женское движение как совершенно самодовлеющее, оторванное от общедемократической борьбы за социальный прогресс и предлагает решать женский вопрос посредством «духовного обновления», в основе которого лежит религиозная вера.

Известная деятельница Национальной организации женщин США профессор теологии Мэри Дэйли главной задачей считает борьбу против «сексизма в обществе и церкви». В своих сочинениях она с гневом обрушивается не только на богословские авторитеты прошлого (Фома Аквинский, Лютер, Кальвин), но и на современных теологов (К. Барт и др.), обвиняя их в принижении роли женщины и в попытках доказать необходимость ее подчинения мужчине. М. Дэйли предлагает отказаться от некритических стереотипов мужской культуры, которые обосновывают приоритет мужчины в обществе, и призывает к «женской революции». Последняя, по ее мнению, должна свершиться в русле общего освобождения и означает прежде всего «духовную революцию, направленную против идолов сексистского общества, к творческому осмыслению трансцендентности».

Критикуя патриархальный образ бога, М. Дэйли утверждает, что он был оправдан условиями времени и сослужил службу тем общественным структурам, которые его породили, однако теперь должен отмереть. В этом она видит «революцию и становление нового типа сознания».

Однако подобные идеи, несмотря на их кажущуюся «революционность», на деле представляют собой лишь еще один подчищенный и утонченный вариант религии: им свойственны те же иллюзорные надежды решить социальные проблемы путем «духовного обновления», декларативность, перенесение ответственности эксплуататоров за существование «патриархального, сексистского общества» на всех мужчин в целом и т. д. и т. п. Таким образом, радикальные на первый взгляд идеи М. Дэйли выражают наметившуюся в религиозной идеологии тенденцию сохранить влияние религии даже путем серьезной ревизии вероучения.

Значительную роль феминистская теология отводит образу девы Марии, которая представляется активной участницей дела Христа. Богословы от феминизма не согласны со стереотипами «сексистской», то есть традиционной, теологии, согласно которым бог и его ипостаси всегда выступают в мужском роде. В этой связи наблюдается даже возросший интерес к образу девы Марии в протестантизме. Как известно, последний отвергает ее «обоготворение», характерное для католицизма, и в протестантских храмах отсутствуют изображения богоматери, хотя она и упоминается в молитвах. Однако теперь многие протестантские теологи отмечают универсальность образа девы Марии, его ценность для всех христианских вероисповеданий как примера истинной добродетели, кротости, материнства. В частности, М. Дэйли отмечает противоречивость этого образа. С одной стороны, пишет она, почитание Марии есть определенная компенсация за униженное положение женщины, а с другой — это культ свободной женщины, которая благодаря целомудрию стала матерью богочеловека.

Известный же американский протестантский теолог Харви Кокс предлагает отделить официальную мариологию, которая «использовалась для манипулирования женскими массами, от истинной веры, от мариологии, которая выражает чаяния и надежды женщин». Последняя, по его мнению, не «опиум, а крик протеста и надежды» и должна стать частью «радикальной теологии освобождения — этой религии эксплуатируемых и преследуемых». Как видим, образ девы Марии по-прежнему служит целям объединения женщин вокруг церкви и представляет собой одно из средств психологического воздействия на верующих, особенно в условиях все углубляющегося кризиса религии.

Клерикальные женские организации применяют строго дифференцированный подход к верующим, прекрасно понимая, что если одних женщин привлекает культовая сторона религии, то другие ищут в ней точку приложения своей энергии и наклонностям. В США, например, женские организации, входящие в Объединение женщин-прихожанок Национального совета церквей и в Национальный совет женских католических организаций, помогают местным властям в сфере здравоохранения и досуга, профессионального обучения и образования, в создании детских площадок и библиотек, в налаживании службы быта в перенаселенных районах.

Протестантские и католическая церкви США стремятся превратить религиозную общину, приход в ту микросреду, где бы женщина находила утешение и поддержку со стороны других верующих и которая могла бы ей помочь обрести психологическую стабильность, избавиться от чувства страха и одиночества. Кроме того, община выполняет целый ряд хозяйственных функций: оказывает материальную помощь, облегчает получение квалификации, выделяет средства на лечение и т. д. Протестантские и католические проповедники консультируют женщин по вопросам их прав, воспитания детей, взаимоотношений в семье и т. д.

Такая широкая социально-благотворительная деятельность приходов укрепляет их влияние на женскую половину паствы, вместе с тем способствуя сохранению и воспроизводству религиозности в семье. Опросы социологов показывают решающую роль матери в процессе формирования системы религиозных ценностей у подрастающего поколения, поэтому христианские идеологи считают, что, «формируя женщину, они формируют семью».

Многие религиозные феминистские организации приняли участие в национальной конференции женщин США в Хьюстоне (ноябрь 1977 г.). Она одобрила программу, выдвинувшую требова-

ния сокращения расходов на вооружение и перевода военной промышленности на мирные рельсы, выплаты пособий для семей с низким доходом, создания государственных детских учреждений, улучшения медицинского обслуживания женщин и т. д.

Либерально-обновленческие тенденции в современной религиозной идеологии и активизация деятельности клерикалов среди женщин свидетельствуют о стремлении церковников по-своему решать эти проблемы, не прибегая к радикальному преобразованию общества, в надежде таким путем приспособиться к духу времени и удержать под своим влиянием широкие женские массы.

Компартия США уделяет большое внимание изменениям, которые происходят в христианских кругах, и делает отсюда практические выводы. Американские коммунисты указывают, что религиозные идеологи, выступающие под флагом модернизма, пытаются умалить ценность реальной борьбы за социализм. Коммунисты считают, что в этом плане феминистская теология, как и вся «теология освобождения», не выходит за рамки реформистской идеологии современного капитализма. Те элементы социального протеста, которые в ней содержатся, уже нашли выражение в теории научного коммунизма, в конкретной практике строительства социалистического общества. Особая форма угнетения по признаку пола — равно как и расизм или дискриминация национальных меньшинств — обусловлена социальной системой и может быть устранена только путем установления справедливого общественного строя.

Тем не менее радикальные изменения в религиозных представлениях облегчают установление контактов с верующими и их участие в совместных действиях, направленных на демократизацию общества и социальный прогресс. И хотя феминистская теология совершенно непригодна для решения женского вопроса, она не может служить препятствием для достижения единства действий женщин различных социальных слоев и убеждений в борьбе за насущные нужды и коренные интересы трудящихся, за сохранение, углубление и расширение демократических прав и свобод всего народа.

Новинки литературы

Г. А. Габинский. ТЕОЛОГИЯ И ЧУДО. Критика богословских концепций. М., «Мысль», 1978, 280 стр. с илл., 40 000 экз., 1 руб. 70 коп.
В монографии раскрывается сущность современной христианской теологии, анализируются язык и логика богословия, теологическая категория чуда, рассматривается традиционное учение религии о чуде, попытки спасти это учение в современных условиях, примирить его с наукой.

А. И. Клибанов. НАРОДНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ УТОПИЯ В РОССИИ. XIX в. М., «Наука», 1978, 342 стр., 3 150 экз., 3 руб. 60 коп.
Монография посвящена исследованию форм идеологического протеста народных масс в ходе освободительной борьбы в XIX веке, в том числе и таких, когда этот протест облекался в религиозную форму. Особое внимание уделено положительным социальным идеалам народа, примерам создания народных «общежительств» на началах обобществленных средств производства, кооперации трудового процесса, бытового устройства и новых форм семьи и брака.

А. Н. Кочетов. ИСКУССТВО И РЕЛИГИЯ. М., «Знание» (серия «Эстетика», № 10), 1978, 64 стр., 110 960 экз., 11 коп.
В брошюре сопоставляются две формы общественного сознания — искусство и религия. Автор прослеживает, как в истории материалистической философии в борьбе с богословскими теориями о «божественной» сущности искусства раскрывалось истинное понимание глубины противоречия между этими двумя общественными явлениями. Искусство и религия показаны как антагонисты в сферах познавательной, психологической и общественно-исторической. Вскрыты тенденции их эволюции.

С. И. Никишов. НЕСОВМЕСТИМОСТЬ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ С РЕЛИГИЕЙ. (К 70-летию выхода в свет книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»). М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 11), 1978, 64 стр., 52 440 экз., 11 коп.
В брошюре показана всесторонняя критика субъективного идеализма, данная В. И. Лениным в книге «Материализм и эмпириокритицизм», раскрывается реакционный характер любых попыток «примирить» социализм с религией. Автор показывает непреходящее методологическое значение книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» для критики современных религиозно-философских концепций.

А. А. Осипов. ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР С ВЕРУЮЩИМИ И НЕВЕРУЮЩИМИ. Размышления бывшего богослова. Лениздат, 1978, 287 стр., 25 000 экз., 65 коп.
Имя Александра Александровича Осипова широко известно в нашей стране. В прошлом видный православный богослов, он в 1959 году порвал с религией, стал пропагандистом научного атеизма. В книге собраны статьи, письма, отрывки из книг — лишь малая часть написанного А. А. Осиповым за последние восемь лет жизни (он умер в октябре 1967 года). Искренние, глубокие по содержанию, яркие по форме размышления о вере в бога и об атеизме предназначены прежде всего верующим читателям. Книгу смогут с успехом использовать в беседах с верующими и пропагандисты атеизма.

Л. И. Шайдуллина. АРАВСКАЯ ЖЕНЩИНА И СОВРЕМЕННОСТЬ. М., «Наука», 1978, 200 стр., 5 000 экз., 1 руб. 10 коп.
В книге подробно исследуется важная в научном и практическом аспектах тема: положение женщины в арабских странах. Автор излагает основные положения Корана и шариата, касающиеся женщины, отношение деятелей ислама разных эпох к воспитанию и образованию женщины, ее роли в обществе, анализирует концепции современных мусульманских идеологов и показывает роль арабской женщины в национально-освободительных движениях и современной социально-экономической и политической жизни.

* * *

В. Н. Ачкасова и И. Ф. Тоцкая. СОФИЙСКИЙ ЗАПОВЕДНИК В КИЕВЕ. Фотопутеводитель. Киев, «Мистецтво», 1978, 191 стр. с илл., 50 000 экз., 1 руб. 20 коп.

Г. А. Богуславский. ОСТРОВА СОЛОВЕЦКИЕ. 3-е изд. Архангельск, Сев.-Зап. книжн. изд-во, 1978, 173 стр., 50 000 экз., 40 коп.

Л. Воронкова. НЕИСТОВЫЙ ХАМЗА. Повесть. М., «Детская литература», 1978, 253 стр. с илл., 75 000 экз., 70 коп.

«КАЛЕНДАРНЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ В СТРАНАХ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ». Конец XIX — начало XX в. Летне-осенние праздники. М., «Наука», 1978, 295 стр. с илл., 26 800 экз., 1 руб. 90 коп.

И. А. Манжигеев. БУРЯТСКИЕ ШАМАНИСТИЧЕСКИЕ И ДОШАМАНИСТИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ. Опыт атеистической интерпретации. М., «Наука», 1978, 127 стр., 6 900 экз., 60 коп.

«ОСНОВЫ НАУЧНОГО АТЕИЗМА». Учебное пособие для учащихся средних специальных учебных заведений. Изд. 2-е, перераб. М., «Высшая школа», 1978, 144 стр., 100 000 экз., 35 коп.

«ПРОГРАММА КУРСА ОСНОВ НАУЧНОГО АТЕИЗМА». Для университетов марксизма-ленинизма. М., Политиздат, 1978, 39 стр., 42 000 экз., 5 коп.

«ФИЛОСОФСКИЕ ТЕКСТЫ «МАХАБХАРАТЫ». В 2-х вып. Вып. 1. Кн. 1. Бхагавадгита. Ашхабад, «Ылым», 1978, 335 стр., 6500 экз., 3 руб. 86 коп.

Л. А. Фрейберг и Т. В. Попова. ВИЗАНТИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЭПОХИ РАСЦВЕТА. IX—XV вв. М., «Наука», 1978, 287 стр., 9600 экз., 1 руб. 30 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

«Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока». М., 1978. Из содержания: **Е. К. Аджинджал.** Изображение «Диониса» на абхазском паласе XIX в., стр. 125—129; **А. Т. Шортанов.** Культ Диониса и Ажагафэ, стр. 130—134; **Ю. А. Рапопорт.** К вопросу о дионисийском культе в священном дворце Топрак-калы, стр. 275—284; **О. И. Галеркина.** Элементы пантеизма в исламской миниатюре, стр. 292—299.

Ф. Винкельман. Некоторые замечания к оценке роли монофизитства в Египте в послеюстиниановскую эпоху. «Византийский временник», 1978, № 39, стр. 86—92.

А. Ю. Григоренко. Против фидеистических извращений генезиса научного знания. «Вестник ЛГУ». Экономика. Философия. Право. Вып. 1, 1978, № 5, стр. 65—69.

В. Каваляускас. Под мантией епископа: документы о Вицентасе Бризгисе. «Коммунист». Вильнюс, 1978, № 5, стр. 57—66.

Б. Р. Лопухов. Фашистское государство и церковь. Италия. 1919—1920 гг. В кн.: «История фашизма в Западной Европе». М., 1978, стр. 91—94.

Г. П. Лупарев. Критика некоторых религиозных трактовок вопросов государства и права. «Известия АН КазССР». Серия общественных наук. Алма-Ата, 1978, № 2, стр. 76—84.

Я. Н. Мараш, Т. Б. Блинова. Классовая борьба во владениях католической церкви в Белоруссии во II пол. XVIII в. В кн.: «Из истории крестьянства Белоруссии». Минск, 1978, стр. 102—114.

А. А. Митрюк. Формирование научного материалистического мировоззрения молодежи как фактор повышения ее социальной активности в условиях развитого социализма. В кн.: «Социализм и молодежь». М., 1978, стр. 55—59.

Д. В. Михновский. Искусство и религия. В кн.: «Искусство и общество». Л., 1978, стр. 145—175.

И. В. Можейко. Всесоюзное совещание «Основные направления и задачи советской буддологии». «Народы Азии и Африки», 1978, № 2, стр. 166—169.

Плутарх. Моралии. Об «Е» в дельфах. «Вестник древней истории», 1978, № 9, стр. 235—252.

А. А. Подмазов. О применении социологических исследований для изучения религиозности населения Латвии. «Известия АН Латв. ССР». Рига, 1978, № 4, стр. 45—57.

Сдано в набор 15. 12. 78.
Подписано к печати 26. 01. 79.
А 08313.
Формат издания 60×90/8
Глубокая печать.
Условных печатных листов — 8.
Учетно-издательских листов — 11,07.
Тираж 440 000 экз.
Зак. 06120.

Адрес редакции:
109004, Москва,
Ульяновская, 43, корп. 4.
Телефоны:
297-02-51, 297-10-89.

Ордена Ленина комбинат печати издательства «Радянська Україна»
г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

Виссарион Белинский. Портрет худ. К. Горбунова.

За Домом-музеем В. Г. Белинского раскинулся просторный и тенистый сад.

Фото Ф. Гуртовника

Дом-музей В. Г. Белинского. Гостиная.

Здание районной библиотеки, носящей имя великого критика.

На центральной улице города Белинского возвышается фигура славного земляка, выполненная скульптором Г. Маловым.

Полотно художника А. Наумова запечатлело последние дни смертельно больного Белинского. У его постели — Н. А. Некрасов и И. И. Панаев.

33–13

Цена 30 коп.
70602

В следующем номере

ЛЕНИНСКОЙ РАБОТЕ
«МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ» – 70 ЛЕТ.

КАК ЛЕНИН БОРОЛСЯ В НЕЙ С БОГОСТРОИТЕЛЯМИ И БОГОИСКАТЕЛЯМИ? КАКОВЫ УСТРЕМЛЕНИЯ ИХ СОВРЕМЕННЫХ НАСЛЕДНИКОВ? НА ЭТИ ВОПРОСЫ ОТВЕЧАЕТ СТАТЬЯ ДОКТОРА ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА С. И. НИКИШОВА.

СЛОВО ЗОВУЩЕЕ

Первый заместитель председателя Правления общества «Знание» Туркменской ССР Р. КАРАЕВ ведет разговор об опыте лучших лекторов республики.

12 апреля – ДЕНЬ КОСМОНАВТИКИ

Космонавты Ю. ГЛАЗКОВ и О. МАКАРОВ рассказывают корреспонденту журнала о своей работе, о мыслях, которые она вызывает; о мечтах и устремлениях небесных первопроходцев, посланцев человечества в Космосе.

ПОТЕРЯННАЯ МОЛОДОСТЬ — начало повести И. и М. Витковских о сложной судьбе человека, который стал проповедником в секте истинно-православных христиан. Усомнившись в своей вере, он после долгих и трудных поисков нашел все же путь к свету, к людям.

ЧИТАТЕЛЬ СООБЩАЕТ

На страницах этого номера читатели делятся опытом атеистического воспитания, говорят о своем отношении к религии, рассказывают о легендах и суевериях, бытующих в их краях, задают редакции вопросы.

В очерке «300 ИНДЕЙЦЕВ И ОДИН КСЕНДЗ» польский писатель Ольгердт Будревич рассказывает о своих встречах в дебрях Амазонки.